

РУССКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ

РУССКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ

НЕЗАВИСИМЫЙ РУССКИЙ ПРАВОСЛАВНЫЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ

ДЕВЯТЫЙ ГОД ИЗДАНИЯ

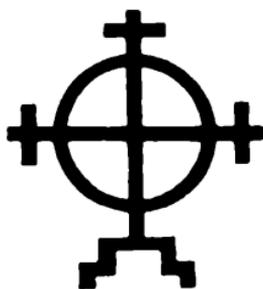
НЬЮ-ЙОРК · МОСКВА · ПАРИЖ

1986 (II) Выходит четыре раза в год № 34

№ 34
1986
(II)

РУССКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ

НЕЗАВИСИМЫЙ РУССКИЙ ПРАВОСЛАВНЫЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ

НЬЮ-ЙОРК · МОСКВА · ПАРИЖ

1986 (II) ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД № 34

РУССКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ

- 1978 Журнал, по благословию Русской Православной Церкви за рубежом, был основан протоиереем о. Александром и К.И. Киселевыми, Н.Ф., И.Э. и А.Н. Федоровыми
- 1978-79 Главный редактор – кн. С.С. Оболенский
- 1980-81 Главный редактор – Г.А. Хомяков
- 1982 Редакция: К.И. Киселева, Т.А. Родзянко (секретарь), З.В. Трифунович, М.А. Холодная (заместитель г. редактора), О.П. Ильинский

Члены редакционного совещания:

В.И. Алексеев (США); З.Е. и Ю.П. Залесские (Франция);
Е.Н. Казанская (Австралия); А.Е. Климов (США);
Н.П. Полторацкий (США); Прот. В. Потапов (США);
Г.А. Рар (ФРГ); Дьякон Н. и Н.Г. Семеновы (Франция);
Прот. А. Трубников (Франция); А.Н. Федоров (Франция)

Ответственный редактор № 34 – М.А. Холодная

Всю переписку, рукописи и подписную плату просим посылать по адресу издательства:

V. Rev. A. KISELEV
Russkoe Vozrozhdenie – St. Seraphim Foundation, Inc.
322 West 108th Street
New York, N.Y. 10025 USA
Tel.: (212) 663-9093

Помещаемые в журнале статьи не обязательно выражают взгляды редакции, считающей, что тема русского возрождения должна обсуждаться возможно более свободно и широко.

Непринятые рукописи не возвращаются.

Казначей журнала – И.П. Холодный

Ревизионная комиссия:

Е.А. Александров, Н.В. Казякин, А.Д. Кулеша

© 1986 by Russkoe Vozrozhdenie – St. Seraphim Foundation, Inc.
(ISSN 0222-1543).

---

*Обложка – крест из церкви свв. апостолов Петра и Павла
в Кожевниках (Новгород), 1406 г. – работы
художника А.В. Русака*

Задачи Журнала

Журнал РУССКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ ставит себе задачу быть собирателем и глашатаем духовных чаяний нашего народа в годы, предшествующие тысячелетию его крещения (988-1988).

Воспринимая православное христианство и национальное самосознание как основные элементы нашего отечественного бытия, мы утверждаем необходимость их историософской неслиянности и нераздельности в нашем историческом будущем.

Мы исповедуем Православную Церковь не только как благодатный организм нашего спасения, но и как творческую силу нашей истории.

Журнал посвящается достижению великого русского церковно-земского примирения и согласия в России, в русской жизни и мысли.

Основываясь на православном и национальном самосознании, журнал будет бороться с клеветой, столь часто возводящейся на русскую нацию, на ее духовные устои, историю, культурные и государственные традиции.

Всё, что духовно созвучно вышесказанному, что отражает процессы происходящего у нас на родине возрождения, – литература, философия, история, проблемы государственной жизни или вопросы веры и Церкви, вопросы национального бытия и всё, что с ними связано и из них вытекает, входит в круг интереса журнала.

Журнал будет освещать проблемы современного Запада в свете русского исторического опыта. Он будет блюсти чистоту русского языка, как в моральном, так и в литературном смысле.

Мы – дети одной Церкви и сыны одного Отечества. Пограничные кордоны и тяжелая рука власти могут мешать, но не могут воспрепятствовать нашему общему делу, нашей единой любви, нашему братству.

С верой в правоту дела и надеждой на помощь Божию, мы приступили к изданию журнала, долженствующего отражать и осмыслять в канун тысячелетия крещения наше РУССКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ.

Издание субсидируется следующими русскими церковными и общественными организациями:

Академическая Группа в США – Американско-русское просветительное Общество «Родина» – Архиерейский Синод Русской Православной Церкви за границей – Тройственный союз казаков Дона, Кубани и Терека – Гарнизон 297 им. ген. Турчинова – Западно-Американская и Сан-Францисская Епархия – Кадетское Объединение – Комитет защиты гонимых православных христиан – Комитет объединенных русских организаций в Лос-Анжелесе – Конгресс русских американцев – Национальная Организация Витязей – Национальная Организация русских разведчиков (НОРР) – Организация Российских юных разведчиков – Западно-Американский отдел ОРЮР/НОРС – Общество «Отрада» – Обще-Монархическое Объединение в Монреале – Общество «Икона» в Париже – Православное Братство во имя всех Святых Земли Российской – «Православное Дело» – Русско-Американское просветительное общество в Детройте – Женское общество помощи Австралийской Епархии – Русский центр в Сан-Франциско – Св. Серафимовский Фонд – Австралийско-Новозеландская Епархия – Ставропигиальный Св. Троицкий Монастырь (Джорданвилль) – Союз русских инженеров – Св.-Петропавловский кафедральный собор – Российское национальное объединение в Германии – Братство Святого Креста в Австралии – Общество друзей скита на военном кладбище в Мурмелоне, Франция – Фонд Блаженной Ксении Петербургской, США – Фонд Царя-Мученика – Православное братство всех Святых, США – Восточно-Американская и Нью-Йоркская Епархия – Владимирское братство, США – «Русский очаг», Аргентина – Толстовский Фонд – Ставропигиальный Храм-Памятник Св. Кн. Владимира, Джексон, Н. Дж. – Церковь во имя Преп. Сергия Радонежского, Валлей Коттедж, Н.Й. – Храм Покрова Пресв. Богородицы, Скенектади, Н.Й. – Богоявленская церковь, Бостон, Масс. – Новое Дивеево, Спринг Валлей – Храм Покрова Пресв. Богородицы, Наяк, Н.Й. – Церковь Преп. Серафима Саровского, Си-Клиф, Н.Й. – Церковь Св. Иоанна Предтечи, Вашингтон, Ди. Си. – Церковь Св. Александра Невского, Лейквуд (Хауэлл), Н.Дж. – Успенская Церковь, Ричмонд Хилл, Н.Й. – Благовещенская церковь, Флошинг, Н.Й. – Церковь Св. Серафима, Нью-Йорк, Н.Й.

Этот список будет пополняться по мере выражения другими русскими организациями желания в нем участвовать.

СТОДВАДЦАТИПЯТИЛЕТНИЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ КРЕСТЬЯН

1861 – 1986

Событие 1861 года великая веха в истории нашего народа на пути возрождения, возвращения к тем первоосновам, которые произрастали из семени нашего крещения тысячу лет тому назад. Волей Царя-Освободителя, и при участии лучших людей России, были разрешены два коренных вопроса русской государственной жизни: освобождение крестьян от крепостной зависимости и восстановление соучастия всех сословий в жизни страны, через земские учреждения и суд «гласный, скорый, правый, милостивый, равный для всех».

«Осени себя крестным знаменем, русский народ, и призови Божие благословение...» – в этих словах манифеста об отмене крепостного права ключ к пониманию того, что искание высшей, Божией, правды побудил одних – пожелать, других – добиться, а третьих – принять эти реформы, остановить нарушенные отеческие предания и претворить в жизнь нации великие заветы христианства.

Но ничто не ново. Как в наше время, так и в прошедшие времена люди по-разному воспринимали осуществление основоположных принципов нашего государственного жизнеустройства.

Спустя двадцать лет, 1 марта 1881 года Царя-Освободителя, строившего столь дорогую нам отечественную историю, зверски убили те, кто в истступ-

лении своем не поняли, что «Лучшие и прочнейшие изменения суть те, которые происходят от одного улучшения нравов, без насильственных потрясений политических, страшных для человечества...» (Пушкин, «Путешествие из Москвы в Петербург»).

Редакция

**ПЕРИОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ МЫСЛИ**

ПРАВОСЛАВНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Журнал ставит себе целью возродить древнее, святоотеческое, православное мировоззрение, предлагая православную точку зрения на самые современные явления и события.

Адрес издательства:

Orthodox Observer
8011 Champagneur Ave., Montreal, Que.
H3N 2K4
Canada

Цена 3.00 ам. дол. для Канады, Америки и Австралии.
Для стран с низкой валютой – цена из расчета 50 ам. центов.

К ОТМЕНЕ КРЕПОСТНОГО ПРАВА (1861 – 1986).

В моих работах по составлению истории Первого Кадетского Корпуса, двухсотлетний юбилей основания которого исполнился в 1932 году, я подошел в последнее время к самым животрепещущим ее страницам, имеющим несомненную связь с актом 19 февраля 1861 года.

Роль, которую сыграл в этом благороднейшем акте Первый Кадетский Корпус, заключается, конечно, не только в том, что редакционные комиссии работали в стенах Ростовцевского зала корпуса под руководством его главного начальника, Якова Ивановича Ростовцева, и при участии бывшего Августейшего кадета, Вел. Князя Константина Николаевича, как деятельнейшего члена комиссии; и не только в том, что акт этот дан с высоты престола Царем-Освободителем, державным шефом корпуса, также бывшим Августейшим его кадетом. Главная роль, сыгранная корпусом, заключается в его участии в систематическом перевоспитании русского мышления, начавшемся с половины XVIII века в России.

Гуманитарные принципы воспитания, давшие определение слову «Человек», были введены в основу воспитания русского юношества лишь Императрицей Екатериной II.

Эта мудрейшая женщина самолично составила в 1766 году новый устав «Императорскому Сухопутному Шляхетскому Корпусу, учрежденному в 1732 г. в

Санктпетербурге для воспитания и обучения благородного русского юношества». Он может почитаться и сейчас еще лучшим законоположением в деле воспитания молодежи.

Для точного и неукоснительного выполнения всех требований нового устава Императрица назначила своего ближайшего сотрудника в этом деле, Ив. Ив. Бецкого директором корпуса, а затем и своего родственника графа Ангальт, создателя золотой эры корпусной жизни.

Трудно было этим пионерам гуманитарного воспитания вводить новые методы при противодействии инакомыслящих. Первые же печальники несчастного крепостничества, пострадавшие за открытую борьбу с этим злом, были члены той же кадетской семьи, в которую идеи эти были внедрены самой Императрицей. Пройдя затем через печальную историю декабризма, эти идеи получили, наконец, права гражданства лишь 19 февраля 1861 г. Потребовалось таким образом почти целое столетие, чтобы перевоспитать крепостнические идеи правящего класса. Но чтобы дать полную картину участия корпуса в уничтожении рабства в России, я принужден, хотя бы в кратких штрихах, набросать историю возникновения рабства и уничтожения русского крепостного права.*

Земледельцы, составлявшие главную массу населения, прозванные еще монголами крестьянами по созвучию с христианами, были прикреплены к земле в конце XVI-го столетия по акту царя Феодора Иоанновича.

---

* Цитировать я буду еще по труду проф. Энгельмана, изд. в русск. переводе под ред. Кизеветтера – «История крепостного права в России». Москва, 1900.

Каждый землевладелец получил право не выпускать крестьян со своей земли, а в случае их самовольного ухода возвращать их обратно с женами, детьми и со всем имуществом. Но по этому акту разрешалось возвращать только тех, которые бежали не более, как за пять лет до его издания. Последующие указы все более ухудшали положение крестьян, и, наконец, уложением Царя Алексея Михайловича в 1649 году крестьянское прикрепление получило не только дальнейшее развитие, но и было поставлено на совершенно новое основание, благодаря чему только и сделалось возможным образование крепостного права – на почве крестьянского прикрепления к земле. Разница между прикреплением по акту Федора Иоанновича 1597 г. и Уложением Царя Алексея Михайловича 1649 г. была та, что по первому крестьянское прикрепление являлось частно-гражданской сделкой, по договору землевладельца с земледельцем; по второму же, напротив, в писцовом наказе договор оставлен совершенно в стороне, решающее значение получил факт внесения в крепостные книги. Только те крестьяне считались крепостными, имена которых были внесены в эти книги, но зато вместе с ними прикреплялись и их семьи и все их потомство. Крестьянин и его наследники считались крепкими земле не потому, что они арендовали земельный участок, а потому, что крестьянин был приписан в книгах к такому-то имению; но раз он был записан в книги, все его потомство должно было оставаться в том же имении, и владелец имел право посадить их на землю, не заключая с ними нового договора. Все постановления, развитые в Уложении, вытекали из одной основной мысли: **крестьянин составляет собственность владельца**, ибо Уложение открыто признавало за всеми землевладельцами право подвергать своих

крестьян телесным наказаниям и запретило судам принимать от крестьян и холопей доносы на помещиков, кроме случаев государственной измены. В 1653 г. помещики уже пользовались правом телесно наказывать крестьян за пьянство и драки. Чем сильнее пользовались землевладельцы своей полицейской властью, тем более учащались крестьянские побегі. Крестьяне укрывались в леса, составляя разбойничьи шайки, перебегали к другим землевладельцам или, наконец, спасались за пределы государства, уходя на восток или на юг, в казачество, колонизировали леса и степи.

Все принимаемые правительством меры не помогали, а наоборот, ухудшали положение крестьян. Прежде продажа крестьян без земли не допускалась, потому что вследствие такой продажи крестьянин становился холопом, а правительство строго разграничивало эти две категории, так как холопы не платили податей и не несли никаких государственных повинностей. В 1658 году побег крестьянина был приравнен к побегу холопа, т.е. к уголовному преступлению.

В 1661 и 64 годах даны указы о розысках беглых крестьян и о карах, применяемых как к беглецам, так и к их укрывателям. А в 1667 г. и церковь была лишена права давать убежище беглым; священническое облачение и монашеский клобук перестали служить их защитой: если беглые крестьяне поступали в служение к алтарю или принимали монашеское пострижение, их лишали сана и возвращали прежним владельцам. Все это способствовало размножению разбойничьих шаек и возникновению крестьянских бунтов.

Петр принял тяжелое наследство прежних веков и, решив все реформировать, чтобы открыть окно в

Европу, естественно занялся прежде всего устройством: регулярной армии, постоянного флота и постройкой городов, портов и верфей. Для всего этого ему понадобились сотрудники и помощники, которых он мог лишь с большим трудом набирать в своем окружении.

Но за всей этой кипучей деятельностью гениальный реформатор проглядел самый существенный вопрос крестьянского бесправия и на горе России, еще более закрепил его. Вначале этот животрепещущий вопрос казался ему второстепенным сравнительно с главной целью его деятельности, почему он и никогда ему не отдавал целиком своего внимания. Затем постоянные войны, в которых он принимал непосредственное участие, кидаясь с полками из одного конца государства в другой, требовали все большего количества солдат, набираемых им все из той же крестьянской среды, уже доставлявшей ему рабочих для построек городов, каналов и дорог. Под влиянием этих мотивов, Государь делает крупнейшую ошибку, укрепив крепостное право рядом указов, данных с 1700 по 1714 гг. И, наконец, развитие государственной горной промышленности толкнуло Петра, для государственной же пользы, на путь жесточайшей несправедливости: он в 1721 г. разрешает покупку и приписку крепостных крестьян к заводам, и тысячи людей с их семьями и потомством отдавались по произволу частных лиц на самые тяжелые работы в рудники. Насколько все же его самого тяготило такое распоряжение, вынужденное у него требованием государственной необходимости, видно из указа Петра от 15-го апреля того же 1721 г., в котором он говорит: «Обычай был в России, который и ныне есть, крестьян и деловых и дворовых людей мелкое шляхество продает врозь, кто похочет купить, как

скотов, чего во всем свете не водится, а наипаче от семей, от отца или от матери дочь или сына помещик продает, отчего немалый вопль бывает: и Его Царское Величество указал оную продажу людей пресечь, а ежели невозможно того будет, вовсе пресечь, то бы хоть по нужде и продавали целыми фамилиями и семьями, а не порознь» . . .

Сознавая, какую несправедливость создает отдача во владение одного класса другому, да и к тому же недостаточно образованному, что было естественно при почти полном тогда отсутствии учебно-воспитательных заведений, великий преобразователь мечтал о насаждении таковых. Предполагая создать их для подготовки государственных деятелей, как по военной специальности, так и для гражданского поприща и для развития науки, искусства и литературы, он поручил своему любимцу Павлу Ягужинскому изучить постановку обучения и воспитания кадетских корпусов Западной Европы. Безжалостная смерть не дала царю увидеть свою мечту осуществленной, и только императрица Анна Иоанновна, по совету того же графа Ягужинского, дала указ Сенату в 1731 г. об учреждении Корпуса Кадетов для шляхетских детей, с широкой программой обучения. Это и был Первый Кадетский Корпус России, названный тогда «Шляхетным Корпусом Кадетов». Главным начальником был назначен фельдмаршал граф Миних, сподвижник Великого Петра, и в 1732 г. им были открыты классы, названные Рыцарской Академией. Название это было дано не из подражания Западу, как некоторые утверждали, а потому, что широкая программа давала возможность получать в корпусе и среднее, и высшее, и специально-техническое образование, с привитием ученикам правил порядочности и чести, что и создавало тогда совершенно особое

учебное заведение для привилегированного сословия. Слово «кадетский» вовсе не обозначало того, что этот термин обозначал в Западной Европе, где он был средним военно-учебным заведением, почему и программа его была значительно меньше, чем программа Шляхетного Корпуса, выпускавшего молодых людей прямо в армию поручиками и готовыми специалистами по всем отраслям искусства, литературы и науки. Вот почему Шляхетный Корпус должно было считать самобытным русским Кадетским Корпусом, а не копией западно-европейских корпусов.

Результаты работы молодого Шляхетного Корпуса не замедлили скоро сказаться, дав России не только хороших полководцев и фельдмаршалов, с целым сонмом героев, но и блестящих деятелей на других поприщах государственной службы, литературы, науки.

Не стану утруждать вашего внимания перечислением их, так как их можно найти в моих напечатанных трудах. Скажу лишь, что Императрица Екатерина II дала название корпусу: **«рассадника великих людей России»**. Придерживаясь же рамок моего доклада, я сообщу лишь о тех, кто непосредственно принимал участие в борьбе с крепостным правом, принимавшим все более и более уродливые формы, ярко обрисованные К.П. Победоносцевым в его исторических очерках крепостного права.*

Картинки бесправия, развивавшиеся крепостным правом, нарисованные Победоносцевым, относились к русским нравам времен до воцарения Екатерины, когда преемники Петра вполне сознательно упрочивали крепостничество, лишая крестьян их прежних

---

* «Исторические исследования» К.П. Победоносцева.

прав. Но как это ни странно, окончательное развитие крепостной системы наступило в царствование той самой Императрицы, ученицы французских философов, поклонницы просветительных идей, которая высказывалась против рабства в своих записках, будучи еще великой княгиней. Историки объясняют это влиянием окружавшей ее среды – ярых крепостников, способствовавших ей занять трон вопреки существовавшим тогда законам, запугивавших ее к тому же отвратительными картинами французской революции. Сама она неоднократно восставала против отдельных злоупотреблений крепостным правом, оскорблявших ее нравственное чувство, энергично боролась с грубостью нравов вообще и в методах воспитания молодежи, в частности. Чуткая, умная, образованнейшая женщина своего времени, Екатерина Алексеевна, приехавшая еще в юных годах в Россию свежим человеком, сразу поняла, что крепостное бесправие оказывало самое вредное влияние на все стороны жизни и на весь склад характера русских людей. Со вступлением на престол она первым же делом решила заняться воспитанием юношества, выбрав себе в помощники известного гуманиста Ив. Ив. Бецкого (сына кн. Трубецкого), старого приятеля ее матери; она занялась с ним составлением нового устава о воспитании и ставила задачей вообще образовать «человека». Бецкий был самым ярким проводником ее воспитательных идей. По его докладу повелено было принимать в корпус через каждые три года, вместе с кадетами, от 14 до 16 мещанских детей с целью образовать из них для корпуса же кадр образованных воспитателей и учителей; он видел в этом совместном обучении, кроме соревнования, особую пользу, предполагая, что через такое взаимное общение кадеты привыкнут заблаговре-

менно не пренебрегать теми, кои законами общества определены к нижнему против них состоянию, научатся исподволь судить о людях по прямым достоинствам, а не по делам, нимало от них независящим.

По новому уставу, обнародованному в 1766 году, Сухопутный Шляхетный Кадетский Корпус получил наименование «**Императорского**»; лучшие воспитанники могли выходить в армию капитанами и им предоставлялось право поездки за границу на казенный счет. В 1786 г. главным директором корпуса был назначен родственник Императрицы граф Ангальт. Время его директорства современные ему кадеты прозвали золотым веком корпуса. Посвятив себя исключительно корпусу и проводя большую часть своего зрени с кадетами, он завел во всех ротах библиотеки полезных и поучительных книг, окружил залы бюстами знаменитых людей и заставил говорить стены. Высокие и обширные каменные стены, огибавшие корпусной парк, по приказанию графа Ангальта, с верху до низу были покрыты поучительными изречениями на русском и иностарнных языках; хронологией виднейших событий, изобретений и путешествий. Они и получили название «говорящих стен» — *Les murailles parlentes*. Один из кадет золотого ангальтова времени, Михаил Семенович Перский, состоял директором Первого Корпуса во время декабрьского восстания 1825 года и описан Лесковым в статье «Три Праведника» и «Кадетский Монастырь», но о нем скажу в свое время.

Первые выпуски из Сухопутного Корпуса дали уже противников крепостного права. Это были три брата Радищевы: Василий, Михаил и Николай, ставшие по выходе из корпуса просвещенными и образованными помещиками Калужской и Саратовской губерний. Из них Николай был отцом Александра Ни-

колаевича, так прославившегося своим сочинением: «Из Петербурга в Москву» и так пострадавшего за свои идеи, порицавшие открыто крепостное бесправие, воспринятые им от Императрицы Екатерины II, пажем который он состоял, и ею же посланный за границу, для довершения образования по окончании корпуса, в 1766 году.

Иван Новиков, выпущенный одновременно с Николаем Радищевым из корпуса в 1738 году, был отцом Николая Ивановича, известного борца за отмену крепостного права и пионера-фанатика, преданного книжно-типографскому и издательскому делу в России, позже жестоко осужденного судом и, главным образом, Екатериной, за его масонство.

В 1740 году был выпущен из корпуса прямо в адъютанты к графу Алексею Разумовскому Сумароков. Будучи еще в корпусе, он сделался первым русским драматургом, а затем и основателем русского театра и известным писателем. Его хлесткое перо жестоко бичевало тогдашние русские нравы, за что ему приходилось сильно страдать от своих современников, чьи пороки он старался исправить, выводя их в своих комедиях, баснях и эпистолях.*

Из той же плеяды известных писателей, бывших кадет Первого Корпуса, можно назвать Хераскова, Озерова, Востокова, Крюковского, Глинку Сергея и Глинку Феодора – все они способствовали перевоспитанию русского мышления.

Однокашником их был также и Порошин, воспитатель великого князя Павла Петровича, который

---

* См. мою брошюру: «Первый Кадетский Корпус – колыбель Российского Театра и б. кадет Сумароков – первый русский драматург».

развил в своем даровитом и чутком воспитаннике черты рыцарского характера, не отрицаемые в Императоре и суровыми его критиками. Эти же черты характера, развитые Порошиным, способствовали тому, что в кратковременное царствование Павла I в 1797 г. был издан первый указ, направленный в пользу крестьян, предоставлением им некоторых прав, что дало перелом в росте крепостного права, начавший более светлую его эпоху. Порошин оставил потомству крайне интресный дневник, в который он записывал все, что его царственный воспитанник делал и думал вслух. Из дневника видно, что бедный Порошин сильно боролся с неправильными методами воспитания великого князя, применяемыми главным воспитателем, гр. Паниным. Эта неравная борьба окончилась уходом Порошина в действующую армию, где он вскоре и скончался от огорчения 29-ти лет от роду. Дневник же его в неполном виде каким-то чудом дошел до нас, так как Панин часть его уничтожил, не желая, очевидно, чтобы он достался потомству. Тот же Император, начавший своим указом 1797 г. как бы новую эру раскрепощения крестьян, из Сибири вернул Радищева и освободил из Шлиссельбургской крепости Новикова, что очень характеризует его отношение к вопросу крепостного права.

Указ Павла I был подписан им в день коронаования, вместе с основными государственными законами. Этот благой пример положил начало обычаю, при вступлении на престол каждого монарха, давать льготы крестьянам, принятием мер для облегчения их быта.

Надо воздать все же должное Имп. Екатерине, что если ей не принадлежал перелом в росте крепостного права, происшедший в XVIII веке, а ее сыну, то все же эпоха ее царствования знаменательна тем,

что благодаря введенному ею методу воспитания молодежи, появились среди них такие, которые вместо стремления к наслаждению и удовольствиям, начали задаваться мыслью о самоусовершенствовании, прониклись страстной любовью к родной стране и благородным стремлением к общественной пользе. Благодаря ей, повеяло мыслью, жизнью, зародились облагораживающие сердце стремления в той атмосфере невежества, ханжества, взяточничества, безумного прожигания жизни, чем жили русские люди до тех пор. Литература получила при ней громадное оживление, чему так способствовало отношение самой Императрицы к русской литературе и к ее представителям. Ее живое участие в успехах этой литературы, ее искренний интерес к судьбам писателей, ее собственный пример – все это побуждало писателей к деятельности, возвышало литературу, а вместе с тем толкало и высший класс к развитию. Среди дворян все более и более стали появляться сторонники освобождения крестьян. Появились меценаты, создававшие из своих крепостных корифеев русского искусства и дававшие им вольную. Мы знаем таких и по архитектуре, и по скульптуре, и по живописи, и в драматическом искусстве.

Александр I, вступив на престол 12-го марта 1801 г., в манифесте объявил, что он будет царствовать по закону и по духу своей бабки Екатерины, и выражал надежду осчастливить всех своих подданных, следуя ее примеру. По отношению к крепостному праву эти слова должны были означать, что гуманитарные идеи, которые при Екатерине развивались только в теории, теперь будут осуществлены на деле. Что Император именно так понимал свою задачу, ясно из его многочисленных заявлений о необходимости уничтожить произвол и водворить законность.

Начало его царствования ознаменовалось целым рядом милостей: отправленные в ссылку были возвращены; содержащиеся в тюрьмах без суда и следствия получили свободу; объявлено освобождение духовенства от телесного наказания и пр. Для скорейшего решения большого вопроса о совершенной отмене крепостного права, начиная с 6 мая 1801 г., во вновь учрежденном Государственном Совете, по повелению Государя обсуждался вопрос о запрещении продажи крестьян без земли, а затем был целый ряд заседаний так называемого неофициального комитета с 1801-1803 гг., где Император в тесном кругу своих единомышленников обсуждал планы предстоящих реформ.

Это вызвало острое недовольство помещиков. Они находили, что Император слишком предан интересам свободы. Недовольство среди дворян возрастало все более и более от целого ряда отдельных мероприятий, с очевидностью направленных к постепенному освобождению крестьян. Наконец, и в обществе, и в правящих кругах взгляд Императора встречал всеобщую оппозицию, и эта оппозиция, в связи с практическими трудностями, возникшими при первой же попытке проведения в жизнь его планов, заставила Государя отложить их осуществление до более удобного времени. Коренная перестройка системы центральных государственных учреждений, вопросы внешней политики и, наконец, Священный Союз, до такой степени поглотили внимание Императора, что он выпустил крестьянское дело из своих рук и перестал наблюдать за его ходом. Оппозиция крепостников подняла голову, а борцы за уничтожение крепостного права стали готовить революцию, потеряв надежду добиться его легальным путем. К последним годам царствования недовольство с обеих сторон на-

столько обострилось, что его уже стали повсюду открыто высказывать в обществе. Царь же, утомленный борьбой с оппозицией и страдая от бессилия провести то, о чем так мечтал в своей юности, не хотел даже принимать никаких мер против готовящегося заговора, о котором он был прекрасно осведомлен доносом Шервуда и других. Читая историю Александра I-го, где Шильдер сообщает эпизод доклада Васильчикова Императору о заговоре, с подробным списком участников его, и ответ на это Государя: «Мой милый Васильчиков, вы, который знаете, что с самого начала моего царствования я разделял те же мысли и даже сам их воодушевлял, поймете, что не мне их карать», и о том факте, когда после кончины Императора в Таганроге на столе его рабочего кабинета в Царском Селе был найден доклад Бенкендорфа о том же, оставленный без движения и даже без пометок Императора, положительно наводит все на ту же мысль, что таинственный благословенный старец Федор Кузьмич и Царь Благословенный – были одно и то же лицо, правление которого могло бы составить одну из лучших страниц истории России, если бы к нему тогдашний «любезный друг»,* как его называл в письмах Государь, не приобщи́л бы горького осадка во всех делах, к которым тот жестокий временщик не прикладывал бы своей руки.

Суровую оценку ему дал поэт Рылеев, озаглавив свое стихотворение «К Временщику». Оно прошло тогда для поэта безнаказанно по понятным причинам. Но зато жестокий приговор, вынесенный Рылееву за участие в декабрьском восстании, состоялся несом-

---

* Аракчеев.

ненно не без участия, хотя и опального в то время, бывшего временщика, но имевшего, конечно, еще своих единомышленников; они-то и свели за него с Рылеевым счеты, чего не могло бы случиться, если бы в России действовал уже в то время суд «скорый, правый и милостивый», «равный для всех», введенный реформами Александра II.

Кондратий Федорович Рылеев, известный русский поэт, родился 18-го сентября 1795 года в селе Батове Петербургской губернии, в родовой усадьбе отставного полковника Федора Андреевича Рылеева. Жена его, Настасья Матвеевна, чтобы избавить единственного сына своего от крутого нрава отца, отдает его в Первый Кадетский Корпус, когда ему исполнилось едва лишь пять лет. Пробыв в корпусе 13 лет, он в 1814 году был выпущен офицером в 1-ую артиллерийскую бригаду. Любовь к поэзии развилась в нем очень рано. Еще будучи ребенком, он пописывал стихи, а перейдя в высший класс, сделался присяжным корпусным поэтом. Каждое написанное им стихотворение тотчас же заучивалось всеми его товарищами, горячими поклонниками его таланта; спустя же некоторое время стихи его стали появляться и вне стен корпуса, где тоже он находил себе поклонников и почитателей. Таким образом, еще будучи кадетом, он уже пользовался известностью в Петербурге, как поэт, и в особенности как автор сатирических стихов, предметом которых были корпусное начальство, эконоом и товарищи.

Образование в корпусе он получил очень хорошее, в особенности основательно знал языки французский, польский и немецкий, что ему очень пригодилось, когда он после выпуска попал сейчас же в заграничный поход. В 1815 году со своей частью он оказался уже в Париже. Сражения, победы, возвы-

шенное состояние духа, мечты о славе, – он за это время испытал все, что переиспытывало в то героическое время молодое русское офицерство.

Возвратясь на родину, он попал со своей бригадой в Воронежскую глушь. Из писем Рылеева видно, как потекла его дальнейшая жизнь. Бедность, безденежье, долги. Отставка после смерти отца, чтобы как-нибудь устроиться и помочь матери. Получив отставку в 1818 году, он женился лишь в 1820 году и уехал с молодой женой в Петербург, где его ждала бурная деятельность – служба, литература, издательство, политический заговор. Сначала он поселился на Васильевском острове. Четыре года служил по выборам дворянства заседателем в уголовном суде и прославился среди петербургского населения, как защитник правды. Говорили, что какой-то мещанин, которому генерал-губернатор грозил судом, упал перед ним на колени не от страха, а от радости: «Там будет меня судить Рылеев, а он не погубит невинного». Потом из суда он перешел на службу правителем канцелярии в Российско-Американскую Компанию, образованную для эксплуатации Аляски, принадлежавшей тогда России, и поселился в доме Компании у Синего моста. Честного и способного секретаря очень ценили. Поэтический талант его за это время все креп и развивался, читающая публика его очень ценила, особенно его смелые обличения временщика вызывали восторги в широких кругах читателей. Замечательное стихотворение и по стилю, и по пророчеству написано Рылеевым в 1823 г. в виде оды на день тезоименитства великого князя Александра Николаевича, еще не бывшего даже наследником российского престола. Озаглавлено оно было «Видение»...

В его произведениях постоянно проглядывало,

как болела его душа, как страдал он за глумление человека над человеком и как пламенно мечтал об его раскрепощении. Как и многие литераторы того времени, Рылеев мечтал и о возврате к древним русским нравам, о замене кургузого немецкого платья русской одеждой, о древне-славянской вольности, напоминая русскому юношеству в своих «Думах» и «Поэмах» о русской истории, о подвигах предков. Русское прошлое, любовь к родине были любимой темой так печально закончившего свои дни несчастного поэта-мечтателя, заразившего своими идеями и других пылких фанатиков уничтожения рабства в России, среди которых было немало его однокашников по Первому Корпусу.

Прекратилось-ли царствование Благословенного его кончиной в Таганроге или той красивой легендой о благословенном старце Федоре Кузьмиче, в которую многие верят, но 14-го декабря 1825 года на престол неожиданно вступил Николай Павлович, наследником же его стал его сын, великий князь Александр Николаевич, которому Рылеев еще в 1823 году и написал оду: «Видение».

В тот же день 14-го декабря молодой Император энергичными действиями своих пушек сразу же прекратил восстание на Сенатской площади, поднятое, с одной стороны, фанатически настроенными мечтателями, как Рылеев, с другой – примазавшимися к ним авантюристами, имевшими совершенно другие намерения (как Якубович).

Что Рылеев был неправильно выставлен Государю, как сочувствующий царевубийству, и понес за это одну из самых позорных казней, выяснилось лишь много позже суда над декабристами. В то время, из-за строгости цензуры, русские историки не могли этого обнаружить. Но французский писатель Поль Лакруа

в своем труде «История жизни и царствования Николая I» доказывает это с полной очевидностью.

Бросим теперь взгляд – как реагировал на все события декабризма Первый Кадетский Корпус, который был охарактеризован Императору, как гнездо заговорщиков, с Рылевым, Бестужевым и другими. Все, конечно, знают рассказ «Три праведника» и «Кадетский монастырь», где Лесков описывает гнев Императора Николая Павловича, приехавшего в корпус, когда ему донесли, что кадеты, подобрав раненых бунтовщиков-солдат, перетасили их в здание корпуса и там перевязали им раны и кормили их. На грозный окрик Государя: «Здесь дух не хороший!» – полный достоинства ответ директора, генерала Перского (Бывш. кадета ангальтовых стен):

– Военный, Ваше Имп. Величество.

– Отсюда Рылев, Бестужев.

– Но отсюда же и Румянцев, Прозоровский, Каменский, Кульнев, все главнокомандующие, Ваше Величество.

– Да, но они бунтовщиков кормили, – сказал Государь, показав на кадет.

– Так воспитаны, В.В. – драться с неприятелем, но после победы призывать раненых, как своих.

Негодование, выразившееся на лице Государя, не изменилось, но он ничего не сказал и уехал.

Можно себе представить, как торжествовали доносчики и враги корпуса, видя гнев Императора. Результат инцидента не замедлил скоро сказаться самый неожиданный. К наследнику цесаревичу Александру Николаевичу, у которого состоял уже воспитателем полковник Мердер, бывший однокашник Рылева, был назначен в помощь воспитателем подполковник С.А. Юревич (тоже бывший кадет Первого Корпуса). И, наконец, тогда же главным воспитателем при на-

следнике, у которого наставником был поэт Жуковский, назначается генерал-адъютант П.П. Ушаков, из той же кадетской среды.

Следующие милости корпусу выразились в последовательной отдаче в него всех сыновей Императора. И когда наступила очередь вел. кн. Михаила Николаевича, Государь привез его в корпус и, обращаясь к тогдашнему директору, перед выстроенными кадетами, сказал следующее: **«Ты одного мне сына поставил на ноги, двух воспитываешь, приготовь же мне и четвертого»**. Это и были те августейшие кадеты Первого Корпуса, которые потом в жизни оказались: первый – Царем-Освободителем, второй – его главным помощником в настойчивом проведении великих реформ, третий и четвертый – российскими фельдмаршалами. Но этим Государь не ограничился, чтобы высказать свое одобрение системе воспитания, которое ангальтовы стены проводили в жизнь. Он 25-го июня 1831 г. явил корпусу такую милость, которую еще ни один монарх до тех пор кадетским корпусам не проявлял. Назначив себя 10-го июля 1831 г. шефом 1-го Корпуса с переименованием гренадерской роты в роту Его Величества, он 5-го июля приехал к кадетам уже в форме своего Корпуса.

Какова же была деятельность монарха, этого первого шефа Кадетского Корпуса, Николая Павловича в отношении крепостного права?

Как и другие монархи, начиная с Павла, он вскоре после вступления на престол, двумя рескриптами, данными министру внутренних дел, предписывал дворянам христианское, сообразно с законами, обращение с крестьянами, и в то же время были изданы вошедшие впоследствии в Свод Законов Правила о возбуждении преследования против помещиков

за жестокое обращение с крепостными. В 1826 году был учрежден первый секретный комитет, в 1835 г. – второй. Предметами их работ было изыскание средств к улучшению состояния крестьян разных званий и наименований, причем Государь сообщил Киселеву, будущему министру государственных имуществ, что он занят разработкой труднейших вопросов, разрешение которых может достаться на долю наследника престола, и что он считает должным передать их сыну с возможным облегчением при исполнении. Дело шло о подготовке общей отмены крепостного права, и в этом деле Государь пожелал воспользоваться помощью Киселева и в 1837 году назначает его министром вновь учрежденного министерства государственных имуществ. В большей части России вводится тогда новое управление казенными крестьянами. Наряду же с улучшением быта государственных крестьян, в царствование Николая Павловича несомненно улучшалось и положение помещичьих крестьян. В 1847 г. Император попытался вызвать более широкое применение закона об обязанных крестьянах, путем личного обращения к депутатам смоленского дворянства. Но в ответ на этот вызов Императора тогдашний предводитель дворянства подал записку, в которой доказывал, что все попытки, направленные против крепостного права, являются расшатыванием авторитета государственной власти.

Несмотря на это, 8-го ноября 1847 г. состоялся именной Высочайший указ, предоставлявший крепостным право покупать с аукциона имения, к которым они были приписаны, и таким образом, покупая себе землю, они приобретали и свободу.

Мы видим, что за свое славное царствование Император Николай I несколько раз возбуждал во-

прос о крепостном праве; многочисленные указы издавались им с целью ограничить помещичий произвол, что доказывает с полной очевидностью твердое намерение, которое имел Государь, провести в жизнь свои слова, сказанные им в начале своего царствования, что упорядочение отношений помещиков и крестьян составляло предмет его особой заботы. По всем его действиям видно было, что он хотел добиться от дворян, чтобы инициатива по всякого рода мерам исходила от них самих, ибо находил несвоевременным осуществление реформы освобождения путем общих принудительных мер. Но всякий раз он наталкивался на отрицательное отношение к своим мероприятиям со стороны своих ближайших помощников-советчиков, и не только к освобождению крестьян, но даже и ко всякого рода изменениям существующего порядка. Все это ослабляло инициативу Императора, а Крымская война до такой степени поглотила внимание Государя, что о каких-либо мерах в пользу крестьян уже не было и речи. Последние слова, сказанные Государем своему наследнику на смертном одре, были: **«Сдаю тебе команду, но, к сожалению, не в том порядке, как бы хотел»**. Слова эти быстро распространились в народе и составили молву, что царь считал помещичью власть временной и хотел дать крестьянам вольную, но этому помешали помещики, а потому-де он все это дело завещал сыну.

Император Александр II вступил на престол в 1855 году уже убежденным противником крепостного права. Он, еще будучи наследником, высказывался за его отмену, но подобно своему отцу, хотел добиться от самих дворян определенной инициативы, и первый намек его на это был сделан вскоре по восшествии на престол в обращении к петербургскому дворянству: **«Я убежден, что дворянство оправдает**

свое название благородного сословия в истинном смысле этого слова и будет стоять впереди во всяком добром деле». Но намек этот остался непонятым, а когда в манифесте после Парижского мира, по окончании Крымской кампании, появились указания на реформы внутри страны, противники реформ заволновались, и генерал-губернатор Москвы, воспользовавшись приездом Государя в первопрестольную сейчас же после издания этого манифеста, просил Государя успокоить дворян, «которые-де очень взволнованы намеками манифеста». Государь согласился принять депутацию дворян и сказал им: «Я узнал, господа, что между вами разнеслись слухи о намерении моем уничтожить крепостное право. В отвращение разных неосновательных толков по предмету столь важному, я считаю нужным объявить вам, что я не имею намерения сделать это теперь. Но, конечно, господа, вы сами знаете, что существующий порядок владения душами не может оставаться неизменным. Лучше отменить крепостное право сверху, нежели дожидаться того времени, когда оно само собою начнет отменяться снизу. Прошу вас, господа, подумать о том, как бы провести это в исполнение. Передайте мои слова дворянству для соображений». Слова эти взволновали не только влиятельных защитников старины и общественного застоя, но и сторонников прогресса. По всему было видно, что решение отменить крепостное право было принято Императором совершенно самостоятельно, без всяких посторонних влияний.

Надо думать, что мотивами к этому послужили те тяжелые впечатления, которые вызвали у Александра II злоупотребления, неизбежные при крепостном праве, еще в то время, когда он был наследником, а также создавшаяся общая уверенность в

народе, что именно от него крестьяне получают свободу. Но несмотря на то, что Император неоднократно напоминал дворянству о том, что пришло время серьезно заняться крестьянским вопросом, оно продолжало оказывать пассивное сопротивление планам Монарха, что побудило его 3-го января 1857 г. созвать под своим председательством секретный комитет для обсуждения мероприятий, касающихся крепостного права. Хотя комитет этот и собирался в течение всего года, в нем велись только бесплодные прения в отсутствие Государя, который в тот год несколько раз ездил в Киссинген. Вызванный им тогда из Парижа граф Киселев, в то время уже бывший послом, занес в свой дневник следующие слова Государя: «Крестьянский вопрос меня постоянно занимает, надо довести его до конца; я более чем когда-либо решился и никого не имею, кто помог бы мне в этом важном и неотложном деле» . . . «Вообще, – продолжает Киселев, – мне показалось, что Государь совершенно решил продолжать дело освобождения крестьян, но его обременяют и докучают со всех сторон, представляя ему препятствия и опасения».

Наконец, Государь решил остановить свой выбор на бывшем начальнике своего штаба, занимавшем должность главного начальника военно-учебных заведений. Ростовцев обратил на себя еще тогда внимание Александра II своими гуманными мероприятиями в деле воспитания молодежи. Вступив на престол, Государь принял на себя шефство над Первым Кадетским Корпусом, а Ростовцева назначил тогда же главным начальником всех военно-учебных заведений.

В 1859 г. он назначил Ростовцева и председателем двух вновь сформированных редакционных комиссий, в которые должны были стекаться работы

комитетов, организованных к тому времени по всей России, и ему был предоставлен выбор членов этой комиссии.

Энергичными действиями Ростовцев превращал функции редакционных комиссий в законодательные. Реформа и образ действий этих комиссий санкционированы были тем, что Государь, по докладу Ростовцева, решал отдельные вопросы, возбужденные в комиссиях. Это вызвало целый поход против Ростовцева; доказывали, что он превысил данные ему полномочия, клеветали на него. Несмотря на то, что Государь слишком хорошо знал Ростовцева и безгранично ему доверял, не обращая внимания на клеветников, эта недостойная травля все же скоро свела в могилу Якова Ивановича, не дав ему закончить с такой настойчивостью проводимое им дело. Последней работой, которую он успел сделать уже совершенно больным, была памятная записка для Государя, продиктованная им перед смертью, о ходе и исходе крестьянского дела. Ростовцев умер в феврале 1860 года. При его смертном одре находился сам Император, и он принял его последний вздох со словами, к Государю обращенными: **«Государь, не бойтесь»**, и затем добавил уже слабеющим голосом: **«Господи, я умираю, да будет воля Твоя»**. Когда Императору подали предсмертную записку Ростовцева, он прочитав ее, сказал: «Наш бедный Яков Иванович, он оставил нам как бы завещание в ней; оно должно быть для нас священным». После смерти Ростовцева был назначен его заместителем гр. Панин, и потребовался еще целый год, чтобы светлый акт был, наконец, представлен на подпись Монарха, и то лишь после того, как Государь объявил, что, допустив при обсуждении этого дела для всех и каждого полную свободу выражать свое мнение, он уже не

допустит никаких отмен или проволочек, и хочет, чтобы дело было окончено непременно к 15 февраля. **«Этого я желаю, требую и повелеваю»**, добавил Император.

Государственный Совет приступил к немедленному подробному обсуждению общего положения о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости.

Заседания были очень бурны; в них крепостники давали последний бой сторонникам освобождения, окончившийся победой последних, для чего Государю пришлось промолвить еще такие слова: **«Вам известно, господа, происхождение крепостного права. Оно у нас прежде не существовало; право это установлено самодержавной властью; и только самодержавная власть может его уничтожить, а на это есть моя прямая воля»**.

17-го февраля 1861 г., в день, который, может быть случайно совпал с днем празднования основания Первого Корпуса, Положение о крестьянах, освобожденных от крепостной зависимости, было, наконец, принято в Государственном Совете и поднесено Монарху на подпись, и Августейший бывший кадет тех же «ангальтовых» стен, не случайно воспитанный на гуманитарных идеях, которому его однокашник-поэт предсказал великую миссию в словах: **«Будь человек для человека, будь гражданин для сограждан»**, горячо помолившись наедине Богу, подписал манифест 19 февраля об отмене крепостного права в России, по которому 22 миллиона русских людей были освобождены от тяготевшей над ними крепостной зависимости и приступили по выражению манифеста, «к свободному труду, залогоу домашнего благополучия и блага общественного». А лучшая часть русского дворянства облегченно вздохнула от снятой с нее и со всего общества тяжелой ответственности.

С горячим рвением принялись дворяне проводить в жизнь царскую милость. Одни как мировые посредники, другие как мировые судьи, третьи как основатели и руководители просветительных и благотворительных учреждений для народа: школ, больниц, богадален, приютов и т.п.

Мне остается еще сказать, как обдуманно, настойчиво и систематически подготовлял Николай Павлович воспитание Царя-Освободителя к его великой миссии, напроороченной ему поэтами Жуковским и Рылеевым: «быть прежде всего человеком». Оно нашло отклик и в словах Императора Николая: «Я хочу воспитать моего сына человеком, прежде чем сделать из него Государя».*

Из прекрасного двухтомного труда «Годы учения Вел. Кн. Александра Николаевича», изданного советом Имп. Русск. Истор. Общества, видно, какое значение придавал Император вопросу образования и воспитания наследника, дав ему главных руководителей из бывших питомцев того корпуса, который поразил его замечательными основами гуманитарного духа в памятные ему дни декабризма. Таким образом, как и у Имп. Павла I, начавшего новую, более светлую эпоху в крепостном праве, так и у Имп. Александра II, совершенно его уничтожившего, воспитателями были бывшие воспитанники «ангальтовых» стен, с тою только разницей, что у Александра Николаевича они оставались при нем до конца своих дней, причем Юревич дожил даже до счастливого дня 19 февраля.

По подписании манифеста, Государь наградил

---

* Слова эти Монарх сказал чрезвычайному французскому послу, маршалу Мармону.

всех своих сотрудников, не забыл он, конечно, и своего главного помощника в этом святом деле. Я. Ив. Ростовцев был посмертно возведен в графское достоинство. Корпусной зал, где он занимался в редакционных комиссиях, назван был Ростовцевским и в нем установлен был мраморный бюст генерала, а стол, за которым вырабатывался величайший акт освобождения, помещен был в кадетский музей как корпусная реликвия.

Я позволяю себе закончить свой доклад тем, с чего начал. Первый Кадетский Корпус, как первое учебно-воспитательное заведение России, сыграл значительную роль в деле перевоспитания русского мышления. Началось оно введением екатерининского устава 1766 года по новым методам воспитания в России. Оно распространилось затем через членов кадетской семьи на многие учебно-воспитательные заведения в России: на Академию Художеств через Бецкого, Московский Университет через Ив. Ив. Шувалова, Мелиссино и Хераскова; Пажеский Корпус через генералов Клингера и Гогена; Морской Корпус через отца и сына Голенищевых-Кутузовых; Артиллерийский Инженерный Корпус, переименованный потом во 2-ой Кадетский, через генералов Мелиссино и Мордвинова и мн. др. Докатилось это перевоспитание и до царского дворца и выявилось апофеозом в манифесте 19 февраля, с заключительными словами: **«Осени себя крестным знаменем, русский народ . . .»**.

ПРАВОСЛАВИЕ, БОЛЬШЕВИЗМ И НАША ЭМИГРАЦИЯ.

Прежде чем приступить к этому докладу* и познакомить слушателей с событиями жизни Православной Церкви, свидетелем которых мне пришлось быть в продолжении моей 48-летней пастырской деятельности, – я считал бы нужным сделать предварительно небольшой обзор, который раскрыл бы нам исторический процесс, подготовивший страшную эпоху, – эпоху мученичества, эпоху крестного пути святой Русской Православной Церкви, на который вывел ее святейший патриарх Тихон.

Я считаю, что все происшедшее в России, с момента революции и до момента возведения в сан патриарха митрополита Сергия – является совершенно определенным, историческим процессом, начало которого для Руси обозначилось в 1470 году, когда в Великий Новгород прибыл со своей дружиной еврей Схарий.

При беглом знакомстве с этим историческим событием можно подумать, что в Новгород приехал еврей и стал проповедывать «жидовство». Однако цель его приезда была вовсе не обращение русских людей в иудейство. В этом ясно убеждает нас преосвященнейший митрополит московский Макарий, указывая на то, что Схарий не велел обрезываться «прельщенным» им людям. Он говорил им: «Держи-

---

* Доклад был написан для прочтения на Соборе Русской Православной Церкви за рубежом.

те жидовство тайно, явно же – христианство».

Иными словами, Схарий предлагал обращенным в его ересь продолжать называть себя христианами. Между тем евреи не позволили бы новообращенным исповедывать иудейство тайно.

Несомненно, что «ересь жидовствующих» – это своеобразная форма того широкого движения, которое в то время пышным цветом распустилось на Западе и получило там название «гуманизма».

Согласно учению гуманизма, разум человеческий подчиняется физической природе, отрываясь от духа и, естественно, что дух в этом случае может находиться только лишь в состоянии томления.

Целью Схария, как можно увидеть при внимательном изучении «ереси жидовствующих», было оторвать человека от Христа, от внутренней жизни, следствием чего получилось бы нарушение всех форм жизни и быта. Нарушившими же их, можно было бы легко насадить в сердца людей те семена, которые направили бы их по пути новой антихристианской жизни. «Жидовство» же явилось только формой, потому что проповедь чистого безбожия не имела бы успеха в то время.

Ересь приобрела такое распространение и такую силу, что ей подчинились даже некоторые высшие руководители Православной Церкви, в числе которых был архимандрит Симонова монастыря Зосима, впоследствии митрополит Московский, низверженный за ересь.

Хотя в дальнейшем, благодаря энергичной борьбе преподобного Иосифа Волоколамского, ересь была внешне как будто разгромлена и задавлена, – семена богоотступничества, заключавшиеся в нарушении христианского быта были уже крепко заложены в некоторых слоях русского общества, ибо

разгромлена была только внешняя форма ереси – «жидовство». Это настроение богоотступничества все более и более крепло в процессе исторических событий.

Эпоха Иоанна Грозного на время как будто приостановила это движение. В ней можно видеть как бы десницу Божию, выводящую Святую Русь путем страданий к благочестию.

Но последующий период уже явился периодом начала открытой борьбы между христианством и антихристианством. В царствование Бориса Годунова и в эпоху Смутного времени, стремление к освобождению физической природы человека от духа, является уже вполне отчетливо и определенно. Даже в царствование тишайшего Царя Алексея Михайловича, благочестивейшего, православного христианина, – антихристианское настроение, называемое нами гуманизмом, становится силою, с которой приходится бороться и патриарху Никону и староверам.

В царствование Петра Великого гуманизм, в нашем понимании, одерживает решительную победу, завоевывает право гражданства и становится, так сказать, официально признанным мировоззрением. Однако, по прежнему формально он отнюдь не становится во враждебную позицию христианству и старательно доказывает, что никакой борьбы им со Христом не ведется. Однако, в этих утверждениях содержится ложь. Ложь заключается в том, что не выступая открыто против Церкви и ее учения, гуманизм низвергал христианский идеал и заменил его культом разума.

Если идеалом русского человека семнадцатого века была святость, стремление войти в Царство Небесное, если жизнь его одухотворялась стремлением избежать греха и покаяться в грехе, если его руко-

водителями в жизни были многочисленные монастыри и скиты – источники христианского просвещения – то начиная с петровской эпохи, идеалом человека из высших слоев русского общества, было стремление стать образованным человеком, наибольший страх ему внушала возможность показаться в глазах его круга неучем и отсталым, а руководителями в его образовании стали иностранцы, шляхтенские корпуса, придворные балы и ассамблеи.

Конечно нельзя отрицать важности и значения образования, нельзя пренебрегать величайшими открытиями человеческого разума, проникающего в тайны природы. Однако, все эти завоевания и достижения разума, всё это образование не может иметь никакой ценности и может даже явиться фактором сугубо отрицательным, без просвещения духа, которое дает человеку Святая Церковь. Ибо без этого просвещения импульсом,двигающим разум, становится ненасытная природа человека.

Ложь, содержащаяся в гуманистических настроениях, руководящих классов Петровской эпохи, сразу же привела к ужасным результатам. Оставаясь по форме христианами, признавая формально Христа и Его учение, люди потеряли боязнь греха.

Бурная страсть ко всевозможным развлечениям, увеселениям – стала основной целью и смыслом существования высших классов.

Конечно не все представители их были заражены этими пороками. Было немало семейств, сохранявших прежнее отношение к Церкви и Православию. Но постепенно всё больше и больше людей охватывалось ложью гуманизма.

Даже в праздниках была выхолощена их православная сущность и они приняли характер только лишь увеселительных дней, когда можно больше чем

обыкновенно пировать и танцевать, заниматься гаданиями и кататься с ледяных гор.

К моменту царствования Екатерины II вера в значительной части образованных классов заменилась суеверием. Люди, правда, верили большей частью в Бога, но не было жизни в Боге.

Это была страшная эпоха. Такие эпохи рожают героев. И вот мы видим такого героя духа в лице великого святителя Тихона Задонского, выступившего с проповедью «истинного христианства», которое он противопоставлял неистинному, внешнему, формальному христианству, укоренившемуся в то время. Его творение «Об истинном христианстве» и другие творения – «Плоть и дух», «Сокровище духовное, от мира собираемое» – указывали путь христианской жизни, от которого уклонилось высшее общество того времени, живущее с образованием, но не с духом.

Широко распространившееся в эпоху Екатерины «вольтерьянство» уже почти начисто отрицало духовную жизнь, веру в религию. Но так как вольтерьянство не могло погасить то духовное томление, которое все же возникало в оторванных от Бога человеческих душах, то люди пытались удовлетворить запросы своего духа новыми путями, отличными от путей, указанных Церковью. В царствование Александра Первого распространилось, так называемое «духоносное христианство», различные мистические секты и кружки. Многочисленных последователей нашло также перенесенное с запада и масонство.

Яркое изображение представителей этих образованных классов, оторванных от Церкви и христианства, дал Л.Н. Толстой в своем романе «Война и мир», в лице князя Андрея Волконского и Пьера Безухова.

Если простой народ продолжал жить, следуя по путям Христовым, то образованный класс к началу девятнадцатого века сошел с этих путей. Этому до некоторой степени способствовало и то обстоятельство, что значительная часть священнослужителей, превращенных Петром Первым в замкнутую касту, по своему образованию сильно уступала дворянскому сословию и не могла соответствующим образом воздействовать на представителей этого класса.

Однако, если приходское духовенство оказалось не на высоте и не выполняло удовлетворительно своего долга учителей духа, то на борьбу с гуманизмом и неверием выступила многочисленная рать великих борцов за дело Христово в лице святителей, подвижников и старцев.

Великие святители, Димитрий, Митрофан, Питирим, Феодосий, Инокентий, Иоасаф – олицетворяя одухотворенный разум, встали в восемнадцатом веке на борьбу с плотским человеком, который свой разум подчинил телу. В девятнадцатом веке выступили великие митрополиты: Гавриил Петербургский, Платон Московский и Платон Костромской, Филареты Московский и Киевский, Игнатий Брянчанинов, Феофан Затворник, Оптинские Старцы, Саровские старцы, Валаамские подвижники, Горицкие старицы. Все они раскрывали людям великое значение православия, указывали им пути внутренней жизни, давали им понимание греха и покаяния. Разъясняли им то, что дает Церковь в опыте.

Многие, многие «образованные люди» с радостью окунаются в этот источник духа и жизни и с жадностью впитывают в себя даваемые им откровения.

Проповедь великих учителей духа оказывает сильное воздействие на часть русского общества. Под влиянием их возникает широкое движение рус-

ских славянофилов, стремящихся к истинному просвещению.

Однако, наряду с этим идет наступление западников, продолжающих нести рационалистические, антихристианские идеи, продолжающих стермиться распространять образование в гуманистическом понимании. Широкая сеть школ, раскинувшихся на Руси, построенных на принципе голого разума, увеличивает кадры гуманистов.

Гуманизм завоевывает литературу. Христианские идеалы, идеалы духа, изгоняются из нее и господствующее место в ней занимает прославление плотской любви, которая и в поэзии и в прозе преподносится как самое замечательное в жизни человека, как суть и смысл его существования.

Образование всё более и более распространяющееся в народе проводилось чаще всего лицами, антихристиански настроенными и конечно враждебными к просвещению. Получив начатки безрелигиозного образования, люди легко и охотно проникались идеями об исключительной силе разума и также охотно освобождались от страха перед грехом.

И вот среди так называемого, простого народа в девятнадцатом столетии начинаются значительные психологические сдвиги в сторону антихристианства, особенно среди отшедших совершенно от христианского быта фабричных рабочих, распропагандированных нигилистической и социалистической интеллигенцией. Значительная же часть крестьянства, продолжая хранить свой христианский быт, понемногу начинала забывать о том духовном содержании, которое этот быт наполняло, вследствие чего он становился формой без содержания.

Девятнадцатое столетие с его социальными сдвигами, с его небывалым техническим прогрессом,

возбудило новый бурный взрыв преклонения перед силой человеческого разума и необычайно усилило позицию гуманизма. Антихристианское настроение, несмотря на проповедь многочисленных светильников веры, просиявших в эту эпоху, подчиняло себе всё более и более широкие слои населения России. Коварная формула «быть христианином, но жить по своему разуму», – «По велению своей плоти», – находило всё больше и больше последователей.

Великий русский писатель-пророк Ф.М. Достоевский, переживший всю тяжесть падения и проведший свою жизнь в непрестанном борении духа с плотью, отчетливо понял приближение той катастрофы, к которой шла задыхающаяся во лжи гуманизма Россия. Он громко кричал о грядущей революции и о том кровавом ужасе и мраке, который постигнет людей, жаждущих жить по велению своей плоти, по влечению своих страстей и похотей.

Пророчество великого писателя сбылось. Революция наступила и одним из первых ее актов было отделение Церкви от государства. И в этом акте была ложь. Победивший гуманизм возвестил, что вера и Церковь – это частное дело человека. Он может, если желает, остаться христианином. Он может, если хочет, признавать Христа и молиться Ему, но жить он должен так, как этого требует государство, – без Бога, строить свой быт он должен без Бога, воспитывать детей своих он должен без Бога.

Фактически же это означало, что семейные отношения строились не на основах законов Церкви, а на похоти. Родители освобождались от рождения детей и даже уничтожение плода не считалось преступным или греховным. Боясь воспитывать своих детей, родители отдавали воспитывать их в руки безбожников. В результате этого выросло новое

безбожное поколение, прошедшее организацию пионеров и комсомол.

Если дореволюционный гуманизм освобождал человека от боязни совершить грех, то послереволюционное понятие «грех» большевиками исключалось. И наоборот – многое из того, что считалось грехом, превратилось в доблесть и геройство: как например убийство врагов революции, грабеж буржуазии, доносы, кощунство, богохульство. Лозунг «все дозволено» опьянял людей, не имевших прочной духовной основы и превращал их в зверей.

Под влиянием этого, так сказать, официального освобождения от греха, начали сдаваться многие из тех, кто считали себя христианами, но жили по воле своего разума. Приспособление к новым условиям жизни, стремление удержаться на поверхности, боязнь лишиться службы и куска хлеба – заставляли их идти на ломку быта, на удаление от Церкви, на пренебрежение обрядами Церкви. Люди уклонялись от святого Причастия, перестали смотреть на брак как на таинство, заменяя его регистрацией в Загсе, не решались крестить своих детей.

Столкновение ничем не сдерживаемых желаний и страстей породило острую вражду между людьми, – зависть, доносы. Общество разлагалось, развращалось.

Жестокая борьба между христианством и гуманизмом неизбежно должна была начаться, ибо большевики увели за собой всё безбожное, всё антихристианское. Святая Церковь, очистившись от безбожного, сделалась монолитной силой. Попытка большевиков расколоть эту силу путем взрыва изнутри, путем двойной жизни, – христианской по духу, но коммунистической по быту – потерпела неудачу. Неудачу потерпели и прямые гонения на Церковь и верующих: они приводили к мученичеству, к уничто-

жению тысяч и сотен тысяч пастырей и мирян, но не сокрушили монолитности Церкви и ее членов. В России продолжали жить, страдать, бороться и просвещать людей и старцы Зосимы и Алеши Карамазовы. Ни декларация митрополита Сергия в 1927 году, ни последовавшая за тем спровоцированная ГПУ попытка произвести новый церковный раскол, не вызвали потрясения, которое могло бы нарушить целостность Церкви.

Новый фактор выявился с момента восстановления патриаршества, с тех пор как патриарх Алексей подтвердил то, чего так страстно добивались гуманисты: что можно быть христианином, но жить по коммунистически, по указанию своей плоти и своих страстей.

Откуда же произошел этот новый фактор? Как мы видели из предшествующего обзора, – в Церкви, в продолжение всей ее истории, имелись группы людей, часто в сане пастырей и святителей, которые жили не по духу и впадали в различные «прелести».

Подобные группы в православной Церкви имеются и сейчас. И естественно, что среди них выявилось желание произвести компромисс между православием и большевизмом, в результате чего ими были приняты и санкционированы принципы гуманизма. Но действительно ли этот «новый фактор» является новым в жизни вселенской Церкви? Нет. Ведь уже в первые века христианства, когда языческая жизнь, принимая Христа, хотела сохранить свой быт, она породила Ария, разделившего Христа на Бога и на человека. Но значит ли это, что и вся Православная Русская Церковь стала Арианской? Другими словами – не есть ли Русская Церковь засохшая Евангельская смоковница? Нет.

Христианский быт внешне был задавлен. Это так.

Но не исчезла та благодатная сила, которая призывает русского православного человека к покаянию, к воздержанию. А поэтому стремление к православному быту, стремление жить по заветам Христа в России тоже не исчезло, но наоборот – усилилось. Это утверждение некоторым быть может кажется странным, но тем не менее оно безусловно справедливо.

Люди, которые до революции смотрели на христианский быт как на какую-то отжившую традицию; люди, которые в лучшем случае выполняли его требования механически, не думая о сущности, наполнявшей его, вдруг, когда этот быт отняли и запретили, – осознали его ценность и значимость, увидели в нем идеал жизни, поняли, что один этот быт их мог бы оградить от мутного потока.

Тяга русских людей к православному быту ярко обозначилась во время войны и особенно на территории, занятой немцами. При немцах, почти во всех домах появились вынутые из под спуда иконы и к удивлению приходилось наблюдать, как многие люди, представлявшие неверующими или равнодушными, на деле оказывались искренне и горячо верующими. Стихийно восстанавливались и даже строились при немцах церкви. Со всех сторон на это дело текли пожертвования. Люди искали уцелевших священников и настойчиво требовали, чтобы они ими руководили. Если священников не было, – убеждали интеллигентных людей принять сан и стать пастырями. Не имея благочестия, люди стремились к благочестию и учились ему.

И когда снова приходили советы, многие бежали в Германию, не из страха перед расстрелом или коммунистическим режимом, а для того, чтобы не потерять уже раз найденный путь христианской жизни, чтобы освободить свой дух, чтобы продолжать жить

по христиански и строить христианский быт.

И в Германии, в тяжелых условиях остовских лагерей русские люди продолжали стремиться к Церкви и к православному быту, видя в них единственное утешение и надежду. К Церкви тянулась и «остовская» молодежь, не знавшая на родине Бога и теперь только в горе и страданиях почувствовавшая Его.

И после капитуляции Германии в унровских и ировских лагерях эта тяга к Церкви, это стремление жить по православному, не покидала русских людей. Церковь сделалась центром, вокруг которого вращалась вся жизнь русских эмигрантов. Церкви устраивались в каждом лагере и каждое богослужение привлекало многочисленных молящихся, ищущих утешения, наставления и поддержки.

Несмотря на то, что жизнь протекала в стране, где коренное население давно уже жило по принципам гуманизма, русские эмигранты всячески стремились сохранить православный быт и в православном быте воспитывать своих детей.

Это убеждает нас в том, что евангельская смоковница, которой мы уподобляем Русскую Православную Церковь, еще не усохла.

На этом, собственно говоря, можно было бы и закончить мой доклад.

Однако, видя те опасности и те соблазны, которым подвергаются эмигранты, попавшие вместе со мной в Америку, я, как пастырь, чувствую себя обязанным сказать еще несколько слов.

В Америке нет Сталина, нет коммунизма, нет и не было гонений на Церковь. Поэтому эмигранты, не знающие настоящей духовной жизни, вправе думать, что православная жизнь в Америке должна быть идеалом православной жизни и что нужно жить так, как живут здешние русские старожилы.

Но нашли ли наши эмигранты здесь то, что является истинным идеалом христианина? – Благочестие, стяжание мира сердечного через покаяние. Нашли ли они ту стихию, которая должна являть собой Церковь и с чем человек уходит в вечное бытие – святость, чистоту, трезвение?

Увы, мне кажется, что не только жизнь инославных американцев, но и русских православных проходит тут не по заветам Церкви, но по принципам гуманизма. Если в России гуманизм охватил только иерархию и почти не затронул массы православных верующих, то здесь, нам кажется, им заражены значительные слои русского общества. Очень многие из числа, считающих себя православными, являются в сущности христианами лишь по форме, но живут по своему разумению, сообразуясь только с велениями своей плоти. Жизнь Америки с ее сытостью и комфортом необыкновенно содействует к восприятию гуманизма. И не удивительно поэтому, что миряне часто предъявляют своим пастырям требования «идти в ногу со временем», а пастыри нередко выполняют эти требования.

О том, насколько сильны гуманистические тенденции в отдельных кругах американского православного общества, можно видеть из письма некоего г-на А. Балкашина в газете «Новое Русское Слово», напечатанное 14 октября 1951 года под заголовком «К предстоящему церковному собору американской митрополии». Приводим выдержки из этого письма:

«Мы живем, – пишет г-н Балкашин, – в XX веке, в высококультурной демократической стране . . .

Наша жизнь здесь радикально отличается от нашей жизни там на родине, и сообразно этим новым условиям мы должны перестроить свои русские церковные организации и Церковь . . .

Нам нужны священники более образованные, разбирающиеся в сложных событиях современной жизни... Священники-организаторы, которые помогут нам устроить кружки молодежи, русскую школу, библиотеку, лекции и доклады, вечера и спектакли...

Необходимо ввести новый стиль... Необходимо сократить продолжительность служб... Здесь надо идти навстречу времени...

Мне скажут – это невозможно, это ломка всего. Да, это радикальная перестройка. В XX веке нельзя жить по укладу X или XV века. Жизнь ушла далеко вперед и, если мы хотим, чтобы наши организации жили и работали, мы должны перестроить их соответственно новым условиям...

Посмотрите как работают другие вероисповедания. Какую широкую работу они развивают. Да еще собирают ежегодные съезды... Почему мы не можем делать то же?...

Письмо г-на Балкашина несомненно нашло отклик в соответствующих кругах. Нашлись и находятся священники, желающие быть «новым типом священников» по образцу, указанному в цитированном нами письме. Под руководством таких «прогрессивных батюшек» создаются различного рода учреждения православные по внешности, но гуманистические по сути.

За пастырями тянутся и пасомые, которые стремятся устраивать свою жизнь, как законную на путях беззаконного гуманизма.

Эти требования реформ мы слышим и теперь. Нужны ли нам действительно такие «прогрессивные» батюшки? Нужна ли нам эта реформа, о которой говорит г-н Балкашин? Думаю, что если бы он встретился с пастырями, подобными о. Иоанну Кронштадтскому, о. Егору Ченряковскому, батюшке

о. Амвросию – он замолчал бы в изумлении, видя благотворительную деятельность, которая многократно превосходит благотворительную деятельность всех инославных вероисповеданий. Благотворительность и милосердие свойственны православной Церкви, но опять таки даже апостолы старались привлекать к ней других деятелей в помощь себе. Когда во времена апостолов произошел ропот евреев за то, что вдовичи их пренебрегаемы были в ежедневном раздаянии потребностей, тогда апостолы решили выбрать из среды себя семь человек и поставить их на сие служение; «а мы постоянно пребудем в молитве и служении слова». Не содержится ли в этих словах апостольских то главное, что требуется от пастыря и от чего его нельзя отвлечь? Вот вопрос, который стоит перед всеми нами и в первую очередь перед нашими архипастырями и пастырями.

Невольно мне рисуется следующая картина: комната умирающего. Врач выходит в соседнюю комнату, где собрались друзья и родственники умирающего, беспомощно разводит руками и говорит: «Призовите священника».

Почему же врач говорит это? Да потому, что его наука ничего уже не может сделать для умирающего. А умирающему еще что-то нужно. Что-то очень важное. Самое важное. Его дух томится мечется... а дать это самое важное может только один человек: духовник. Ведь умирающий этот скоро предстанет пред Господом. А предстать пред Господом могут только чистые сердцем. Ведь умирающий этот отходит в вечную жизнь. А войти в вечную жизнь могут только чистые сердцем. «Чистые сердцем Бога узрят» – говорит Господь. А что же препятствует нам зреть Бога? Время? Нет. Сколько не живите – Бога не увидите. Пространство? Нет. Куда ни по-

едете – Бога не найдете, хотя бы и на луну полетели. Препятствует нам зреть Бога только одно: наш грех. Значит грех надо снять с души умирающего. Надо разрешить и тем освободить его томящуюся совесть. А кто же может сделать это. Ученый? Художник? Общественник? Нет. Может это сделать только тот, кому в рукоположении при таинстве священства дана благодать вязать и решить, – может это сделать только духовник через таинство исповеди. А в таинстве Причастия он может сопричастить душу умирающего с такой несказанной чистотой и радостью, которую ничто на земле не сможет дать.

Имея ввиду эту легкость совести, эту радостную чистоту сердца, которую можно получить только в таинстве, а значит только от священнослужителя, имея ввиду эту цель, нужно ли реформировать духовника-священника? Не нужно ли наоборот – беречь его, употребить все силы, чтобы сохранить его таким, каким он есть – пастырем Церкви Христовой, соборной, и апостольской, сохранить его для самого главного, того, что ни общественник, ни ученый, ни писатель, никто никогда не смогут сделать. Да, правда, жизнь идет вперед и все меняется. Соответственно времени меняется и внешний образ нашей жизни: экипажи заменились автомобилями, переписка частью заменяется телефонным разговором. А книга – телевидением. Но ведь религиозно-нравственные основы не меняются. Зачем же меняться их священнослужителю. Те же искушения, те же страсти и соблазны борят современного человека, которые искушали людей и тысячу лет тому назад. Грех останется грехом навсегда и ни одна иота и ни одна черта не изменится в законе Христовом: «Небо и земля прейдут, но слова мои не прейдут. Ищите прежде всего Царствия Божия и правды Его, а все остальное прило-

жится вам». Вот цель истинного пастыря: искать прежде всего Царствия Божия и своих пасомых вести в это Царствие Божие. А для этого ему надобно хранить слово Божие, блюсти истину Божию и совершать таинства Господни в Церкви Христовой, которая пребудет той же до скончания века, а все остальное приложится ему: Господь пошлет ему в помощь и людей организаторов для общественной благотворительности и учителей для его школы, все, все, что ему нужно для плодотворной пастырской деятельности.

Христианин живет в Церкви и Церковь дает ему все то, что необходимо для спасения человека. Ничего не надо ни добавлять ни убавлять – все уже есть и есть во всей полноте. Человеку нужно только пользоваться этим, питаться этим. Правда, человек живет на земле, встречаются разные искушения: он то падает, то подымается, но все это проходит в стихии Церкви. Правда и то, что живя на земле, он должен участвовать во всей земной жизни, но жить он должен так, чтобы избегать греха. Такую трезвенную жизнь и дает Святая Церковь. Она во всем идет ему навстречу, знает его слабости, понимает его искушения, понимает и трудности его жизни. Церковь не против той деятельности, о которой говорит г-н Балкашин, но не ставит ее целью жизни, а только средством для достижения самого важного. Самое же важное заключается в том, чтобы создать чистое сердце и сохранить его таким. Тут не приходится говорить о реформах. Господь Сам уже дал нам все нужное в Церкви своей. Но тут вопрос: как же приложить к себе это богатство, данное Господом? Обратимся к истории Церкви в то время, когда гуманизм старался вытеснить истинное христианство и заменить его христианством внешним, ложным,

выраженным в формуле: «Кажитесь только христианами, а живите по нашему» – Как говорил Схарий. Вот тогда то Господь воздвиг такого святителя, который и дал нам для жизни метод истинного христианства. Я не смогу в докладе раскрыть это великое творение святителя Тихона – «Истинное христианство», но обращаю ваше внимание на него. В нем вы найдете все нужное для внутренней жизни человека. Святитель Тихон говорит и о слове Божиим, которое нужно воплотить в жизнь, и о духовной мудрости, и о сердце человека, о грехе, о покаянии, о добродетели христианском, о Святой Церкви, о должностях христианина... не достаточно говорить только об этом творении святителя Тихона. Его нужно читать и перечитывать каждому пастырю, его нужно изучать, оно должно стать настольной книгой каждого священника. В нашу эмиграционную эпоху гуманизм проявляется со страшной силой. Наша церковная жизнь протекает главным образом внешне, внутренняя жизнь забывается. Лозунгом гуманизма нашего времени опять таки являются слова: «Кажись христианином, а живи по законам плоти», и невольно мы задаем себе все тот же мучительный вопрос, он стоит всегда перед нами – что же нам делать?

Вот это произведение святителя Тихона «Об истинном христианстве» – и является ответом на этот вопрос.

Я боюсь, что вы, меня слушающие, отнесетесь к моему докладу, как к обычному докладу, в то время как для меня, все то, что я сказал – не есть доклад, не есть слова, а есть моя самая сокровенная жизнь. Творение это святителя Тихона стало основой всей моей пастырской жизни. Еще в 1921 году, благословляя меня на пастырство, старец оптинский Анатолий сказал мне: «Возьми истинное христианство Ти-

хона Задонского и живи по его указанию».

Я благодарен вам, что вы выслушали меня. Но я молю Господа, чтобы вы действительно услышали меня и попробовали бы для своего пастырства методы святителя Тихона. И тогда все те, кто будут вам открывать свои грешные измученные души – будут чувствовать в вас пастыря Церкви Православной. А Православная Церковь имеет только одну цель – вечную жизнь. И ведет она нас в эту вечную жизнь, потому что ХРИСТОС ВОСКРЕС...

«РУССКАЯ МЫСЛЬ» «LA PENSEE RUSSE»

РУССКАЯ МЫСЛЬ – самая большая русская еженедельная газета на Западе. Она выходит в Париже, каждый четверг на 16-ти страницах.

Адрес РЕДАКЦИИ и КОНТОРЫ:

«La Pensee Russe». 217, rue du Fg Saint-Honore - 75008 Paris

Tel. 561-05-79, 563-21-83, 563-94-47

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: (во франц. франках)

	3 мес.	6 мес.	12 мес.
ФРАНЦИЯ	70	130	250
ЗАГРАНИЦА	97	184	357

Почтовый счет: С.С.Р. 5883-44 К Paris

Цена отдельного номера 6 фр.

ВЫБОРЫ ПАТРИАРХА. РЕЧЬ НА ЦЕРКОВНОМ СОБОРЕ.*

Вступая одним из последних на эту кафедру, я прошу простить меня, что, после стольких сведущих и авторитетных людей, отнимаю ваше внимание. Если я решаюсь все же это сделать, то, во-первых, потому, что полагаю, что и мнение рядового члена Собора, старающегося по мере сил разобраться в поставленных перед нами вопросах, должно быть принято во внимание, а во-вторых, потому, что я убежден, что вопрос о восстановлении патриаршества может быть решен не одними учеными канонистами. Его нельзя не осветить во всей полноте, учитывая и политическое его значение и последствия. Постольку и я позволю себе высказать свое слово.

Спешу сказать, что не менее, чем другим, мне претит вторжение мирской суеты и политики в область Церкви, но просто отмахнуться от окружающей нас действительности невозможно. Опасность может быть устранена, если к этой действительности мы постараемся подойти не с точки зрения политических страстей и симпатий, а с оценкой, исходящей из религиозного и церковного настроения.

Мне кажется, из прений достаточно выяснилось, что на почве канонов можно без сомнения оправдать

---

* Речь, произнесенная кн. Г.Н. Трубецким 22-го сентября 1917 года в качестве члена Церковного Собора в отделе о высшем церковном управлении Церковного Поместного Собора.

и обосновать патриаршество, как согласное с каноническим строем учреждение, но отнюдь нельзя доказать, что оно обязательно необходимо.

Совершенно также нельзя считать убедительным мнение будто патриаршество идет как бы в разрез с началом соборности, утверждение коего объединило здесь, повидимому, всех говоривших.

Кажется, все сторонники патриаршества согласны в том, что Патриарх должен быть первым между равными епископом Церкви и в области церковного управления быть подотчетным поместному Церковному Собору.

Восстановление патриаршества встречает со стороны его противников гораздо более сильный отпор чувства, чем возражений по существу. Последние сводятся к опасениям единоличного произвола, злоупотребления высоким положением, умаления начала соборности сильным честолюбивым иерархом. Но разве все это не наследие недавнего прошлого, гипертрофии власти?! Не поэтому ли и на выборах порою боятся поддерживать сильных людей?! От такой мнительной недоверчивости пора нам остерегаться.

Ведь разбираясь в том же самом недавнем прошлом, мы должны признать, что именно отсутствие патриарха облегчало, а не препятствовало самому определенному, и в то же время самому отрицательному проявлению единоличного произвола в лице все сильного обер-прокурора, которому, конечно, легче было расправиться с коллегией нескольких лиц, среди коих он мог всегда найти сторонников.

Разве не желание подчинить Церковь светской власти руководило Петром при отмене патриаршества?

Ведь, Патриарх будет подотчетен Собору, да и самая власть его найдет ограничение в высших церковных учреждениях, которые он будет возглавлять.

С другой стороны, какие же гарантии против вторжения суетных побуждений можно найти в другой форме высшей Церковной организации, в Синоде и Церковном Соборе? – Как человек, имевший возможность довольно близко присматриваться к церковной жизни на Востоке, я утверждаю, что в этом грехе не менее, если не более повинны патриаршие синоды и советы, чем сами патриархи.

Если мы освободимся от чувства подозрительности, которое никогда не бывает творческим, то мы с большей свободой подойдем к вопросу о восстановлении патриаршества.

Я также начну с довода чувства. Нас окружает неприглядная внешняя обстановка. Старые устои рушатся. Тем притягательнее для верующих прибежище Церкви, тем сильнее жаждешь найти в ней не только внутреннюю, но и внешнюю красоту древнего обряда, церковного благолепия и стройности. В наше безвременье, когда массу обуяла горячка ломки всего завещанного отцами, тем сильнее ощущаешь потребность связать дело церковного преобразования с заветами, обычаями и укладом, который дорог был нашим предкам, связать себя с ними, ибо, воистину, Церковь объединяет живых и умерших в надежде воскресения.

Восстановление патриаршества и будет восстановлением старого обряда, той новизной, в которой будет слышаться родная старина. Вспомните, что это выражение по другому совсем поводу было высказано старообрядцами, и я не даром его привел. Ибо, помимо удовлетворения непосредственного стремления к воссозданию старинного русского учреждения, в пользу него говорит, между прочим, как раз и соображение, касающееся старообрядчества.

Мы все молим Бога, чтобы Он сподобил наш

Собор совершить великое дело примирения с старообрядцами. Самый верный путь для этого – показать им, что и нам не менее, чем им, дорога седая старина, что мы с любовью и сыновним благоговением относимся к ней и рады восстановить то, что и в старину служило к украшению Церкви.

Но есть и другие соображения в пользу восстановления патриаршества.

Времена изменчивы. Кто поручится, что мы не вступаем в период тяжелых испытаний для Церкви, что ей не понадобится вскоре твердый предстатель, чувствующий особую личную ответственность за внешние сношения, как первоиерарх, обязанный стоять на страже церковного достоинства, чести, достоинства и прав Церкви.

Вспомним, что синодальное устройство привилось как раз в православных странах, где казалось, что Церковь не от кого оберегать, но где власть иногда душила ее в объятиях опеки. А где сохранилось незыблемое патриаршество? – В иноверной Турции, где приходилось бороться, отстаивать Церковь, там, где в недавние времена были Патриархи мученики, а их преемнику в наше время угрожали тем же.

Я хочу припомнить пример и ныне, кажется, благополучно здравствующего Вселенского Патриарха Германа. Когда он упорствовал в отстаивании прав Церкви, Султан Абдул Хамид прислал напомнить ему, что он внук Султана Махмуда, того самого, который повесил Патриарха Григория IV. – «Передайте Султану, что моя голова в его руках, но права Церкви никогда», отвечал Патриарх Герман посланным.

Если в наши дни в Константинопольской Церкви находятся такие иерархи, то неужели оскудела наша родная Церковь? Разве не найдутся в ней мужествен-

ные исповедники и поборники, счастливые умереть у ее порога? – Те, кто в этом сомневаются, пусть лучше оставят заботу о преобразованиях в Церкви, ибо никакими юридическими гарантиями не вдохнешь живого духа в мертвый труп.

Говоря о Восточных Церквях, я хочу коснуться последнего вопроса, ратующего в пользу восстановления у нас патриаршества. Полнота церковной жизни и вселенского сознания не может быть достигнута без возможно более тесного общения с другими автокефальными церквями. В сношениях с этими церквями я хотел бы видеть нашу родную Церковь равночестно представленной, без хотя бы внешнего ее умаления.

Мы занимаемся делом церковных преобразований на рубеже нашей истории. Никогда мы не были так близки от осуществления нашего исторического завета – водружения Креста на Св. Софии, как теперь, когда по грехам нашим эта мечта отошла от нас в далекую даль.

Теперь когда ослабели узы внешней власти и блекнет обаяние могущества России, теперь более, чем когда либо, вместо того, чтобы падать духом, нам надо воспрянуть, обрести бодрость не во внешних устоях, а во внутренней собранности, в духовной силе, и на новых основаниях, очистившись от своих грехов, строить наши отношения с другими православными Церквями. Не можем мы также не учитывать, что с падением власти Императора, который как первый сын Церкви был носителем преемственной идеи покровительства православия на Востоке, положение наше существенно изменяется. Новые течения и направления вторглись в государственную жизнь.

Самосознание православного русского народа не

может больше даже и формально совпадать с самосознанием Российского государства. И с этой точки зрения требуются иные, чем прежде, представители и носители чаяний православной России, облеченные властью и возможностью им служить.

Таким преемником идеологии, составлявшей атрибут царской власти в России, не может быть никто лучше и полнее, чем Патриарх.

В минуту распада и уныния, когда кажется, что вся Россия превращается в груды обломков, и не за что уцепиться, наша задача – связать лучшие, неумиряющие заветы нашей истории с тем основанием, которое мы закладываем для будущего. Пусть Церковь сама за себя стоит и борется. Вместо скипетра и короны, крест и хоругвь да охранят наше святое святых! И пусть хоругвеносцем наших религиозных заветов будет Русский Патриарх, как символ того, что с падением царской власти не пала Святая Русь и что не отказалась она от того, что ей всего дороже в ее прошлом, и бесконечно ценнее преходящего внешнего обаяния физической силы.

Подводя итог сказанному, я подаю голос за восстановление Патриарха, первого между равными епископами, возглавляющего высшие церковные учреждения и подотчетного вместе с ними периодически созываемому поместному Собору.

ПИСЬМА О БОЛЕЗНИ И ИСЦЕЛЕНИИ*

ПИСЬМО ДВЕНАДЦАТОЕ. О СТРАХАХ И НАДЕЖДАХ.

Милый мой братик! Вот ведь странно: пишу я тебе эти письма, а кому пишу – не знаю. То есть, знаю, что пишу тебе, но вот какой ты сейчас, я не имею никакого представления. Все стало в тебе таинственно. Когда я покинул тебя в Голодной Степи, тебе было одиннадцать лет, и наверное столько навсегда и осталось. Но ты, конечно, неизмеримо мудрее меня: ты знаешь теперь главное – соотношение между здешней и тамошней жизнью. Один мой друг, очень умный и тонкий человек, сказал, что главная трагедия наших современников, из которой вытекают все другие трагедии, – утрата ясного отношения к смерти. Это глубоко верно. Но я не тороплюсь к тебе, чтобы приобщиться к вечной истине о смерти. Я должен еще выполнить свою земную работу. А для этого мне надо понять ее суть. Многими мыслями я уже с тобой поделился. Подведу им теперь краткий итог.

Две тысячи лет назад произошло Богоявление. Это был грандиозный прорыв онтологии высшего качества в нижележащие онтологические уровни. Это был акт нерукотворный – ничто замысленное

---

* Продолжаем печатать философское произведение живущего в Советском Союзе проф. Виктора Тростникова, – письма, в которых он мысленно обращается к своему, ныне покойному, брату.

или осуществленное человеком не может быть с ним сопоставлено. Сверхмощный разум Бога учел в своих планах такие звенья цепи событий, которые в момент их появления не могли быть нам понятными. Вокруг каждого звена мы строили множество теорий, спорили из-за их истолкования. И только сейчас, в ретроспективном оглядывании всех двадцати столетий одновременно, а также в предчувствии надвигающихся угрожающих событий, мы начинаем видеть перед собой всю цепь. Происходит нечто удивительное: будто дуло прохладным ветром, начал рассеиваться окружающий туман, и перед нашим взором неожиданно открылась узкая тропа, по которой мы добрались до того места, где мы стоим сейчас. Мы смотрим на эту тропу и удивляемся: как мы могли не сбиться с нее в таком густом тумане и проделать все те зигзаги, без которых нельзя было бы сюда придти? Ведь каждый раз мы сворачивали влево или вправо не потому, что знали местоположение цели, а потому что *не знали* его . . .

Познание Бога достигается тремя способами: жизнью, чувством и разумом. Чтобы оно было полным и несомненным, необходимо совпадение всех показаний. И все было задумано Богом так, чтобы все три вида свидетельств сошлись на одном. Его задача осложнялась тем, что было непременно нужно сохранить за человеком свободу выбора и право на ошибки, ибо тому делу миротворчества, ради которого только человек и был создан, нужны добровольцы. Если бы Бог явился нам в грозном и совершенно отчетливом знамении, мы поняли бы разумом, что над нами есть хозяин, бросили бы все земные дела и стали бы думать только о том, как бы Ему угодить и попасть в рай. А Ему было нужно, чтобы мы продолжали заботиться и о плоти, соединяя в се-

бе земное и небесное. Если бы Он немедленно карал болезнью или смертью всякий жестокий поступок, люди постепенно прониклись бы ощущением Мировой Справедливости, утратили бы сомнения в торжестве добра и их сердца наполнились бы устойчивой светлой радостью, а тогда не было бы внутренних мучений, создающих катарсис и влекущих людей ввысь. Если бы Он каким-то прямым давлением принудил нас жить по-божески, то мы перестали бы быть свободными. Кажется, при таких условиях ничего сделать нельзя. Именно это показалось ученикам Христовым, когда они узнали, что путь к Царству Небесному более узок, чем игольное ушко. Но Христос ответил им: «Богу все возможно». Сегодня можно, наконец, понять, что Он имел в виду.

Богоявление озарило жизнь людей идеей поступательного развития, идеей цели. Ничего подобного прежде у людей не было. Все дохристианские религии, давая изумительно точное статическое описание мироустройства, умалчивали о его динамике. Новизна Нового Завета состояла в первую очередь в призыве действовать, «брать Царство силою». В результате, в Европе появилась как бы новая раса людей, отличающаяся своей целеустремленностью и энергией. Сначала энергия была чисто внутренней, направленной на духовные предметы, проявлялась лишь в фанатизме веры. «Вольтер совершенно верно замечает, – сказал Чаадаев, – что идея бывала причиной войны только у христиан; но не следовало бы ограничиваться только этим замечанием, а надо было доискаться причины того исключительного явления. Очевидно, что господство идеи может водвориться в мире лишь путем отдания самому принципу мысли всей своей реальности». Но Сын Божий, ожидание Которого вдохновляло веру, не приходил, и энергия по-

степенно стала переходить в сферу внешней деятельности. В Европе закипела торговля, расцвели ремесла, задымили фабрики, воздвигнулись многоэтажные дома, землю покрыли железные дороги, по морям поплыли пароходы, в небо взмыли аэропланы. И мало-помалу, европейцы втянулись в безудержное производство осязаемых вещей и забыли о том, что вся их активность имела первым стимулом перспективу достичь невидимого. Почему они перестроились со стремления к духовному на стремление к материальному? Потому, что Бог предоставил их на некоторое время самим себе, а всякая система, предоставленная самой себе, начинает двигаться по линии наименьшего сопротивления. Делать вещи куда проще, чем пополнять запасы Мирового Духа, и это наглядно доказывается тем, что интенсивному деланию вещей быстро научились от европейцев и многие такие народы, которым Христос никогда не являлся и которые всегда отличались внутренней пассивностью. Это значит, что активность европейцев сползла на более низкий уровень качества, чем прежде, и на этом пониженном уровне заиклилась.

Богоявление озарило чувства людей пламенной любовью к Богу. Любовь к Богу, конечно, внушается и другими религиями, но в христианстве она приняла не только высочайшую степень накала, но и специфический оттенок преклонения перед Богом. Открывшаяся при Богоявлении прекрасная картина гармонически уравновешенного и соподчиненного во всех своих частях Бытия, в центре которой лучезарно замыкал все нити Вседержитель, создавала ощущение величия Божьего мира, передававшееся из поколения в поколение. Но шло время, воспоминание о Боге тускнело, и в конце концов объектом людской любви вместо Бога сделался Его заменитель, Его *образ и*

подобие, т.е. сам человек. Началась эпоха гуманизма, характерная тем, что в центр мира, на то место, где еще недавно стоял Бог, был поставлен человек. Вместо икон живописцы стали писать портреты прекрасных людей. Поэты стали восхвалять величие и славу человека. Некоторые из них начали писать слово «человек» с прописной буквы, и в то же время, слово «Бог» все чаще стали писать с маленькой буквы. Кое-где это было даже принято как закон правописания. В этих странах за написание слова «Бог» с большой буквы грозили большие неприятности. Если раньше писали: «Бог создал человека», то теперь стали писать: «Человек создал бога». Популярная литература живо перенесла на человека все Божьи качества: всемогущество, всеведение, главенство над миром и т.д. Возникло убеждение, что в человеке сосредоточен весь смысл существования вселенной. Причина, по которой это произошло, та же самая: тенденция к упрощению. Представить себе человека, которого видишь ежедневно и природу которого знаешь по самому себе, гораздо легче, чем представить невидимого и необъятного Бога. Следовательно, и чувства людей, воспламененные Богоявлением, постепенно сползли на более низкий уровень, на котором и зациклились.

Богоявление озарило разум людей идеей реальности чистых понятий и существование законов мирового развития. Она естественно вытекала из факта реального существования Бога, в котором люди только что убедились воочию. Познание закономерностей мира стало пониматься как познание мыслей Бога, и люди с беспримерным энтузиазмом стали предаваться отвлеченным изысканиям. Начался мощный подъем логики и анализа всех философских категорий, который современные историки называют периодом бо-

гословской схоластики. В этот период была заложена вся понятийная база европейской науки. Но по мере удаления от Богоявления люди стали все больше утомляться от экскурсов на самые высокие этажи понятийной башни и стали довольствоваться изучением более низких этажей, пока не остановились на том, что признали достойным внимания один лишь первый этаж, где располагаются понятия, относящиеся к простейшим формам материи. Так появилось естествознание. Навыки к абстрактному мышлению, прочно укоренившиеся в них, благодаря стремлению познать Бога, люди незаметно для самих себя перенесли на предметы значительно более простые, доступные прямому чувственному восприятию и измеряемые точной количественной мерой. Выходит, и в этой сфере произошло сползание вниз, а затем и зацикливание, выразившееся в том, что естественнонаучная идеология, представляющая и мир, и самих людей автоматами, стала непререкаемой догмой.

А теперь посмотри-ка, как все это неожиданно начало стягиваться на горле человечества как петля, угрожая лишить нас дыхания!

Зацикленность нашего образа жизни на примитивном уровне потребительства и гедонизма грозит уничтожить питающую нас природную среду. Что бы там ни было, но скоро мы просто *не сможем* жить так, как живем сейчас – для этого не будет средств.

Зацикленность наших чувств на примитивном уровне самолюбования грозит полным разрушением нашего внутреннего мира, полной девальвацией всех высоких идеалов, без которых человек делается скотом. Подсознательно мы ощущаем эту опасность и все упорнее стремимся найти какую-то внешнюю опору для своей души, то восторгаясь мистикой, то переписывая статьи о «летающих тарелках», то всту-

пая в кружки изучения йоги, то просто напиваясь или употребляя наркотики. Но все эти полумеры не помогают. Если такое стремление и впредь будет расти так же быстро, как сейчас, то скоро нам тошно станет жить на свете, и мы не только перестанем рожать детей, как уже случилось во многих странах, но и начнем накладывать на себя руки, как делали это римские патриции.

Зацикленность нашего разума на примитивном уровне исследования материи уже привела к его остановке. Здесь речь идет даже не об угрозе, а о совершившемся факте: наука, как честное и объективное исследование природы, перестала существовать. Она превратилась в одну из многочисленных игр, которыми занимают себя люди, причем в игру хорошо оплачиваемую и вовлекшую в себя миллионы людей. Вынужденно расширяя свою понятийную систему, она недавно вышла на Бога, но ни моргнув глазом делает вид, будто ничего не случилось. Такое ее лицемерие является одним из самых безнравственных элементов нашей цивилизации, который отравляет все остальное. Безобразно раздув штат своих работников, наука все больше переходит на самообслуживание и все меньше дает обществу. Если дело пойдет так и дальше, она потеряет последние остатки авторитета у публики, а поскольку она присвоила себе монопольное право олицетворять умственную деятельность, то это приведет ко взрыву антиинтеллектуализма и к умственному одичанию человечества.

Таким образом, все три процесса, пущенные в ход Богоявлением, подвели человечество к одному и тому же: **к необходимости под угрозой катастрофы подняться на более высокий уровень.** Это означает, что мы стоим сейчас перед тройным катарсисом! Во всех трех аспектах нашего самопроявления нам остал-

ся только один выход – вверх. И этот уникальный момент наступил естественным образом. Велика мудрость Промыслителя нашего!

Оставаясь все время свободными – такими свободными, какими никогда еще не были, – не испытывая в течение веков ни прямого, ни косвенного давления со стороны Бога, как бы спрятавшегося на этот период, нарочно сделавшегося незаметным; живя только своим собственным умом и безмерно возгордившись собой, мы внезапно попали в критическую ситуацию, когда мы вынуждены признать Бога без помощи всяких знамений, признать Его изнутри.

Теперь понятно, почему за последние столетия происходило очень мало чудес, настолько мало, что их вклад в коллективный опыт человечества не оказал влияния на коллективное сознание: Бог наложил на них временный запрет, чтобы не нарушать сильными лекарствами развитие нашей болезни, и без того неумолимо ведущей к очистительному кризису. Он ждал, когда Его дети сами стукнутся лбом в стену, набьют шишку и раскаются в своей гордыне. Вот тогда Он выйдет из укрытия, откуда внимательно наблюдал за ними все эти века, и произойдет обещанное нам две тысячи лет назад возвращение Сына Человеческого.

Стало быть, нам нечего беспокоиться за будущее? Подождем еще немного, пока станет совсем неумолимо, а там, хотим мы или нет, нам все равно придется менять и жизнь, и душевный настрой, и все наши теории. Премудрый Господь все предусмотрел . . .

Нет ничего более ложного и опасного, чем такая мысль! Все, что Господь предуготовил для нас – это тройной стресс, от которого можно уйти лишь вверх. Но ведь это еще не очищение, а только косвенное принуждение к очищению. Станет ли для нас бли-

жайшее будущее катарсисом, который поднимет нас и так приблизит к Богу, как мы в течение последних десяти тысяч лет ни разу к Нему не приближались, или же оно станет для нас Страшным Судом, где не будет оправданных – это зависит не от Бога, а единственно от нас самих.

Весь тот материал, который мы с тобой так подробно, боясь пропустить что-то существенное, рассмотрели, проанализировали и осмыслили, не приводит к выводу чисто оптимистическому. Он наталкивает на другое заключение: история человечества приблизилась к моменту величайших надежд и величайших страхов. Сердце должно замереть и от того, и от другого. Надежда огромна: после стольких тысячелетий ошибок и заблуждений придет, наконец, просветление человечества и устроится на земле Божие Царство, о котором люди грезили с незапамятных времен, воображая его себе в самых различных формах, вплоть до формы атеистического общества. Огромна и страх: вот-вот человечество навеки исчезнет с лица планеты. И надежда, и страх ни в малейшей степени не преувеличены – они основаны на реальных предпосылках, которые теперь должны быть нам ясны.

Сначала о страхе.

Самоустранение Бога из людской онтологии, в частности, из нашей коллективной души, означало перевод общества на режим экономии. Вобравшее в себя огромную порцию Духа во время Богоявления, европейское общество в дальнейшем перестало получать его заметные субсидии, т.е. было поставлено в положение *нищего духом*. Люди немедленно почувствовали резкое сокращение ниспадающего на них потока благодатной субстанции и горько сетовали по этому поводу. Например, уже в 381 г. на Втором

вселенском соборе Григорий Назианзин говорил: «Какая-то печальная темнота объяла и покрыла все, гораздо тягостнее девятой египетской казни». Многие считали это признаком Божьего гнева, наказанием за прегрешения человечества. Но мы с тобой уже выяснили, что скудость притока Духа совершенно не свидетельствует о немилости Бога; скорее наоборот, она говорит об особом Его благорасположении, ибо «Блаженны нищие духом». Выжигая остатки своей благодати, мы должны были, по Божьему замыслу, начать испытывать удушье и в поисках спасения выйти на более высокие уровни, доказав таким образом свою способность уменьшать энтропию, а значит приумножать мировые запасы Духа. Но ввод в режим экономии всегда связан со значительным риском, и этот риск тем больше, чем система сложнее и свободнее. Дело в том, что в любом онтологическом комплексе, даже если он отрезан от высочайших онтологических слоев или ему затруднен туда доступ, должна существовать хотя бы фиктивная точка схода логических, эмоциональных и поведенческих линий, должен иметься организующий центр, вокруг которого вращаются части. В бесконечной, или открытой бесконечности системе этой точкой является Бог, и тогда никаких проблем не возникает. В конечной же системе или в системе, посаженной на голодный духовный паек, роль Бога берет на себя псевдобог, иначе, *дьявол*. Он представляет собой онтологическую данность, взявшую на себя ту функцию, которую устойчиво может выполнять только Бог – функцию замыкания всех цепочек разума, чувства и действия. Не будучи Богом, этот Его заместитель способен продержаться на своей должности лишь некоторое время, после чего начинает вылезать наружу его несоответствие занимаемому положению и невыпол-

нимость его обещаний. Как только это случится, он должен лопнуть. Но в системах сложных, обширных, включающих в себя очень высокие этажи онтологической башни, псевдобог становятся доступными такие свойства, как воля, свобода выбора, чувство самосохранения, хитрость, коварство и т.д. Такой псевдобог становится псевдоличностью и подобно личности, упорно защищает себя от разоблачения, идет на всякие уловки, запугивает, создает в системе порочную круговую поруку, разделяет и властвует, отчаянно борется за свое существование, втягивая в эту борьбу значительную часть онтологических элементов системы. В *почти* бесконечной системе псевдобог является *почти богом* и обретает большую силу. Имеется целая иерархия дьяволов и демонов разного масштаба, поэтому Христос обычно говорил о них во множественном значении: «род сей». Если бесовская мелочь лопается быстро, и ее нетрудно одурачить даже такому простодушному человеку, каким был гоголевский кузнец Вакула, то крупный дьявол, которого в народе уважительно называют Сатаной, по внешности бывает трудно отличим от настоящего Бога. Такой может продержаться очень долго. Разумеется, все равно между ним и Богом такая же бездна, как между очень большим числом и бесконечностью, но для нас, людей, очень большое число часто представляется бесконечно большим. Опасность крупного дьявола состоит в том, что, когда он начинает гибнуть, то он часто губит и всю систему, которую успел уже к тому времени опутать, прибрать к рукам и сделать так похожей на замкнутую, что разомкнуть ее без разрушения уже оказывается невозможным. А погибнуть обязан каждый дьявол, как бы масштабен он ни был, ибо с какого-то момента, несмотря на свои способности к дема-

гогии и обману, он не сможет справиться с внутренними противоречиями, непременно возникающими во всякой не бесконечной системе.

Если поставить целью определить явление демонизации системы совсем кратко, то надо сказать так: демонизация есть захват управления системой сложным онтологическим образованием, не являющимся Богом, но претендующим на роль Бога, обретающим черты личности и сопротивляющимся отстранению его от управления. Как говорят в народе, «дьявол есть обезьяна Бога». Так же, как и Бог, он старается работать не своими руками, а заставлять работать саму управляемую им систему, вводя в нее для этого «закваску». Но эта закваска всегда получается фарисейской. Успешное управление требует знания природы системы и полного замысла, по которому она создана, а это, в свою очередь, влечет за собой необходимость понимать весь мировой замысел в целом, что никакому демону недоступно. Поэтому демон всегда управляет системой чересчур прямолинейно, грубо, примитивно.

Свою примитивность демон либо пытается замаскировать внешней утонченностью, интеллектуализмом, эстетизмом и высокомерием, либо избирает прямо противоположную тактику и подчеркивает свою простоту, стараясь произвести впечатление «хорошего малого», «своего в доску», «рубахи-парня». Но если он завладел системой достаточно прочно и управляет ею достаточно долго, то результат управления в обоих случаях бывает один: **резкое упрощение системы**. Понятно, почему оно происходит. В отрезанной от Бога или находящейся в режиме экономии системе неизбежно возникает конфликт между нею и управляющей ею данностью, в данном случае, демоном. Содержащиеся в этой системе понятия и

идеи на самом деле не замыкаются на демона, как он хочет это представить, ибо они могут замыкаться только на Бога, и это рано или поздно обнаруживается. Это создает напряжение и у той, и у другой стороны, но путь к его преодолению они ищут совершенно по-разному. Интересы системы требуют выхода в более высокие понятийные этажи, где хранятся ответы на вопросы, ждущие своего разрешения, где есть рецепты к установлению внутреннего согласия. Если ей удастся осуществить такой выход, значит произошел катарсис. Интересы же овладевшего ею демона иные; единственный для него шанс остаться у власти – погрузить систему в более низкие онтологические слои, где наболевшие вопросы отпадут сами собой, ибо там они не могут быть даже сформулированы. Если ему это удастся, значит он погубил систему.

Для такой системы, как организм животного, демонизация будет означать существенное упрощение функционирования ферментативных и гуморальных аппаратов, увеличение однородности тканей, превращение организма из дифференцированного и тонко отрегулированного иерархического образования в простую сумму индивидуально живущих клеток. Но это – ни что иное, как злокачественная болезнь, *рак*. Рак есть частный случай демонизации, а именно – воцарение дьявола на уровне энтелехии. Сходство между канцерогенным вирусом, природу которого мы с тобой уже уяснили, и дьяволом, как он был только что нами определен, есть сходство между конкретной реализацией схемы и самой этой схемой. Дьявол есть то, что претендует на роль мудрого управителя, не обладая достаточной мудростью. В случае организма управление означает владение шифром ДНК, а им-то раковый вирус и не обладает,

следовательно не имеет ключа к мудрости. Претенциозность же его состоит в том, что он пытается реконструировать ДНК по РНК, в которой заведомо нехватает для этого информации. Такое поведение вируса определяется, конечно, не физической его структурой, а его «душой». Самоуверенно хватаясь за управление организмом, вирус делает это по подсказке управляющей им невидимой данности, которая представляет собой некое уродливое новообразование в пространстве «волновых функций живых организмов». Безуспешность всех до сих пор имевших место попыток лечения рака объясняется как раз тем, что, в то время, как онкологи ищут причину заболевания в материи, она лежит в нематериальной части Бытия.

Для такой системы, как сознание человека, демонизация будет означать упрощение всех мыслительных средств, т.е. поглупение, и значительное эмоциональное обеднение. Она повлечет за собой появление у человека равнодушия к тому, что еще недавно было ему дорого, развитие эгоизма, заикливание представлений, беспрестанное проигрывание перед внутренним взором одних и тех же сюжетов. Это, конечно, *шизофрения*. И опять секрет безуспешности лечения заключается здесь в том, что психиатры стараются «починить мозг», а вызывающий болезнь агент сидит не в мозге, так как шизофрения есть воцарение дьявола на уровне человеческой души. Эту элементарную истину, которую знали во все века, всегда излечивая шизофреников «изгнанием беса», современная медицина, не то, чтобы не может принять, а не умеет даже обсудить, так как ей не позволяет сделать это скудность языка и понятий. Шизофрения есть злокачественная болезнь души, рак психики, и врачи бессильны перед ней точно по той же причине, что и перед обычным раком: ее сущ-

ность в их примитивном словаре невыразима.

Я думаю, теперь ясно, что должна означать демонизация такой системы, как коллективная душа какого-то народа или всего человечества. Воцарение дьявола на этом уровне можно назвать и раком общества и коллективной шизофренией. Мы проводили детальное сопоставление важнейших черт современного общества с признаками раковой ткани и убедились в поразительном их совпадении. Но разве не похоже нынешнее общество и на больного шизофренией? Это сравнение давно уже взяли на вооружение литераторы – художественным чутьем они предугадали истину. Наша наука обладает всеми особенностями шизофреника – пристрастием к казуистике, слепым упорством в насаждении своих бредовых теорий. Но самым ярким ее шизофреническим признаком является основной ее тезис – тезис автоматизма всего мира, включая живые существа. Это – точный аналог одного из самых верных отличий шизофреника – «синдрома психического автоматизма», описанного знаменитыми психиатрами Кандинским и Клерамбо. А ведь наука отражает все общество в целом.

Рак, шизофрения, отпадение от Бога... Все это разные проявления одного и того же по своей сути процесса, который можно назвать «воцарением дьявола». И это никакая не метафора! Поскольку онтологическая часть Бытия реальнее материальной, то и дьявол, целиком находящийся в онтологии, реальнее любого вещественного возбудителя недуга. Когда римский папа Павел VI в 1972 году говорил, что в мире много зла, и это результат «вторжения в нас и в мир темного враждебного агента – дьявола», то это было не иносказание, а точнейший диагноз. Та безликая данность, которую мы неточно называем то обществом, то государством, то режимом, то систе-

мой и которая явно противостоит каждому из нас и является для каждого враждебной, есть ни что иное, как дьявол со всеми его родовыми признаками. И причина нашего пристрастия к законничеству и «правовому мышлению» состоит, конечно, в том, что с дьяволом всегда нужно заключать договор. Вот мы и заключаем его с «системой», и так же подробно, как Фауст, подписавший контракт с Мефистофелем, оговариваем взаимные обязательства: нам даются материальные блага и физическое наслаждение, а мы отречаемся от бессмертия души.

Известно, что обособление замкнутого онтологического комплекса создает в нем напряжение, снять которое может лишь прорыв ввысь. Теперь мы можем сделать важное добавление: такое обособление часто приводит к захвату этого комплекса дьяволом, который начинает яростно сопротивляться восхождению и тянет систему вниз. Когда побеждает дьявол, происходит коллапс системы. С другой стороны, чтобы системе подняться вверх, ей нужно победить дьявола.

Не кажется ли тебе, что картина того, что произошло с человечеством за последние два тысячелетия – Божоявление, постепенное удаление от Бога, зарождение науки, отпадение от Бога и надвинувшийся сейчас тройной кризис, – становится совершенно отчетливой? Назовем ли мы наше сегодняшнее состояние раковым заболеванием, скажем ли, что человечество сошло с ума, присоединимся ли к оценке ситуации, данной римским Папой, это будет лишь различие в терминах. Суть момента состоит в том, что наше движение к грандиозному катарсису, после которого мы должны вернуться к Богу на новом, более высоком, уровне, создало благоприятные условия для инплантации в нашу коллективную онтоло-

гию дьявола, поставившего сейчас все предприятие под угрозу срыва. Если все действительно сорвется, и человечество, не дойдя нескольких шагов до нового Богоявления, погибнет, это не будет опровержением тезиса о всемогуществе Творца, а будет только свидетельством того, что мы не выдержали испытания. Творец все равно добьется своего, только с другими партнерами, а с кем именно – этого мы уже не узнаем.

А теперь о надеждах.

(Продолжение следует)

ПРАВОСЛАВНАЯ РУСЬ

Двухнедельный Церковно-Общественный журнал.

**Основан Братством преп. Иова Почаевского
в 1928 году**

Подписная плата на год 20 долл.

Отдельный номер 1.-

**Russian Orthodox Holy Trinity Monastery
Jordanville, N.Y. 13361**

Дм. Дроздов (Свящ. Димитрий Дудко)

НЕВОЗМОЖНОЕ НАМ – ВОЗМОЖНО БОГУ

Эх, как бы у нас был кто-то сильный за границей, да замолвил бы за нас там словечко, может и мы б себя лучше чувствовали, и на родине и там, а то ведь не на кого и не на что нам надеяться . . .

Но это, может быть, еще лучшее, что о нас там не говорят, если же заговорят, то все шишки полетят на нас: только русские виноваты во всём.

А русские еле дышат.

Ну вот наша страна считается Россия, а попробуй заговорить о русской истории, русской святыне: героях и святых, так на тебя сразу уставятся, как на новые ворота . . .

И это еще хорошо, если не обвинят в антисемитизме, тогда ты фашист и так с тобой надо обращаться, как с фашистом.

Уехать бы отсюда, а куда? . . .

У всех людей есть пристанище, только не у русских. Всех остальных могут встретить и принять, только не русских.

Можешь под видом кого угодно ехать, только не от лица русских.

Кто же такой русский и что такое русский?

Ну вот попробуйте сначала посмотреть беглым взглядом – это или спившийся или одержимый – ему надо что-то строить, всё разрушая.

Да в конце концов попробуй открыто заговорить с русским о России, русской истории, так и будете

друг на друга смотреть недоверчиво и как чужие.

России нет, Россию свалили, разрушили. Стоит ли говорить о России? Какой России, где она?

Ну и фантазер же русский человек.

И вдруг сразу после революции князь Евгений Трубецкой сказал:

Если чаша выпита до дна, то значит воскреснет Церковь, а с ней и Россия.

В самом деле чаша нами выпита до дна... Этого доказывать не надо, всем понятно и ясно.

А то, что воскреснет Церковь и Россия – попробуйте доказать, если вы настолько изощрены в логике.

Что такое современная Русская Церковь? – это московская Патриархия, доверившаяся и продавшаяся советской власти. Манекен Патриарха, жалкий, растерявшийся... Или эти желторотые ревнителы, которые свое невежество выдают за Истину, всех и вся судят?... Или вот эти – что вам нужно? Их много появилось в Церкви. На всё, что угодно пойдут, спекулируя религией.

Да, понятно, вы говорите: Церковь должна воскреснуть?

Но чтоб воскреснуть, что-то надо и иметь, а здесь ведь ничего нет, чему воскреснуть? Горбатуму воскреснуть со своим горбом, что ли?

Да, строгий суд вы произнесли... Но хорошо, что мы в начале заметили – посмотреть беглым взглядом, следовательно и поверхностным...

Хотя еще вы хотите сказать два-три слова... О Русской Церкви, как о явлении, хотя бы в прошлом можно что-то сказать, а вот что сказать о России? О русских лаптях, что ли, да как они щи хлебали лаптями. Ведь в прошлом Россия не лучше была, чем сейчас. По делам ей и награда. Если есть промысел

Божий, то вот он и видит, что кому дать.

Вот он и дал пугало России. Называется убили, больше говорить нечего. Я не политик, не экономист, и с этой точки зрения говорить не намерен, я русский священник...

Вижу, как вы поморщились. Если бы сказал – русский верующий – это можно было бы допустить, а русский священник?... Да вообще существует ли русский священник?

А если еще узнаете, что русский священник – Дмитрий Дудко, и совсем беда. Это тот, кто прокричал о себе на весь мир, у кого вывалившийся из рта сыр стянула лисица?

О Дудко теперь говорить не приходится, так опозориться, как он, может, конечно, только русский.

И вот оттого, что я так опозорен, я и дерзаю говорить.

Неужели во всем мире не найдется такого христианина, который может пожалеть? Неужели нужно добивать убитого?

Я поставил вопрос для совести, а теперь хочу сказать...

Если когда и говорить о России и русских можно, то только сейчас.

Чаша выпита до **дна**, на кого надеяться?... Только на Бога. Распятый Христос Дух Свой отдал в руки Отца Небесного...

Мне хотят под руку крикнуть:

– Не равняйте себя со Христом.

– Дух русского человека в руках Божьих, хотя бы в силу того, что мы имеем на себе образ Божий, – говорю я.

Как бы ни было, вслушайтесь! Откуда вопль несется? Из России...

Неужели и Бог будет жесток к нам?

Кто призывает на помощь Бога искренно?

Тот, кого все оставили, в силу хотя бы того, что Дух у него от Бога.

Вслушайтесь, всмотритесь. Если попадает русский за границу, чего прежде всего он ищет?

Церкви.

Замечено, что даже неверующий. Потому что здесь он боится . . .

Да, боится, ведь надо лишиться всего? Для себя можно, а как для других? Вот и оглядываемся. А за границей можно, даже рекламу из этого могут сделать безбожники.

Посмотрите на эти разбежавшиеся глаза русских, не видите разве, как они засветились?

А вот эта слезинка . . . Да не слезинка, а слезы, слезинкой здесь не отделаешься! Разве ничего не говорят вашему сердцу и уму?

Да уже и не о загранице речь! А дома у нас мы как туристы ищем храма. Конечно, печально, что на нашей земле надо искать храм, ведь на каждой улице, каждом перекрестке был . . .

А теперь ищем. И сразу – надо затеплить свечку! Вы скажете, на всякий случай?

Да, если беглым взглядом взглянуть – на всякий случай, а если глубже?

То ничего случайного нет, но это может видеть только Бог. А у нас это наши суждения, если не осуждения.

Вот сейчас и время заговорить о России.

Но прежде чем сказать о России, нужно сказать сначала о Православной Церкви.

России без Церкви не существует, Россию мы называем Святой Русью.

И вот о воскресении России не просто мы от праздности говорим, от нечего делать, говорили до

нас русские праведники, святые, провидцы.

В России должна наступить Пасха!

От русской Пасхи зависит судьба всего мира.
Россия должна сказать новое слово миру!

– А еще что скажете? – спросит кто-то.

– А больше сказать нечего, – отвечу я, – этим всё сказано.

Могу только добавить: невозможное человеку – возможно Богу.

– Но это что? – вы и еще, может быть, спросите? – Это ведь вера?

Да, это вера!

Мы, русские, верим не только в Бога, а верим и в Россию, оттого нашу многогрешную страну называем Святой Русью.

В Россию можно только верить, – говорят и наши поэты – чуткий народ.

Верим, что Бог не оставит нас, русских! Не оставит Россию, тем более Русскую Церковь.

И всё, что делается сейчас в ней – это для воскресения.

А вы только заметили жалкую фигуру Патриарха, но жалости, как видно, у вас и не оказалось?...

Оттого мы, ничего не имеющие, счастливее всех!...

Хотелось бы и еще что-то добавить, но никого не хочу раздражать.

И так уже много сказано, простите меня.

Недостойный священник – Дмитрий ДУДКО.

6 февраля 1985 года.

Москва.

СТРАДАНИЕ И БОЖИЙ ПРОМЫСЛ

ОТ РЕДАКЦИИ. В первой половине ноября 1985 года в Вашингтоне состоялась однодневная конференция, посвященная вопросу преследования верующих и инакомыслящих в тоталитарных странах. Конференция была устроена по инициативе организации КРИД (Кристиан рескю эффорд фор де эманципацион оф диссиденц) – «Христианская забота об инакомыслящих». Конференция КРИД была созвана, чтобы ознакомить американскую общественность с деятельностью этой христианской правозащитной организации, а также для того, чтобы дать людям доброй воли ясное представление о положении верующих в странах с тоталитарным режимом. Главная цель КРИДа состоит в координации работы уже существующих правозащитных групп, чтобы добиться более эффективных результатов в деле защиты прав верующих в СССР и Восточной Европе. Среди организаций, сотрудничающих с КРИДом – Комитет защиты гонимых православных христиан и английский центр по изучению религии и коммунизма Кестон Колледж.

Открывая конференцию, директор КРИДа, доктор Эрнест Гордон, бывший капелан при Принстонском университете в штате Нью-Джерси, выразил основную идею своей организации такими словами: «Свобода есть основа христианской мысли и только христианское понимание свободы выявляет подлинную сущность принципа прав человека, ибо права человека – это ничто иное, как дар, данный нам в акте творения нашим Создателем». Далее Гордон подчеркнул истину новозаветного откровения,

что убежденный христианин всегда внутренне свободен, даже если ущемляется его внешняя свобода потому, что Христос сказал: «Познайте Истину, и Истина сделает вас свободными».

Кульминационным моментом недавней конференции КРИДа было выступление румынского православного священника отца Георгия Калчю, который в августе 1985 года был освобожден из румынской тюрьмы, где он отбывал 25 лет заключения за христианскую проповедь на своей родине. В этом своем первом выступлении в Соединенных Штатах отец Георгий Калчю рассказал о своих испытаниях в тюрьме. Переполненный зал слушал свидетельство священника-исповедника с явным волнением.

Предлагаем вниманию читателей нашего журнала русский перевод выступления священника Георгия Калчю.

Прот. Виктор Потапов

Сейчас я, волею Божией, стою здесь перед вами. Три месяца назад я был пленником в коммунистической Румынии и меня вместе с моей семьёй гнали и преследовали агенты тайной полиции, следили за каждым нашим шагом, а моё единственное преступление состояло в том, что я проповедовал Слово Божие в церкви, в которой я служил священником. А два года назад я мучился в тюрьмах Румынии и те же агенты стремились убить меня. Агентов было много, а я был один и беззащитен. У них была сила, а у меня была вера. И несмотря на то, что у них было многое, ничего у них не было, ибо не было у них веры в Бога. У меня была любовь и поддержка всего христианского мира через молитву Иисусу Христу, а у них была одна ненависть. В этом духовном противостоянии побеждены были они, хотя у них была материальная сила.

В 1981 году, когда я находился в тюремной боль-

нице Жилавы, один из стражников бросился на меня, когда я, молясь, творил крестное знамение. Он пытался удержать мои руки, бил по ним, но эта жестокость оказалась тщетной: преодолевая боль, я заставил их двигаться и они сотворили крестное знамение.

Я слышал, что когда сведения об этом достигли людей в свободном мире, то некоторые даже здесь в Вашингтоне стали творить знак креста из солидарности со мной. И это делали даже протестанты и атеисты. Разве это не замечательно!? Я благодарю их за это участие.

Я знаю теперь и знал это тогда, что в то время, когда я молился в моей камере, во всём мире во всякое время суток молились миллионы людей, и эта общая непрерывная молитва возносилась к Господу за меня. Поэтому я не был в одиночестве. Я был в Церкви, я пребывал в мистическом теле Христовом, в котором мы все находимся.

Прошло три месяца с тех пор, как меня заставили покинуть мою родину. Там я оставил шестьдесят лет моей жизни и всё, что составляет суть меня самого: добрые дела и ошибки, падения и взлёты, друзей и врагов, и, прежде всего, огромную чашу страданий, дорогих моему сердцу, потому что это были страдания за Христа. В Румынии как для верующей христианской молодёжи, так и для не-христиан я был символом страдания за Христа, символом ненасильственного сопротивления звериной коммунистической идеологии, которая растлевает молодые неопытные души. Остаться и, возможно, умереть мученической смертью, возможно, было бы лучше для дела Христа, но в Его божественный план не входило дать мне умереть там. Он привёл меня сюда и Его предначертания раскрываются мне одно за другим.

Когда рассказываешь об этих страданиях, они

приобретают налёт неправдоподобия и надуманности. Но когда я жил в этом страдании, когда меня окружали каменные стены и злобные лица моих тюремщиков – единственные лица, виденные мной в это время, когда казалось, что весь мир состоит исключительно из палачей и их жертв, не была ли Божия защита более прочной, чем теперь, когда я нахожусь на свободе?

Всё было накалено: и вера и боль. Моя чувствительность была так обострена, что не только удары и словесные оскорбления причиняли мне страдания, но и мысли моих мучителей.

На продолжении ста дней начальство тюрьмы Аюд пыталось уморить меня голодом, холодом и побоями. Это началось как раз во время поездки по Европе главаря коммунистической партии Румынии Николае Чаушеску. Президенты, короли, королевые стран Европы наперебой устраивали весёлые праздники и банкеты, но с их столов не падало ни крошки Бедному Лазарю.

Триумфальное шествие Чаушеску по Европе убеждало его сатрапов в том, что он очень ценен как для свободного мира, так и для Румынии и что те, кто не приемлет его решений, должны быть уничтожены. А я и был один из тех людей, подлежащих уничтожению. Убийство началось двадцатого июля и кончилось первого ноября 1980 г. На десять дней я был брошен в карцер без окна и воздуха. На мне была рваная куртка и пара рваных штанов со срезанными пуговицами и без ремня. Пищу я получал только через два дня на третий. Ночью из стены выдвигалась деревянная доска и я мог лежать на ней шесть часов. Остальные восемнадцать часов я проводил на цементном полу карцера. Через десять дней они вернули меня в мою камеру на два дня, а затем бросили в

карцер ещё на десять дней. Эта пытка продолжалась более ста дней.

Исчадьё ада, тюремщик, приставленный ко мне, был секретарём партийной организации тюремного персонала. Отравленный до мозга костей коммунистической пропагандой он оскорблял меня такими грязными ругательствами, что мне было бы легче быть избитым, чем слышать их. Для него не было ничего святого. В своих оскорблениях он не щадил никого: ни меня, ни мою жену, ни сына, ни моего сана, ни даже Бога.

Два раза в день меня выпускали из моего каменного мешка отнести парашу в уборную. Не было пытки хуже, чем эти выходы. Меня оскорбляли, били, толкали. Содержимое параша расплёскивалось и меня заставляли убирать всё с цементного пола голыми руками.

И Бог закрыл рот этому человеку, подобно тому как это произошло с Даниилом.

Во всё время моего заключения я всегда в воскресенье и святые праздники совершал Божественную Литургию.

Сначала охранники били и оскорбляли меня, чтобы заставить меня отказаться от служения. Но я не сдавался и, наконец, они оставили меня в покое, говоря, что я сошёл с ума. Но о моём безумии сказал апостол Павел: «Слово о кресте для погибающих юродство есть, а для нас, спасаемых, – сила Божия».

Однажды в воскресенье, которое пришлось на день, когда мне не давали никакой пищи, я не мог служить Литургию, так как у меня не было хлеба. В православной Литургии хлеб необходим: во время Евхаристического Канона Святой Дух снисходит и превращает хлеб и вино незримым, но реальным образом в Тело и Кровь Господни. С этого мгновения

мы относимся к Святым Дарам со стархом, любовью и благоговением как к присутствию Спасителя. В тюрьме нет вина, но есть хлеб и по принципу церковной «икономии» возможно совершить службу.

В это утро я молился, прося Господа помочь мне преодолеть скорбь, которую я чувствовал от невозможности совершить Литургию. И вдруг у меня возникла упорная мысль: попросить хлеба у тюремщика.

Дежурил этот самый злобный тюремщик и я знал, что моя просьба только разозлит его и он начнёт оскорблять меня и разрушит то спокойствие, которое я старался соблюсти в этот день. Но мысль эта крепла во мне и я, как бы движимый мощной силой, подошёл к двери и постучал. Через несколько минут дверь распахнулась и разъярённый тюремщик спросил меня, чего я хочу. Я попросил у него крохотный кусочек хлеба для совершения Литургии.

Моя просьба казалась ему такой нелепой и неожиданной, что от удивления у него буквально отвисла нижняя челюсть. Он с грохотом закрыл дверь и ушёл. У него многие заключённые просили хлеба, но впервые – для совершения Святой Литургии.

Я был очень расстроен и жалел, что обратился к нему с просьбой.

Минут через двадцать дверь тихонько приоткрылась и тот же тюремщик дал мне целый дневной рацион хлеба – кусок весом в сто двадцать грамм. Он закрыл дверь также тихо, как и открыл. И если бы у меня в руке не остался кусок хлеба, я подумал бы, что всё это мне привиделось.

Никогда больше не доводилось мне испытывать такого глубокого чувства, как то, которое я испытал во время этой Литургии. Служба длилась два часа и охранник не беспокоил и не оскорблял меня, как это бывало раньше. И всё карцерное отделение затихло.

Затем, когда я кончил Литургию, а камера, казалось, была ещё наполнена звуками молитв, дверь опять отворилась и голос прошептал:

«Отец, не говорите никому, что я дал вам хлеб. Если об этом узнают, то я погиб».

«Кому я буду рассказывать об этом, гражданин начальник? Вы были как ангел, посланный с неба. Вы внесли в мою камеру Тело Христово, потому что хлеб, который вы мне дали превратился в Его Тело. То, что вы для меня сделали, записано в вечности».

Он ничего не сказал и медленно закрыл дверь, глядя на меня, пока дверь не закрылась. После этого дня он никогда не оскорблял меня и во время его дежурств я всегда имел полный покой.

Я рассказал о двойственном характере моего пребывания в карцере – страдании и блаженном покое – чтобы подчеркнуть одну мысль: Бог незримо вносит некое равновесие в нашу жизнь и мы никогда не гибнем от испытаний в этом мире, если Он с нами.

Среди океана страданий мы внезапно видим остров, дающий нам радость спасения и отдых.

Томас Эллиот писал: «В прошлом люди оставили Бога, чтобы искать других богов. Теперь, люди отворачиваются от Бога, чтобы найти безбожие». Но мы теперь помогаем людям вернуться к Богу и происходит это явственнее всего в странах, где вера преследуется. Сейчас преследования религии в коммунистических странах приводит к появлению новых и новых мучеников за веру. Я с моими друзьями попытался составить список священников, которые умерли в тюрьмах, концлагерях или в ссылках в Румынии. Список не полон, но нам удалось установить имена сорока шести священников и семнадцати епископов и митрополитов, убитых в Румынии за тридцать восемь лет коммунистической диктатуры.

Невозможно назвать точное число замученных коммунистами священников, пока в стране не будет объективной и открытой статистики. Сейчас её не существует, так как коммунисты тщательно скрывают свои преступления. Тех, кто осмеливается собирать данные об этих преступлениях, они либо арестовывают, либо убивают.

Но, может быть, в этих странах, через эти мученические смерти, подымется новая волна веры в Бога, новое религиозное возрождение, хотя может быть, и, скромное по своему внешнему оформлению, без триумфального грома американских телеевангелистов.

Гонимые и часто прячущиеся в катакомбах нашей Церкви, мы понимаем христианство следующим образом: продолжай молиться, продолжай изучать священное писание, совершай Евхаристию и неизменно исповедуй Иисуса Христа. Если сильные мира сего приказывают тебе замолчать, то знай, что у тебя есть Господь, Который сказал: «Итак, идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа, уча их соблюдать всё, что Я повелел вам; и се Я с вами во все дни до скончания века» (Матв. 28, 19-20).

Рушились царства, исчезали с лица земли целые цивилизации, наука противоречила самой себе, но Церковь Христова оставалась и, когда казалось, что её разрушили и победили, она, укреплённая кровью мучеников, поднималась в ещё большем великолепии, чем раньше.

Если мир гонит нас. Христос утешает. Если земная власть убивает нас – Христос даёт нам терновый венец мученика. Если цари бросают нас в львиные рвы – Сын Божий закрывает пасть лвам. Если мы грустим – нас утешает Иисус Христос. Мы не одни,

мы не покинуты.

Велика боль, но велико и Божье милосердие. Никогда ещё не дал Бог человеку большего испытания, чем тот мог вынести.

На Пасхальной службе в 1978 г. я обратился к молодёжи, пришедшей в церковь. Я прочёл ряд проповедей под названием «Семь слов к молодёжи». В результате, церковные иерархи, действуя по приказу верховного тирана Николае Чаушеску, изгнали меня из церкви и передали в руки секретной полиции. Я был испуган перспективой заключения и, может быть, смерти в темнице.

Я пошёл к моей сестре, которой было тогда около семидесяти лет, простой женщине, которая всегда черпала свою мудрость из недр народной души, и рассказал ей о своих страхах. И она ответила: «Братец, я расскажу тебе одну историю, которую рассказывают у нас в деревнях. Ты образованный человек, ты поймёшь её смысл.

Когда Бог создал мир, он создал также и скорбь, и страдание, и несчастья. И Он положил всё это на большой камень и камень разломился под их тяжестью. Он положил их на большое дерево и дерево засохло. Он положил всё это на человека и человек поднял всё и понёс. И также ты, братец, выдержишь эти страдания».

Я выдержал.

О ВОЗМОЖНОСТИ ВОССТАНОВЛЕНИЯ МОНАРХИИ В РОССИИ*

Приступая к такой сложной теме как возможность восстановления монархии в России, следует сразу же попытаться установить – о чем, собственно, идет речь, а также дать определения некоторым используемым терминам. Последнее просто необходимо из-за того, что люди 20-го века уподобляются, в смысле языка, строителям вавилонской башни – многие термины совершенно потеряли свой смысл или же понимаются разными людьми по-разному.

Итак, начнем с «восстановления». Под этим выражением я не имею ввиду поиски какого-нибудь человека с хотя бы каплей крови последней царствовавшей в России династии, и «восстановления» монархии путем возведения его на престол. Под выражением «восстановление» имеется ввиду восстановление **русской православной монархии**, как института.

Под термином «русская православная монархия» здесь будет подразумеваться монархия, существовавшая до Петра I. После отрицания Петром I-м верховного значения Церкви в государственных делах, идея **русской православной монархии** была подорвана. На ее месте начал создаваться какой-то гибрид с полу-

---

* *Статьей П.Н. Будзиловича журнал «Русское Возрождение» начинает обсуждение вопроса о судьбах нашей Родины, в прошлом и в будущем.*

русским содержанием и псевдозападной формой. Для законности русские императоры и императрицы продолжали короноваться на царство в церкви. Делалось это с большой примесью формальности. Народу понадобилось два века, чтобы «просветиться» до такой степени, чтобы столь равнодушно отнестись к убийству помазанника Божия.

По идее русской монархии, только Бог является источником власти монарха! Эта мысль была с предельной четкостью сформулирована Иоанном Грозным в одном из его писем князю Курбскому, сбежавшему в Литву и оттуда, с безопасного расстояния, затеявшего свой диспут: «Ваше дело холопы повиноваться, а я – пишет Царь – за вас отвечу перед Богом!» Другими словами, русская монархия в идеальной форме является **диктатурой совести**: у монарха власть ограничена «только лишь» его собственной совестью. Совершенно очевидно, что такая монархия может успешно существовать **только тогда**, когда и монарх, и подавляющее большинство его подданных **искренно** верят в то, что это именно так. Также совершенно очевидно, что при такой монархии модная идея «отделения Церкви от государства» просто-напросто не могла бы даже возникнуть. В самом деле, ведь суть христианства в том, что верующий христианин **должен жить по-христиански**, а не ограничивать свое участие в церковной жизни отстаиванием (хотя бы и частым) определенных церковных служб. Отделяя же Церковь от государства, мы как бы создаем какую-то сферу деятельности, где христианские законы теряют свою силу и где мы можем действовать по каким-то другим, «человеческим» законам. Хотя вся идея отделения Церкви от государства явно атеистическая, в наш «просвещенный» век даже некоторые представители церковной иерархии принимают

ее как непреложный закон бытия. Все это, конечно, признаки внутреннего неверия в существование Бога и в прямое участие Божие в мирских делах.

Если мы согласимся, что русская православная монархия может существовать только тогда, когда и монарх и его подданные будут истинно верующими христианами, то проблема восстановления монархии в России становится проблемой восстановления христианства. Сразу же оговорюсь, сказав, что проблема восстановления христианства также актуальна и среди русских, проживающих за рубежом. Люди, представляющие себе восстановление монархии как свержение коммунизма и прикрепление этикетки «монархия» к образовавшемуся после этого свержения обществу, просто-напросто не допонимают исторических основ русской монархии, или же путают идею русской монархии с идеей русской империи. Восстановить империю, кстати, будет еще трудней, чем монархию. В то время, как монархия является почти натуральной формой правления с точки зрения верующего христианина, империя не может претендовать на такую же приемлемость. Именно поэтому православие для советской власти было, есть и будет основным идеологическим врагом.

Об основах власти русской монархии

По почину Петра I русская религиозно-философская мысль потеряла всякое влияние на русское государственное устройство. Преемники Петра возвели раболепство перед западными (атеистическими) мыслителями почти в культ. Таким образом, в 19-м веке русская религиозно-философская мысль мало изучалась, мысль не только мало изучалась, но об ее существовании подавляющее большинство русских об-

разованных людей просто и не подозревало. Мало кто, например, из русской интеллигенции конца 19 начала 20 века слышал об учении св. Серафима Саровского. А ведь оно по своей глубине и универсальности никак не уступает западной философской мысли. Правда, с важной разницей: в его трудах все базируется на вере, а не на неверии (или же «вере» в силу человеческого разума). Или кто (уже в 20-м столетии) серьезно относился к трудам Льва Тихомирова (после его прозрения и «измены» революционерам, и перехода в лагерь «мракобесов»)? А ведь Тихомиров, безусловно, был одним из крупных русских мыслителей, давших наиболее ясное объяснение принципам русской монархии, пользуясь понятиями и языком нашего времени (граница 19-20 столетий).* Л.Н. Толстой, основоположник своей собственной «религии», увлекался западными и восточными учениями, **но не хотел и знать** о святоотеческой литературе. Так, М.В. Лодыженский в своей книге «Свет Незримый», описывая случай кратковременного знакомства с Толстым, пишет:

«Толстой не знал нашей святоотеческой литературы, не имел, например, понятия, что была за книга 'Добротолубие', что за философы были св. Исаак Сириянин, св. Ефрем Сириянин, св. Авва Дорофей и другие... Он до того не хотел знать всего этого, что предвзято отворачивался без дальнейших разговоров, от всякого, кто серьезно интересовался православным подвижничеством. Так, когда мне пришлось в разговоре с ним сообщить, что я работаю над исследова-

---

* Лев Александрович Тихомиров, «Монархическая государственность», 1905 год. Переиздано: Издательство «Русское Слово», Буэнос-Айрес, 1968 г.

нием их жизни, он, не задумываясь, с оттенком полного пренебрежения, сказал мне: 'А меня так это совсем не интересует' и сейчас же перевел разговор на другую тему».*

Анализируя поведение большинства русских царей и цариц после-Петровского периода, невольно приходит мысль, что и они тоже не уясняли себе истинную роль **русского православного монаха**. Так, с легкой руки Петра I, русское духовенство зачастую подвергалось гонению, а в остальное время, вплоть до революции 1917 г. – играло роль скорее обрядовую, чем роль духовного воспитателя и хранителя духовных ценностей. Неудивительно, что, в то время как русское духовенство сыграло решительную роль в освобождении от татарского ига, а позже – в спасении страны от полного упадка в Смутное время, в 1917 г. оно такой роли не играло. Революция, будучи делом государственным, не касалась Церкви согласно «славному» принципу отделения Церкви от государства, принявшему к этому времени значение нерушимого закона.

Поэтому трудно найти какие-либо серьезные положительные труды об основах русской православной монархии, которые были бы написаны в течение последних двух столетий. Модным и охотно приемлемым «прогрессивной частью» русского общества стало порицание монархии вообще, и русской в особенности. За редкими исключениями, русские мыслящие люди искали ответов на Западе. Подавляющая часть русской публицистики конца 19-го – начала

---

* М.В. Лодыженский, «Свет Незримый». Фотокопическое переиздание 1971 г. со 2. издание 2 тома «Мистическая трилогия», Петроград, 1915 г., стр. 237.

20-го века отражает увлечение западными (при этом – социалистическими) идеями и отречение от всего русского, а особенно – от идеи русской православной монархии.

Одним из теоретиков идеи русской православной монархии до-Петровского периода, несомненно, является царь Иван Грозный, чьи толкования идеи русской монархии были ясно выражены в его многочисленных письмах.* Особенно ярко и четко его идеи выражены в его знаменитой переписке с князем Курбским. Следует отметить, что исключительные способности Ивана Грозного как государственного мыслителя и деятеля почти не отмечаются ни на Западе, ни среди русских официальных историков. Имя Ивана Грозного вызывает автоматический рефлекс: взору представляется полусумасшедший, больной манией преследования шизофреник, проводящий все свое время в застенках, упиваясь зрелищем пыток и истязаний.

---

* *ОТ РЕДАКЦИИ.* На эту же тему интересна нижеследующая современная заметка:

Среди политиков и историков до сих пор идут страстные споры о Грозном, то и дело менявшем маску государя на маску юродивого.

Подчеркивая, что сочинения царя Ивана Васильевича Грозного открывают «необыкновенно интересную творческую личность», Д. Лихачев добавляет: «Личность в своем роде единственную и ни на кого не похожую, экспрессивную и все-таки загадочную, как бы выступающую из теней и полутеней, подобно лицам стариков на картинах Рембрандта».

Грозный, бесспорно, был своеобразным писателем с отточенной, как стрела, мыслью и со своим, строго индивидуальным стилем. Он мог одинаково действовать и на разум и на сердце.

Грозный был широко образованным человеком, особенно в области родной и мировой истории, богословия и географии: «в словесной премудрости ритор, естествословен и смышлением бы-

«Государственное управление, по Грозному (по переписке с Курбским – П.Б.) должно представлять собою стройную **систему** (здесь и далее – выделено мной – П.Б.).** Представитель аристократического начала, князь Курбский, упирает преимущественно на личные доблести ‘лучших людей сильных во Из-

---

строумен... в мудрости никем побежден быть» («Временник» Ив. Тимофеева).

В своих произведениях, написанных неизменно с государственной, деловой, дипломатической целью, царь Иван Васильевич пользовался самыми различными стилистическими приемами и способами.

Так, например, в послании в Кирилло-Белозерский монастырь ученая речь, переполненная цитатами из богословских книг, переходит в страстные политические обвинения реакционных бояр, укrywшихся в этом монастыре, а попутно облачается и острой иронией по поводу тех или иных сторон монашеского быта. В письме как бы нерасторжимо соседствуют грешный иннок и властитель.

В заостренно-страстной личности Грозного самым причудливым образом сочетались крайняя жестокость и сознание своего «окаянства», великодержавная гордыня и притворное, выставленное напоказ «смирение», патетическая религиозность и хмельное буйство, реалистическая суровость деяний и романтическая мечтательность.

Многое в Грозном, политике и человеке, притушено временем, многое еще лежит на весах истории, но Грозный-литератор прочно, органически, будто дерево в землю врос в литературу как смелый новатор, как мастер языка, то гневный, то лирически приподнятый, как мастер «кусательного» стиля... пренебрегавший многими литературными традициями ради единой цели: убедить и высмеять своего противника.

(Д. Лихачев.)

** Нижеследующее изложение, большей частью буквальными цитатами, составлено преимущественно по статье Л. Тихомирова, напечатанной в журнале «Русское Обозрение».

раиле' (не тоже ли мы слышим в требованиях конституции 300 лет позже?). Иоанн относится к этому, как к проявлению политической незрелости, и старается объяснить князю, что личные доблести не помогут, если нет правильного 'строения', если в государстве власти и учреждения не будут расположены в надлежащем порядке. 'Как дерево не может цвести, если корни засыхают, так и это: аще не прежде **строения благая** в царстве будут, то и храбрость не проявится на войне. Ты же, – говорит Царь, – не обращая внимания на строения, прославляешь только доблести'».

«На чем же, на какой общей идее, воздвигается это необходимое 'строение', 'конституция' христианского царства? Иоанн, в пояснение, вспоминает об ереси манихейской: 'Они развратно учили, быдто бы Христос обладает лишь небом, а землю **самостоятельно** управляют люди, а преисподними – диавол'. Я же, – говорит Царь, – верую, что всеми обладает Христос: небесным, земным и преисподним и 'вся на небеси, на земли и преисподней **состоит Его хотением**, советом Отчим и благоволением Святого Духа'. Эта Высшая Власть налагает Свою волю и на государственное 'строение', устанавливает и царскую власть».

Ересь манихейская, кстати, и есть тот самый принцип отделения Церкви от государства, за который ратовали «западники» в России (читай: подавляющее большинство интеллигенции* конца 19 – начала 20 века).

---

* *ОТ РЕДАКЦИИ:* «Ни Пушкин, ни Гоголь, ни Достоевский, ни ученые Павлов, Менделеев и другие не были интеллигентами, не были интеллигентами ни Суворов, ни Кутузов, ни Ушаков и им

«Права Верховной Власти, в понятиях Грозного, определяются христианской идеей **подчинения** подданных. Этим дается и широта власти, в этом же и ее пределы (ибо **пределы** есть и для Грозного). Но в указанных границах безусловное повиновение Царю, как обязанность, предписанная верой, входит в круг **благочестия** христианского. Если Царь поступает жестоко или даже несправедливо, – это его грех. Но это не увольняет подданных от обязанности повиновения. Если даже Курбский и прав, порицая Иоанна, как **человека**, то от этого еще не получает права не повиноваться божественному закону: ‘Не мни, праведно на человека възъярився, Богу приразиться: ино бы человекское есть, аще и порфиру носить, ино же божественное’. Поэтому Курбский своим поступком свою ‘душу погубил’. ‘Если ты праведен и благочестив, говорит Царь, то почему же ты не захотел от меня, строптивного владыки, пострадать и наследовать венец жизни?’ Зачем, ‘не поревновал еси благочестия’ раба твоего, Васьки Шибанова, который предпочел погибнуть в муках за господина своего?

С этой точки зрения, порицание поступков Иоанна на основании народного права других стран (указываемых Курбским) – не имеет, по возражению Царя, никакого значения. ‘О безбожных человецех что и глаголати! Понеже тии все царствия своими **не владеют**: как им повелят подданные (‘работные’), так и поступают. А российские самодержавцы изна-

---

подобные. Интеллигентами были Михайловские. Белинские. Чернышевские. Добролюбовы и им подобные, которые не создавали Россию, а разрушали ее.

Ермак Тимофеевич и его дружина, землепроходцы, монахи были – ‘лапти’, а они вложили большой вклад в создание России».

М.А. Серебряков

чала сами владеют всеми царствами (то-есть всеми частями царской власти), а не бояре и вельможе’.

Противоположение нашего принципа Верховной Власти и европейского вообще неоднократно заметно у Иоанна и помимо полемики с Курбским. . . . Он ясно понимает, что представляет в себе **иной и высший** принцип. ‘Если бы у вас, говорит он шведскому королю, было **совершенное королевство**, то отцу твоему архиепископ и советники и вся земля в товарищах не были бы’. Он ядовито замечает, что шведский король – ‘точно староста в волости’, показывая полное понимание, что этот ‘не совершенный’ король представляет в сущности **демократическое** начало. Так и у нас, говорит Царь, ‘наместники новгородские – люди великие’, но все-таки ‘холоп государю не брат’, а потому шведский король должен бы сноситься не с государем, а с наместниками. Такие же комплименты Грозный делает и Стефану Баторию, замечая послам: ‘Государю вашему Стефану в **равном братстве** с нами быть не пригоже’. В самую даже крутую для себя минуту Иоанн гордо выставляет Стефану превосходство своего **принципа**: ‘Мы, смиренный Иоанн, царь и великий князь всея Руси, **по Божьему изволению, а не по многмятежному человеческому хотению**’. Как мы видели выше представители власти европейских соседей для Иоанна суть представители идеи ‘безбожной’, то есть руководимой не божественными повелениями, а теми человеческими соображениями, которые побуждают крестьян выбирать старосту в волости.

Вся суть царской власти, наоборот, в том, что она не есть избранная, не представляет власти **народной**, а нечто высшее, признаваемое над собой народом, если он ‘не безбожен’. Иоанн напоминает Курбскому, что ‘Богом цари царствуют и сильные пишут правду’.

На упрек Курбского, что он 'погубил сильных во Израиле', Иоанн объясняет ему, что сильные во Израиле – совсем не там, где полагает их представитель аристократического начала 'лучших людей'. 'Земля, говорит Иоанн, правится Божиим милосердием, и Пречистыя Богородицы милостью и всех святых молитвами и родителей наших благословением, и последи нами, государями своими, а не судьями и воеводами и еже ипаты и стратиги'.

Не от народа, а от **Божией милости к народу** идет стало быть, царское самодержавие. Иоанн так и объясняет: '... Самодержавие Божиим изволением' ... началось от Владимира Святого, Владимира Мономаха и т.д. и через ряд государей, говорит он, 'даже дойде и до нас смиренных скипетродержавие Русского Царства'. ...

Царская власть дана для поощрения добрых и кары злых. Поэтому царь не может отличаться только одной кротостью. 'Овых милуйте рассуждающе, овых **страхом** спасайте', говорит Грозный. 'Всегда царям подобает быть обозрительными: овогда кротчайшим, овогда же **ярым**; ко благим убо милость и кротость, ко злым же ярость и мучение: **аще ли сего не имеет – несть царь!**' Обязанности царя нельзя мерить меркой частного человека. 'Иное дело свою душу спасать, иное же о многих душах и телесах пешися'. Нужно различать **условия**. Жизнь для личного спасения – это 'постническое житие', когда человек ни о чем материальном не заботится и может быть кроток, как агнец. Но в **общественной жизни** это уже невозможно. Даже и святители, по монашескому чину лично отрекшиеся от мира, для других обязаны иметь 'строение, попечение и наказание'. Но святительское запрещение – по преимуществу – нравственное. 'Царское же управление (требует) страха.

запрещения и обуздания, и конечного запрещения', в виду 'безумия злейшего человеков лукавых'. Царь сам наказуется от Бога, если его 'несмотрением' происходит зло.

В этом смотреии он безусловно самостоятелен. 'А жаловать есми своих холопей **вольны** а и казнить их **вольны же есмя**'. . . .

Власть столь важная должна быть **едина и неограничена**. Владение многих подобно 'женскому безумию'. Если управляемые будут не под единою властью, то хотя бы они в отдельности были храбры и разумны, – общее правление окажется 'подобно женскому безумию'. Царская власть не может быть ограничиваема даже и святительскою. . . .

Еще более вредно ограничение царской власти аристократией. Царь по личному опыту обрисовывает бедствия, нестроения и мятежи, порождаемые боярским самовластием. Расхитив царскую казну, самовластники, говорит он, набросились и на народ: 'Горчайшим мучением имения в селах живущих пограбили'. . . .

Положить предел этому хищничеству может лишь самодержавие. Однако же эта неограниченная **политическая** власть имеет, как мы выше заметили, пределы. Она ограничивается своим собственным принципом. . . .

Ответственность царя – перед Богом, **нравственная**, впрочем для **верующего вполне реальная**, ибо Божья сила и наказание сильнее царского. На земле же, перед подданными, царь не дает ответа. 'Доселе русские владетели не допрашиваемы были . . . ни от кого, но вольны были своих подвластных жаловать и казнить, а не судились с ними ни перед кем'. Но **перед Богом** суд всем доступен. 'Судиться же приводиши Христа Бога между мною и тобою, и **аз убо сего**

судилища не отмечаюсь'. Напротив, этот суд над царем тяготеет больше, чем над кем-либо. 'Верую, – говорит Иоанн, – яко о всех своих согрешениях, вольных и невольных, **суд прияти ми яко рабу**, и не токмо о своих, но и о подвластных мне дать ответ, **аще моим несмотрением согрешаю**'».

Условия восстановления русской монархии.

Таким образом, восстановление монархии требует восстановления истинного христианского мировоззрения, т.е. совершенно реального ощущения промысла Божьего в земных делах. Само собою разумеется, что никакого разговора об отделении Церкви от государства здесь и быть не может. Наоборот, именно Церковь должна следить за тем, чтобы нравственные устои постоянно поддерживались и соблюдались. Именно Церковь должна заниматься воспитанием граждан. И именно Церковь должна быть верховным нравственным авторитетом во всех вопросах.

Поэтому вопроса о восстановлении монархии, строго говоря, нет. Есть вопрос о восстановлении православия в будущей России. Для истинно верующего христианина монархическая форма правления является само собою разумеющейся. Религиозное мирозерцание нации порождает инстинктивное стремление к истинно монархической власти, и тот же инстинкт подсказывает, в общих чертах, многие необходимые для монархического строения истины. Согласно высказываниям Иоанна Грозного, повиновение православному царю является частью христианского благочестия.

О возможности и **потребности** восстановления православия в России двух мнений быть не может. В настоящий момент, даже с точки зрения чисто ути-

литарной, становится ясно, что одна религия способна давать нации всеобъемлющий идеал, в котором освещаются все стороны ее жизни. Попытки заменить религию всевозможными философскими суррогатами привели человечество в атомный тупик, выход из которого, несмотря на сладкие слова в ООН, с каждым годом теряется все больше и больше.

Происходит это, по-видимому, потому, что только религия ставит высшую Божественную Личность превыше всего в природе и, таким образом, в нашей человеческой жизни сохраняет высшее место для начала нравственного, личного. Только при свете религии человек, при всем своем подчинении материальным и социальным условиям, сохраняет сознание верховного значения своей личности, а поэтому переносит такое же понятие верховности на идеалы нравственные. Для **верующего** понятно, что только реальная связь с Божеством способна дать силу жить нравственным идеалом. Как бы то ни было, в исторической действительности всеобъемлющий идеал, способный объединять все цели, все стороны жизни на почве нравственной, человечество находило именно в **религии**. Те или иные религиозные концепции, точно так же, как те или иные нестроения религиозного сознания, могущественно влияют на общественную и политическую жизнь (несмотря на все попытки «отделить» Церковь от государства!).

Отсюда ясно, что наиболее твердую почву для монахии дает именно христианство.

В самом деле, власть монарха возможна лишь при народном признании. Но будучи связана с **Высшей** Силой, она является представительницей не народа, а той Высшей Силы, из Которой вытекает нравственный идеал. Признавать верховное господство этого идеала нация может лишь тогда,

когда верит в его **абсолютное** значение, а, стало быть, возводит его к абсолютному личному началу, т.е. Божеству. Истекая из человеческих сфер, идеал не был бы абсолютен; проистекая не из личного источника, – не мог бы быть нравственным. Таким образом, подчиняя свою жизнь нравственному идеалу, нация, собственно желает себя подчинить Божественному руководству, ищет верховной власти **Божественной**.

Это и есть то **необходимое условие**, при котором единоличная власть способна перерастать значение уполномоченной и становиться верховной, уполномоченной от Божества, а поэтому не только совершенно независимой от людей, но выше всякой человеческой власти. Римский цезаризм чувствовал это, когда старался приписывать императорам **личную** божественность (Александр Македонский усиленно распространял слухи о своем божественном происхождении), но в действительную монархию империя смогла превратиться только с победой христианства, в империи Византийской.

Вообще, только христианство, открывающее истинные цели жизни, природу человека и действие Божественного Промысла, создает надлежащие условия для развития монархического начала власти во всей его глубине. **Уклонения** от истинно христианского начала в римском католицизме, протестантизме и после-Петровской Руси дают образчики уже более или менее извращенного типа монархии, вплоть до их полного искажения.

Именно уже значительно потускневшее религиозное сознание дало место и той теории абсолютизма, по которой народ будто бы **отрекается** от своей власти в пользу монарха. В действительности это идея не монархии, а **цезаризма**, вечной диктатуры.

т.е. в основе идея демократическая. По идее монархической, – народ вовсе ни от чего **своего** не отказывается, а лишь проникнут сознанием, что **верховная** власть по существу принадлежит не ему, а той Высшей Силе, которая указывает цели жизни человеческой. Народу не от чего отказываться: он просто признает власть Бога, и тот факт, что в государственных отношениях она вручается монарху не народом, а Божественной волей. При таком понимании власть монарха не есть народная, не из народной власти истекает и не народную волю призвана выражать. Но, с другой стороны, эта власть существует не для самой себя, как это может случиться при абсолютизме, но для народа, для исполнения **миссии**, свыше указанной. Таким образом монархическая власть составляет **служение**, а не привилегию («Эх, тяжела ты, шапка Мономаха!»).

Настоящая монархия этой своей отвлеченностью от народной власти и народной воли, и в то же время своей подчиненностью народной вере, народному духу, народному идеалу, именно и приобретает способность быть властью **верховой**.

В заключение хотелось бы сказать, что в данной статье вопроса о «целесообразности» монархического строя для России я не поднимаю. Из всего вышесказанного должна быть понята моя точка зрения: для истинно верующего христианина **принятие православной монархии** является долгом благочестия. Для неверующего же приводить какие-то **несуществующие** доводы излишне.

**ДЕЯТЕЛИ РУССКОГО ДУХОВНОГО
ВОЗРОЖДЕНИЯ ПРОШЛОГО:
АРХИМАНДРИТ АНТОНИН КАПУСТИН,
НАЧАЛЬНИК РУССКОЙ ДУХОВНОЙ МИССИИ
В ПАЛЕСТИНЕ.**

Отец Антонин был потомком старого священнического рода и уроженцем далекого русского севера. Родился он 12-го августа 1817-го года, во крещении наречен Андреем – и был вторым ребенком в семье состоящей из 13-ти детей. Детство Андрея Капустина прошло в селе Батурином, Пермской губернии, где он учился и воспитывался на примерах христианского благочестия, скромности, послушания и богослужебного быта: Часослов и Псалтырь под руководством отца, первые примеры духовного назидания от матери и няни, деревенские игры и забавы, чтение и пение на клиросе, словом, крепкая связь с духовным бытом и богослужебной красотой.

Андрей Капустин учился в приходской школе, и в духовном училище, где, благодаря этой школе и своему дальнейшему образованию в семинарии и в академии, он овладел в совершенстве ивритом, греческим, латынью и даже знал татарский. На Востоке прекрасно изучил и свободно владел новогреческим и, конечно, двумя европейскими языками, – французским и немецким. Знал, хотя в совершенстве ими и не владел – турецкий и арабский языки.

По окончании Киевской Духовной Академии в

1843-ем году, о. Антонин был оставлен при ней в качестве преподавателя.

Следует отметить, что за время его профессорства в Киевской Духовной Академии, его учениками были будущий митрополит Макарий Булгаков, известный историк Церкви и догматист, и епископ Феофан Говоров, впоследствии известный Вышенский Затворник, знаток аскетической литературы, толкователь Священного Писания и выдающийся богослов.

С 1850-го года жизнь о. Антонина решительно обращается к Востоку. С этого года и до самой смерти своей он живет и работает сначала в Афинах, где он 10 лет пробыл настоятелем в русской посольской церкви, а затем в Константинополе и Иерусалиме. Первые годы этого второго периода его жизни ознаменованы большими археологическими открытиями в области византийского Востока. Архимандрит Антонин восстанавливает из развалин древнюю афинскую церковь «Ликодима» (ставшую с того времени русской посольской церковью), находит в ней древние христианские погребальные надписи и публикует их в 1874-ом году. Это очень важный эпиграфический труд, открывший для западного мира, равно как и для самих греков, неоценимые археологические сокровища. Вместе с этими раскопками, о. Антонин производит изыскания и в других афинских церквях. Благодаря этим открытиям, многое из истории христианских Афин стало доступно ученому миру.

Пять следующих лет о. Антонин проводит на должности настоятеля русской посольской церкви в Константинополе, что также обогащает его научный кругозор.

Годы жизни на Востоке были для архимандрита Антонина не только годами научной работы. Он в эти годы наблюдал и изучал церковный быт Востока.

По сравнению с восточным православием русское Православие было самым молодым и русская церковная жизнь пошла иным путем, чем церковная жизнь на Востоке. Православные греки и славяне, пережившие 500-летнее турецкое иго, в своем быту сохранили глубокие древние и подлинно христианские корни и строго были связаны с каноническим строем древности. Россия же, сбросившая с себя татарское иго приблизительно тогда, когда Восток подпал под турецкое иго, жившая более свободно, все же, во многом изменила то, что было завещано крестившей ее Византией. Особенности русского быта во многом отличались от корней, которыми питался православный Восток. Синодальный строй придал русской церковной жизни иную окраску. Молодой и любознательный отец Антонин, прекрасно уже знавший, и теоретически, и практически эту восточную церковную стихию, не мог не удивляться многому, что отличало русских от греков. Многие русскими забытое, было еще живо и действенно на греческом Востоке. Особенности богослужения, канонического строя, отношение государственной власти к Церкви, гораздо более суровые, чем отношения русской императорской власти – все это бросалось ему в глаза, составляло призадуматься, сравнить и желать некоторых изменений и поправок в родном ему церковном быту. Архимандрит Антонин эти свои наблюдения неоднократно посылал Синоду в Санкт-Петербург, а также митрополиту Филарету Московскому. На Востоке отец Антонин, как он сам писал, почувствовал себя «на родине своих убеждений» и полюбил Восток всей душой.

За 29 лет жизни в Иерусалиме деятельность отца архимандрита Антонина Капустина в качестве Начальника Русской Духовной Миссии была многооб-

разной и очень плодотворной. Он не только знакомится с настоящим и изучает прошлое Востока, не только сотрудничает в ученых изысканиях и изданиях, не только собирает древности, но и занимается, в минуты отдыха, любимой им астрономией, в устроенной на крыше здания Миссии, обсерватории. Отец Антонин окормляет тысячи русских паломников – «поклонников», как они тогда назывались, прибывающих в Святую Землю; он покупает участки земли, строит на них гостиницы для паломников и церкви, и полагает начало небольшой женской монашеской общины.

За годы начальствования о. Антонина Миссия приобретает 18 земельных участков, что само по себе было удивительным явлением, ибо турецкое правительство не разрешало иностранцам приобретать недвижимость. Покупки совершались на имя частных лиц, в частности, на имя верного помощника и друга отца Антонина, сотрудника Миссии Якова Халеби. Следует отметить следующие приобретенные участки:

- 1) – Вблизи Хеврона, с знаменитым «дубом Мамврийским», около которого в Ветхо-Заветное время, праотец Авраам принял трех таинственных странников, – событие, которое в русской иконописи было запечатлено Андреем Рублевым на иконе «Ветхозаветная Троица». На этом участке впоследствии возникла великолепная трехпрестольная церковь и гостиница для паломников.
- 2) – Вершина Елеонской Горы в Иерусалиме с ценнейшими мозаиками бывших в древности армянских церквей, где теперь находится большой женский монастырь с огромной, издалека видной колокольной.
- 3) – Участок в Горнем (Айн-Карем), по пре-

данию – место встречи Девы Марии с Елизаветой, где теперь также стоит женский монастырь, устроенный отцом Антонином.

4) – Огромный участок в Яффе, с древними мозаиками и построенной им церковью, где находится гробница св. Тавифы, воскрешенной апостолом Петром.

5) – Одним из самых замечательных, в научном отношении, приобретений отца Антонина, было купленное им, непосредственно за Голгофой, место, у, так называемого, «порога судных врат», с остатками древней, городской мостовой времён Христа, и обломками базилики, построенной царем Константином Великим. Этот последний участок был куплен для Православного Палестинского Общества.

6) – Для того же Общества было куплено и место в Гефсиманском Саду, где на средства царской семьи была построена церковь во имя Святой Марии Магдалины. Церковь была заложена в присутствии великого князя Сергея Александровича и его супруги Елизаветы Феодоровны, которая там и нашла место своего вечного упокоения. (Останки ее и келейницы, монахини Варвары, после их зверского убийства большевиками в Алапаевске в 1918 году, Белая Армия перевезла в Китай, откуда, английским военным судном, они были доставлены в Палестину).

Все это имущество покупалось с трудом, без кредитов, на добровольные пожертвования, при постоянном сопротивлении консульства, русских палестинских Комитета, Комиссии и Общества и при подозрительном отношении иностранцев. Вот как отец Киприан Керн, автор книги об архимандрите Анто-

нине,* описывает одну из первых и едва ли не самых замечательных покупок о. Антонина – знаменитого Мамврийского или Аврамова дуба вблизи Хеврона:

«После тщательных разведок на месте и серьезного размышления о. Антонин решился попытаться приобрести Дуб. Как ни рискованной и маловероятной могла бы показаться подобная мысль, у о. архимандрита для этого были и свои основания. Это решение поддерживал в нем и драгоман Миссии Яков Халеби. Самый участок с библейским древом, сравнительно небольшой, принадлежал уже более 70 лет некоему Ибрагиму Шаллуди, получившему его в наследство от своего отца Османа. Ибрагим, кроме чисто религиозных соображений, дорожил своей собственностью также как довольно выгодной статьей дохода и продовал заезжим туристам – ветки, сучки и листики от священного дерева для столярных поделок. На основании тщательно и осторожно собранных сведений являлась вероятность предполагать, что Ибрагим не прочь будет продать даже и самую святыню. Трудность была только в формальности, как узаконить продажу. Конечно, нельзя было и думать о том, чтобы открыто купить Дуб на русское имя. Тут-то и оказал неоценимую услугу Яков Егорович (Халеби – В.П.). Снабженный деньгами, соответствующими документами и всем необходимым для своей неожиданной и новой роли, зимой 1868 года он явился в Хеврон переодетый под видом купца из Алеппо. Была та специфическая для Палестины зимняя непогода с дождями и ветром в тот год особенно сильными. Я.Е. (Халеби – В.П.), осторожно играя свою роль, якобы

---

* Арх. Антонин Капустин, начальник Русской Духовной Миссии (1817-1894), Белград, 1934.

закупая товары, вращаясь среди хевронских торговцев, пробыл в Хевроне довольно долго. Дело двигалось вперед очень медленно, но все же была надежда на сговорчивость Шаллуди. Как-то раз, когда перестала непогода и настало несколько ясных, теплых дней, неожиданно радующих взор среди палестинской дождливой зимы, Яков Егорович решил провести ночь под самым священным деревом. Как только он устроился на ночлег и завернулся, чтобы уснуть, вдруг раздался выстрел и над его головой просвистела пуля какого-то фанатика араба, спрятавшегося вблизи, повидимому имевшего какие-нибудь основания подозревать таинственного алеппского купца. Покушение, слава Богу, не удалось, но показало ясно опасность, которой подвергался смелый путник и оправдало столь известный фанатизм хевронцев. Все же, наконец, после длительных и томительных переговоров, затягивать которые арабы такие мастера, комбинаций предосторожности, бесчисленных бакшишей, тоже столь необходимых в той среде, Шаллуди продал участок земли с Дубом Якову Егоровичу, на что был немедленно составлен законный владельческий акт («кушан») на его же, Якуба Халеби имя.

От очевидцев пришлось слышать о встрече его с о. Антонином в Иерусалиме. О. архимандрит ожидал приехавшего Халеби у входа в зал на лестнице в здании Миссии. Как только Яков Егорович увидел еще снизу фигуру о. Антонина, он радостно взбежал на лестницу, помахивая кушаном и крича: – ‘Дуб – русский, дуб – русский!’ О. Антонин широко раскрыл ему свои объятия и, радостно обняв его, расцеловал».

Мамврийский Дуб и по сей день в ведении Русской Православной Церкви. Там сейчас небольшая мужская монашеская община, подчиняющаяся Русской Православной Церкви Зарубежом.

Приезжающий в Святую Землю может на каждом шагу заметить следы трудов архимандрита Антонина, его заботу о нуждах паломников и его вклад в науку. Им был создан небольшой, но богатый музей древности, который сейчас находится на Елеонской горе и ценная библиотека, хранящая редкие рукописи. Отцом Антонином были пожертвованы ценные произведения древнего искусства в Эрмитаж и ряд рукописей в Публичную Библиотеку в Петербурге.

Из литературных трудов о. Антонина следует отметить дневник, который он вел изо дня в день, в течение 50-ти лет. Сданный на хранение в Синод, этот ценнейший документ погиб в годы революции. Отец Антонин постоянно писал о своих научных путешествиях и изысканиях, а также опубликовал два тома проповедей на весь церковный год.

Отец Антонин осуществил важную работу в знаменитой Синайской библиотеке, при монастыре святой Екатерины, переписав все хранящиеся там древние рукописи. Этим трудом отца Антонина потом молчаливо воспользовался знаменитый Гартгаузен. Наряду с этой работой, Синод поручил ему ученые экспертизы по делу Синайского Кодекса Библии. Между прочим, знаменитый «Кодекс Синаитикус» был открыт русским ученым, епископом Порфирием, который, будучи в сане архимандрита, был Начальником Русской Духовной Миссии еще до о. Антонина. Этот древнейший текст Библии на греческом языке был приобретен для императора Александра Второго, академиком Тишендорфом, в 1869-ом году. В 20-х годах этого столетия, советская власть продала эту бесценную рукопись за незначительную сумму – Британскому музею.

Отец архимандрит Антонин был почетным членом всех русских духовных академий, членом-кор-

респондентом разных ученых обществ, русских и европейских, и был награжден разными почетными званиями.

Умер отец Антонин Капустин 24-го марта 1894-го года. Похоронен он на вершине Елеонской Горы, по левую сторону построенной им, величественной, в византийском стиле церкви, которую он безмерно любил.

В одной из сохранившихся тетрадей своего дневника, о. Антонин записал такие мысли:

«Мир суетный, так прекрасно приспособленный к бытию земному, некогда лучшему и совершеннейшему, не утратил с лица своего печати божественной, подпавши суете в делах рук человеческих... Да, он суетный! Я понимаю всю глубину и обширность значения слова: суета, и признавая за миром суетность в смысле переменяемости, желаю только снять с него укор в той суете, которую человек создает в самом себе, всюду носит с собой, через нее, как сквозь призму, смотрит на бесцветный мир, не причастный делам его и неповинный ни грехам его, ни бедам его. Есть в привычной жалобе иноков на мир нечто логически неясное. Для монастырей св. Горы, например, мир начинается за Перешейком; для келиотов монастырь уже мир; для отшельника – келия мир; для затворника мир – все, что за стеной его каливы или пещеры. Что же потому мир? Мир – общество человеческое. Но общество человеческое есть сам человек. Куда же уйти от самого себя? Где та пустыня, где та пещера, в которой я бы не встретился с самим собой, самодосадителем, самоискусителем, самопоработителем? Дерзаю думать, что для инока приличнее и безопаснее как можно реже обвинять мир».

Свое же личное отношение к этому суетному

миру отец Антонин выражал в служении ему. Этому служению он посвятил полвека своей монашеской жизни.

Одним из главных дел этого церковного труженика, была забота о многочисленных паломниках, пребывавших в Святую Землю из России – поклониться святыням Палестины. Возвращались они домой с чувством благодарности Богу за то, что Он удостоил их милости побывать на земной родине Иисуса Христа, а также с чувством благодарности отцу Антонину, Начальнику Духовной Миссии, который окружал их своей заботой.

Когда я недавно был в Святой Земле, в библиотеке русского женского монастыря на Елеонской Горе я нашел сборник «По Святой Земле – из Палестинских впечатлений», изданный в 1875-ом году в Петербурге. В этом сборнике опубликовано стихотворение «Спасибо», в котором неизвестный русский святоземский паломник, выражает отцу архимандриту Антонину Капустину, свою благодарность за оказанное гостеприимство в Святой Земле. Стихотворение «Спасибо» было написано в начале 70-ых годов прошлого столетия, еще при жизни отца Антонина.

Спасибо!

Не раз в Святой Земле, в пути,
Томимый немощью и зноем,
Хотел я отдыха с покоем,
Хотел куда-нибудь дойти, –
И как был рад, когда неожиданно
Я уголок родной встречал,
И весь он цвел благоуханно
И русским колоколом звал!
Твердя усердно «слава Богу».

Я приходил в уютный дом,
И забывал там всю тревогу,
И отдыхал в кружке родном.
Здесь сын России, разлученный
С любимой Матерью своей,
Приют тенистый, орошенный
Создал для родственных гостей;
И всюду путнику, как другу,
На всех концах Святой Земли,
Защитой в зной, и в дождь, и вьюгу,
Его приюты расцвели;
И в них, душою богомольной
И сердцем благодетельным своим,
Добра посеял он довольно,
И столько-ж вновь готовит им! . . .
Одно лишь больно и жестоко:
Людей труда здесь недочет,
А их врагам потерян счет!
Но все же верю я глубоко –
Пока здесь будет он один,
Ничто уж дела не угасит:
Сам настоятель Антонин
Везде пилит, строгаёт, красит . . .
Давно он дело здесь творит,
Трудолюбив, и тих, и честен:
Давно «Москов-архимандрит»
Арабу каждому известен! . . .
О тех приютах дорогих
Всегда признательно я мыслю:
Мне вспомнить весело о них,
И здесь их радостно исчислю:
Приют у Яффы, весь в садах,
Приют на выси Елеона,
Приют в полях Иерихона,
Приют у Дуба на холмах.

Приют и в Горней ненаглядной;
И там, и здесь Господень храм,
С родной молитвою отрадной;
И всюду хлеб и соль гостям,
И всюду помощь бедным людям! . . .
И то примолвить не забудем,
Что те приюты созданы
Без всякой помощи казны,
Всё на мирские подаянья,
Подчас на медные гроши;
И веры дар, любви деянья –
Приюты – мило хороши!
Им роскошь вовсе не знакома,
Их можно просто помянуть;
Здесь богомолец словно дома;
Он помолясь уходит в путь;
В его речах, живых и ясных,
Звенит спасибо без конца;
И много раз, в слезах прекрасных,
Он вспомнит доброго отца!
Такую ревность и заботы
И их созревшие плоды –
Дома, и храмы, и сады,
Каналы, башни, и оплоты,
Дворы, цистерны, и поля –
Почтит ли Русь, не знаю я;
Но не забудет Палестина
Архимандрита Антонина! . . .

КРАТКОЕ ЖИТИЕ ЕВФРОСИНА-ПОВАРА*

Этот святой отец наш Евфросин** родился где-то в деревне от верных родителей. воспитанный как поселянин, он не был обучен грамоте, но неукоснительно исполнял заповеди Божии. Вошедши в возраст, Евфросин отвергся мира и бежал в монастырь, а когда облекся в святую ангельскую одежду,¹ он как никто другой исполнился смирения Христова, что видно по скончанию жития его. Ибо, будучи ненаученным, он ото всех был презираем, и ему одному была вверена забота о поварне; сокровенно же он свершал всякую подвижническую добродетель – пост, бдение, молитву, спал на голой земле, но вперед этого и вдобавок к этому свершал добродетели любви ко всем, послушания, чистоты телесной и всегда плакал. Ибо, постоянно глядя на пылающий огонь, зрел он вечное пламя, и непрестанно слезы омывали щеки его. Покрытый копотью поварни, Евфросин всеми был презираем из-за своего закопченного тела и платья.

Но Бог, ведающий скрытое, возвысил его более

---

* Текст переведен по изданию: *Revue de l'Orient Chretien*. v. 10. 1905: *Vies et recites d'anachorettes (IV – VII sec.)*

** День памяти – 11/24 сентября

1. «...облекся в святую ангельскую одежду...». – Т.е. принял пострижение.

всех бывших в том монастыре. В этой же обители жил весьма богобоязненный пресвитер,² достигший всевозможного рода добродетели. Он положил себе три года подвизаться во всяком подвиге, сколько имел сил, и молить Бога, говоря так: «Господи, покажи мне блага, о которых святой Апостол речет: 'То, что Ты приготовил любящим Тебя'».³

Этот пресвитер не только в мыслях своих так предустановил – та молитва его исполнилась, и, когда он спал на постеле своей, ум его был восхищен, и пресвитер очутился в саду, какого он никогда не зрел и никто другой не мог узреть. Ибо росло там множество деревьев разнovidных, прекрасных, высоких и не похожих на обычные. Все они были покрыты плодами изобильнее, чем листьями, а плоды имели такие благоцветные, большие и душистые, каких не зрели смертные. Под этими деревьями текли обильные студеные и чистые воды, и поднимались там всякого рода душистые травы, и оттуда струило всевозможными ароматами, так что стоявшему чудилось, будто он вдруг попал в покой, где готовят благовония. И вот он стал раздумывать, говоря: «Чей же это удивительный и страшный сад и кто его охраняет?». И чуть только он стал сам с собою так говорить, замечает, что посеред сада стоит тот Евфросин, о котором у нас речь. И, увидев его, пресвитер удивился и говорит ему: «Что ты здесь делаешь?». Повар сказал: «Что ты делаешь, отец мой, то и я». Иерей сказал: «Чей это сад?». Евфросин говорит: «Божий». И снова иерей спрашивает: «А кто привел тебя сю-

---

2. Пресвитер – вторая степень священства: сан, соответствующий священническому.

3. «То, что Ты приготовил любящим Тебя...» – Ср. I Коринф. 2. 9-10.

да?». Тот ответил: «Тот же, Кто проводил сюда твою святость». Опять иерей говорит ему: «Я, как ты знаешь, брат мой, хотя и недостойн, все-таки иерей и не просто иерей, а из числа преславных, кроме же того, сегодня как раз исполнился третий год, как я 'не насыщал чрева своего ни хлебом, ни водой, не давал сна очам моим и веждам моим дремания', по слову блаженного пророка,⁴ но без отдыха денно и нощно молил Бога, чтобы узреть мне хотя несколько от уготованного Господом для тех, кто любит Его; и вот я наконец пришел сюда и хотел спросить у кого-нибудь, это ли место уготовано возлюбившим Бога». А Евфросин говорит иерею: «Я, как ты знаешь, честной отец, не умудрен в Писании и совершенно ненаучен, но от вас услышал слово апостольское: 'Не видел того глаз, не слышало ухо и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его'.⁵ А так как мы этого ради потрудились, узрели несколько от уготованного Богом для возлюбивших Его, и Он укрепил нас и показал неложность слова апостольского. Ибо никто, будучи во плоти, не может увидеть более». И пресвитер снова говорит ему: «Ты только в первый раз пришел сюда или бывал здесь ранее?». Евфросин сказал: «По милости Божией я вечно тут». Иерей: «А что ты здесь делаешь?». Евфросин сказал: «Я – страж сада сего». Иерей сказал: «А можешь ты дать мне, если я чего попрошу?». Тот ответил: «Когда хочешь чего, проси, и я дам тебе». Пресвитер говорит ему: «Дай мне вон те три яблока», и показал на них пальцем. Евфросин тотчас сорвал яблоки и подал ему, положив их в складки

---

4. «...не давал сна очам моим и веждам дремание...». – Пс. 131 (132). 4.

5. «...не видел того глаз, не слышало ухо...» – I Коринф. 2. 9.

его плаща. Яблоки были весьма крупны, хороши и источали дивный аромат: наклонивши голову свою, чтобы вдыхать этот аромат, пресвитер не мог встать насладиться.

И в это время ударили в било, и, пробудившись, пресвитер подумал, что видел сон, но, когда выпростал левую руку свою из плаща и в ней в яве лежали яблоки, восхитился ум его. Он бережно спрятал яблоки в постели и, прикрыв дверь, вышел. Подойдя к обычному месту Евфросина, он застал его стоящим в ожидании, когда начнут молитвословие, и, пав перед ним, говорит: «Во имя Бога, Которому ты, человек Божий, неустанно служишь, ответь мне, что я спрошу тебя». Тот сказал ему: «Спрашивай, отец, что тебе угодно». Иерей говорит: «Бога ради, скажи мне, где ты был этой ночью?». Он ответил: «Там, отец, я был, где ты меня видел». Опять иерей спрашивает: «А где я тебя видел, скажи мне, раб Божий?». Евфросин говорит: «В раю, который ты узрел». Снова иерей обратился к нему: «Если говоришь не ложно, то что ты мне дал?». Евфросин сказал: «То, что ты попросил». Тут иерей, пав ему в ноги, стал настаивать, говоря: «Богом заклинаю, о чем я тебя попросил?». Тот ответил: «Ты попросил три яблока, и я их тебе дал». И иерей, поклонившись ему, отошел к своему месту, и всю всюнощную дивился сердцем и, обоняя страшное то благоухание, напитавшее одежду его, был сам не свой.

Евфросин же стоял и, как накануне, молился, а когда скончался третий день всюнощной молитвы, пресвитер пошел за теми тремя яблоками и вернулся в храм, прежде чем братья успели разойтись, и говорит им: «Помолитесь, святые отцы, и простите меня: ведь, имея в монастыре нашем бесценный перл, честного Евфросина, мы все презираем его как неуче-

ного, а он более всех нас достоин благодати Божией». И пресвитер поведал чутко внимающим ему все то, о чем мы рассказали. А когда он показал им яблоки, слова его получили еще более веры. Ведь яблоки, как говорилось, по величине своей, цвету и запаху были не таковы, как растут здесь. Вдохнув аромат этих яблок, все восславили Господа, и отломили от них, и дали больным, и тотчас болящие исцелели. Что осталось, они разделили на малые доли, и упомянутый пресвитер, который принес яблоки, положил их на святой дискос и по общей просьбе всем дал вкусить, ибо братья уверовала, что болящие исцелели потому, что яблоки те, как сказано, были сорваны в Господнем саду.

А тот повар Евфросин, когда пресвитер начал говорить, и все, окружив его, внимали рассказу, как евангелию Христову, открыл боковую дверь и вышел из церкви, чтобы избежать славы людской, и до сего дня более не показывался. Мы же, услышав это, весьма изумились, прославляя и благодаря Отца, Сына и Святого Духа ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Византийские легенды, издательство «Наука», 1972

ВОСПОМИНАНИЯ*

1904-1905 Я кормила моего Пушонка довольно долго, прикармливая молоком с 3-го или 4-го месяца и проводя после кончины Бабушки все время в детской. Меня поразила худоба Коти, постоянные позывы мочи и жажда. Не могла понять, что с ним. Он ни на что не жаловался. Кажется, мы все разъехались после 40 дня. Тяжелое воспоминание, думаю, всем нам оставил разъезд, хотя милый дядя Саша до конца выражал мне и Папа любовь и ласку, но я уезжала с намерением никогда не вернуться, до того все стало иное без родителей. Папа приехал за нами и мы вернулись на Васильевский Остров и тотчас пригласили д-ра Берлинга. Он очень внимательно выслушал о Коти и сказал, что увы все симптомы сахарной болезни, но анализ это определит. Папа и я еще тогда не знали какой это приговор. Анализ показал 7 процентов сахара. Помню лицо дорогого доктора при виде анализа и его слова: «помоги Вам Бог!» Его посадили на очень строгую диету без хлеба, без всего мучного, без всякого сладкого. Все, что особенно дети любят, было запрещено. И как он был терпелив, никогда ни слова жалобы. Когда был сделан анализ после диеты, мы очень обрадовались, так как процент сахара уменьшился с 7-ми до 3-х, но Берлинг с грустью нам указал, что процент ацетона (опаснее

---

*Продолжение – Начало см. «Р.В.» № 22, 25, 27-28, 29, 30, 31, 32, 33.

сахара) увеличился. Наружно в жизни нашего Котушки ничто кроме диеты не изменилось. Он учился у нашего дорогого Ник. Снис. и Miss Сагг, и учился прекрасно и гулял с братом и сестрами. В Петербург переехала с нами т. Нелли Толстая и племянница Бабушки, у которой она жила последние годы. Она к нам приходила ежедневно к обеду и проводила все вечера. Она стала членом семьи и дети от нее не отходили, особенно Коти. Она входила во все их интересы и жила их жизнью, но откровенно предпочитала мальчиков, находя, что все девочки кривляются. Не скажу, что мои кривлялись, но что у мальчиков было гораздо более и разносторонних интересов, это верно.

Доктор советовал для Коти теплый климат и т. София Панина предложила нам свою прекрасную дачу Гаспру в Кореизе, куда мы поехали 5-го мая в рождение Коти, когда ему минуло 11 лет. Мы приехали в Севастополь утром в Николин день и хотя, правда, мы ехали со всеми удобствами, я ему предложила пойти вместе в храм к обедне и он охотно пошел, хотя, конечно, не на долго. Мы были прекрасно помещены и Коти я взяла к себе в спальню. От возрастающей слабости он стал предпочитать одиночество, так как кроме Эли все дети были шумно веселы, особенно наши 2 буяна: Миа и Миша. Он любил полежать иногда в детской, с улыбкой следя за играми маленьких Сережи, Иванушки и крошки Паши (Сережа прозвал ее Пушок-Лопушок и так нежно с ней нянчился), которая начинала тогда ходить. Ближайшая к нам церковь была в Кореизе в 1 1/2 в. Как я радовалась, любуясь на маленькую толпу 6-ти человек меня сопровождающую, из них 4 матросика все одетые по форме. Я не понимала еще, что недолго нам радоваться на Коти. Тогда са-

харная болезнь в России была мало известна, а среди детей тем более. В Ялте я узнала, что всемирное светило по этой болезни был тогда во Франкфурте проф. Норден.

Я забыла сказать, что в том году зимой внезапно началась война с Японией. Это была очень не популярная война. Весной стали говорить об отправке нашей эскадры и спешно достраивать суда. То говорили, что она пойдет, то, что это отменяется. Д. Боря Васильчиков был назначен Главнуполномоченным Красного Креста в Восточную Сибирь и, конечно, т. Соня ехала с ним. Я пригласила дорогого о. Иоанна Кронштадтского к нам помолиться об их путешествии и о здравии Коти и благословить своих двух крестниц – Мию и Пашу, которой он был записан крестным отцом. Помню его веселое удивление, когда дети его окружили: «О, да сколько же у Вас их?» – «Семь, Батюшка!» – «Семь – это священное число!» Замечательно, что так оно продержалось долго, хотя еще родилось двое, но не превысило никогда семи. Он благословил Васильчиковых образками св. Варвары, которые я для того приготовила и в Сибири, в день памяти ее 4 декабря, Господь их спас от смертельной опасности. Он подробно расспрашивал о Коти, посадив его рядом с собой очень ласково. К нашей тревоге он положил в свой стакан чая много кусков сахара и дал ему пить и это совсем не отразилось на его болезни, как иное всякое нарушение диеты отражалось. Пашу он все время держал на коленях, а Мию около себя. Она была веселая непоседа, очень популярная, что Папа приписывал о. Иоанну, т.е. ее популярность, как его крестницы. Впечатление об о. Иоанне Коти сохранил такое, что, когда он в Крыму стал болеть от нарывов в ушах и очень страдал, он просил меня дать знать о том

о. Иоанну, прося его молитв. Я тотчас послала телеграмму и получила такой же ответ. Коти неожиданно стало лучше от прорвавшегося нарыва, а доктор специалист меня предупреждал, что ему предстоит неделя сильных страданий, пока нарывает, и очень удивился увидав, что нарыв прорвался и все страдания миновали.

Это было уже осенью, а до того мало было изменений в ходе болезни. Он был дружнее всего с Эли, которая была тихий ребенок и слабый, хотя она и не болела, но шум других детей его утомлял. Коти мечтал быть моряком, а я делала проект ему кончить университет, и говорил мне: «я кончу все, что ты хочешь, а затем пойду в моряки». Он читал в это время с увлечением «Войну и мир», пропуская роман и увлекаясь одной военной частью. Все военное его увлекало, а он был такой кроткий и тихий. Кстати о «Войне и мире». Л.Н. Толстой как раз незадолго до нашего приезда в Гаспру провел там с семьей почти год серьезно болея. Когда он там жил, произошло его отлучение от Церкви, что многих возмутило, которые не желали усмотреть, что он сам себя отлучил от Церкви. Кто читал его «Воскресение» не мог не возмутиться, читая его взгляды на Богослужение. В Гаспре много лет служил управляющий, очень симпатичный и всеми любимый датчанин Классен. Он был ярый поклонник Толстого: во время его пребывания в Гаспре Классен вызвался быть его секретарем. Я мало с ним говорила на эту тему, так как была уверена, что он во всем обвиняет Св. Синод и оправдывает Толстого, и знала, что спокойно говорить не умею. Но Папа, спокойно всегда говоривший, спросил его, как Толстой отнесся «к отлучению». – «Он меня позвал», – отвечал Классен, – «и велел если только какой-нибудь священник только подой-

дет к воротам – гнать его!» Между тем, я навещала священника в Кореизе (Гаспра его приход), у которого я узнала, что одновременно с отлучением священники получили от Св. Синода распоряжение, что, если только Толстой выскажет желание обратиться к священнику, то его беспрепятственно исповедать и приобщить. Довольно часто при нас приходили поклонники Толстого, прося посмотреть комнату, в которой он жил.

Кажется, в августе, наконец, вышла наша эскадра. Помню как Папа мне о том сообщил: «Вышла вся эскадра без ‘Славы’, а броненосец не совсем достроенный!» Я подумала, что это игра слов, но как оно оказалось верно! Этот небывалый 9-ти месячный, геройский поход не заслужил никакой славы, а только нареkanie и бесславие. После него было такое презрение ко всем морякам, что их на улице оскорбляли. Многие суда достраивались по пути. Ни одна держава кроме Франции не допускала их в свои порты на всем огромном протяжении пути и они грузились в океане!

30-го июля родился долгожданный Наследник. Какая это была всеобщая радость. Незадолго до этого у Императрицы была фальшивая беременность и мудрецы-доктора говорили, что у нее больше не будет детей. Она ездила на открытие мощей св. Серафима в Саров и после этого забеременела. Как все ждали – опять ли Великая Княжна или наконец Наследник?! Не сразу стало известно, что бедный ребенок родился большой наследственной болезнью Английского Королевского дома.

Последний раз, что мой Коти дошел до церкви в Крыму было в Воздвижение и на обратном пути бедный мальчик заплакал от усталости и наконец я поняла, как он ослабел. Решено было, что Папа за

детьми приедет в ноябре, а я с Коти уедем к Нордену. В начале ноября Папа за ними приехал. Сережа научил Иванушку декламировать стихи и он нас с Коти приводил в восторг, так серьезно и отчетливо их говоря, а Сережа сиял от удовольствия. Недаром мы его звали «воспитателем». После их отъезда мы остались еще несколько дней втроем – т. Нелли, Коти и я. Он говел. Когда я вошла в комнату после его исповеди он еще стоял на коленях с лицом ангела, подошел ко мне и сказал: «Отчего ты ушла, когда я исповедовался?» Он находил естественным при мне исповедоваться. Мы вышли на пароходе до Одессы около 10 ноября. Дорогая т. Нелли нас провожала на пароход. В Одессе мы провели 2 ночи и я видела до чего мой мальчик слабел. Мы остановились в той же гостинице, где после свадьбы были такие счастливые с Папа. Теперь я искала места, чтобы он не видел моих слез. Я оставила всякую диету для него и он заказывал, что хотел и радовался, только с трудом ходил по лестнице и я не понимала, что сердце слабело. С нами ехал управляющий из Гаспры и брал нам билеты и старался во всем помочь. До Варшавы было 2 ночи, кажется. Утром Коти попросил пить на какой-то остановке. Я боялась выйти, не зная, долго ли еще стоянка и говорю ему: «Может быть ты переждешь до другой станции?» – Он кротко сказал: «Мне очень хочется пить!» и показал мне рот буквально почерневший от сухости горла. Я бросилась за водой и, славу Богу, нашла. Он, конечно, всегда одевался сам, но подъезжая к Варшаве сказал мне, что не может обуться и когда, обув его, я спросила, может ли он пойти по платформе пересесть на Берлинский поезд, он сказал: «Я попробую!», но тотчас увидал, что не в силах, и управляющий донес его, так как поезд уходил не скоро. Видя его сла-

бость, я принесла ему поесть, но он не захотел, жалуясь, что трудно дышать. Я подумала, что воспаление легких и попросила начальника станции адрес хорошего детского врача, которого я вызвала. Он, осмотрев Коти, спросил: «Кто мог его допустить путешествовать?» Я спросила: «Не воспаление легких?» «Нет, но сердце очень слабо». – «Довезу ли его до Берлина?» – «Не знаю!» – «Остаться ли здесь?» – «Не берусь советовать. Дайте ему шампанского». Он ушел. Я дала ему шампанское, но его вырвало, а время отъезда приближалось и зала наполнялась. Я решила остаться, и мы простились с добрым Классен. Я попросила нашего носильщика привести опять доктора. У меня оставалось только денег на извозчика и на телефон Папа. Остальное я должна была получить в Берлине. Я попросила доктора указать больницу, куда отвезти Коти и вечером придти туда. Он мне дал адрес частной больницы недалеко от вокзала. Я перешла с Коти в дамскую комнату в ожидании переезда и он очень томился и сказал мне: «Может быть я умираю, а как бы хотелось пожить!» Носильщик взял его на руки, а другой придерживал меня и так мы доехали. Я дала им отправить телеграмму предупредив, что это мои последние деньги и я прошу их придти через два дня и я им заплачу (они не пришли и я потом ходила на вокзал их разыскать, заплатить и благодарить). Думаю, что только русский умеет так пожалеть.

Вечером три доктора устроили консилиум и сказали мне, что, если он не потеряет сознание в эту ночь, то вероятно, он сможет доехать до Берлина. Молодой доктор поляк сделал ему укол камфоры и ему сразу стало легче, он поел и успокоился. Я ждала Папа через сутки. Наступила ночь и он стал бредить. Он был счастлив в бреду, в обществе своих братьев

и сестер. Поднимал какой-то флаг. «Выше, выше», – радостно кричал он. Говорил как любит меня и достал мне какой-то сюрприз в виде подарка. Около полуночи зашел милый доктор для укола. В большое окно видна была темная ночь и как она была длинна и беспросветна – мой мальчик уходил от нас. К утру он лежал как бы без сознания. Я просила пригласить священника прочитать отходную. Он пришел со св. Дарами, а почему-то я просила только отходную! Возможно, что он не мог глотать, но кажется я ему смачивала рот. Батюшка нас вместе перекрестил св. Дарами. Вечером приехал Папа и Коти открыл глаза и с трудом произнес: «Папа!» Папа настоял на том, чтобы я легла. Несколько ночей я не спала, а тут, увы, я заснула часов до 4-х утра рядом с Коти. Вскочила и вижу, мое дитя пристально смотрит на меня. «Ты не спишь, мой мальчик?» – «Нет, мне очень тяжело. Я не спал!» Бедное дитя, это была предсмертная агония, я спала, а он не решался меня будить! Больше он не говорил, только раз с трудом меня назвал. Это было воскресенье 13 ноября. В 10 ч. утра ударили к Обедне и отлетела к Богу праведная душа. Мы думали его отпевать и увезти хоронить в Дугино на другой день, но то был день рождения Императрицы Марии Феодоровны, а на рождениях Высочайших Особ отпевать не полагалось. Я уверена, что они того не подозревали. Он лежал одетый в форме матросика, каким он хотел быть. Я их одевала в настоящую эту форму, как только они научались ходить. Такое кроткое, детское лицо. Ни одного горя, кроме своей болезни, он нам не причинил, сознавали мы глядя на нашего ненаглядного мальчика. Отпевали его в Общине Красного Креста и пришли с нами помолиться несколько сестер Общины и чувствовалась большая за то им

благодарность. Когда гроб понесли на дроги, Папа и я пели «Святой Боже» над нашим мальчиком, больше никого не было. В Дугине дорогой д. Саша так сердечно отнесся к нашему горю. Наш родной о. Александр его похоронил близ церкви со стороны алтаря. Мы спешили вернуться к детям. Кончина Коти точно порвала мою страстную любовь к жизни. Много еще было горя впереди, но это точно расшатало что-то внутри. Вспоминаю один вечер в Дугине: я возвращалась с прогулки одна, когда вижу идет ко мне мой беленький матросик Коти, который, я была уверена, уже спал. «Коти, ты что же еще не спишь?!» – «Я знал, что ты пошла в сторону, где стадо пасется и пришел тебя защитить от быка!»

Эта зима была тревожная – революция 1905 г., конец несчастной Японской войны, гибель нашей эскадры. Дети по-прежнему дома учились с милейшими Ник. Онис. и с Miss Carr и Mlle Stampel по-французски. Она стала одна из ближайших нам людей. Вестовые были оба очень хорошие – Соколов и Дамме, латыш. Однажды Папа долго не возвращался с Полярной Звезды, куда он ездил каждое утро до завтрака. Вернулся один Соколов и на мой вопрос: «где граф?» он спокойно ответил: «на яхте бунт и командир там!» Я с негодованием ему сказала: «И Ты его оставил?! Иди тотчас на яхту и вернись только с Графом!» Я была в большой тревоге, которая несколько улеглась, когда я позвонила к флаг-капитану и мне ответили, что он спит. Значит не тревожно, если на императорской яхте бунт, а флаг-капитан спит и о том не знает. Все же я не отходила от телефона. Начало темнеть, когда дорогой голос мне сообщил, что сейчас вернется. Оказалось, что когда команде раздали обед, они все отказались есть, не сиделись, а стояли у своих мест. На вопрос почему

они не едят, они говорили, что им надоело однообразие. Пришли сказать о том мужу, который к ним пошел и спросил, в чем дело. Они все разом зашумели, так что не разобрать было. Тогда Папа сказал, что так он говорить с ними не станет, а пусть они выберут кого-нибудь из старших матросов, который передаст Командиру. Появился уполномоченный и высказал жалобы: 1) однообразие пищи; 2) выпустить матроса, посаженного во 2-ой раз в карцер старшим офицером (которого они очень не любили), говоря, что он шкуры сдирает своим наказанием. Папа сказал, что из запасов им выдаваемых будет составлено расписание на неделю, чтобы подряд не повторялось блюдо. Вопрос матроса он выяснит у старшего офицера, а затем, когда команда собралась, он им сказал: «Теперь я вам скажу, что стыдно вам, служащим на императорской яхте доходить до скандала, вместо того, чтобы с вашими требованиями просить обратиться через своих уполномоченных с просьбой к Командиру» (Между прочим, кормили их очень хорошо, но почти всегда щи с пайком мяса и гречневая каша, теперь же они стали чередоваться с макаронами и гороховым супом). Вопрос матроса выяснил, что, действительно, он просидел в карцере и без новой провинности был снова туда отправлен. Старший офицер подал в отставку и негодовал, что Папа поступил «не по-товарищески», так как не поддержал его в несправедливом наказании.

Брожение было почти повсюду. Семеновский полк под командой Мина боролся с революцией в Москве. Много шумели о его «кровавой» расправе. Несомненно, были жертвы, но сравнительно с тем, что впоследствии пришлось узнать насколько их было меньше. Мина представляли кровожадным зверем, расстреливавшего из любви к искусству. Он был же-

нат на двоюродной сестре Папа – тете Кате Волконской и одна была дочь Наташа, впоследствии Гревниц. Это была редко дружная семья. Мин горячо любил свой полк, особенно солдат, и они его. Мне рассказывал священник госпиталя, где лежали больные Семеновцы, как он их навещал и входил во все, их касавшееся и узнал, что их хоронят в деревянных гробах без креста на крышке и без подушки, и добился казенного образца с крестом и отделкой внутри. Помню с какой любовью он нам показывал Евангелие, подаренное ему солдатами, когда на короткое время он был назначен командиром полка в Москву. Там были написаны слова Спасителя: «Алкал Я и вы дали Мне есть, жаждал и вы напоили Меня... что вы сделали одному из братьев Моих меньших, вы сделали Мне». Мы с Папа Семеновцев очень любили. Они были особенно сердечные.

Не смотря на «смутное время» мы решили с Папа купить себе имение недалеко от Петербурга, чтобы он мог часто наезжать. Я была беременна и он охранял меня от лишних разъездов и по газетным объявлениям отправлялся с Соколовым осматривать продающиеся имения. Все ему было не по душе. Наконец, вернувшись раз, оба остались довольны и Папа мне сообщил, что решил купить имение в 3-х часах от Петербурга, в 8 верстах от станции Плюсса. Имение было в 500 десятин. Я спросила, чем оно понравилось, красотой ли местности? «Нет, эти *bella vista* мне надоели, а оно менее плохо, предыдущих, и я через 3 дня подписываю контракт. Мы вместе поедем». – На 3-ий день он с утра мне сказал: «А имение паршивое!» – «Отчего же мы его покупаем?!» – «Потому что лучшего не нашлось!» И мы поехали подписать контракт. Оно принадлежало еврею Баркану и называлось Баркановка, а у меня ознакомив-

шись с ним, выходило Капкановка, а у Папуси: Погановка! И сколько счастливых лет Господь дал нам провести, 4 или 5! По наружности судить нельзя, даже имение. У нас с Папа были самые первобытные взгляды на имение. Это было почти все торфяное болото с чахлыми кое-где березками, как в тундрах. Шоссе проходило у самого дома, отделяясь от него палисадником, который с одной стороны обращался в сад, и тут же был одноэтажный уютный домик. По другую сторону шоссе были огород и небольшой фруктовый сад. Были 6 коров, 4 лошади и куры. Дома для служащих, сарай с экипажами. Мне очень стыдно вспомнить, что, когда Миинька, по научению Папа, меня встретила с хлебом-солью, я не умела скрыть слезы, до того дом мне показался безотрадно некрасив! Он был самой обыкновенной дачной постройки в 2 этажа. Внизу столовая, гостиная, передняя и кухня. Наверху 2 детские, наша спальня и кабинет. Я начала борьбу с клопами и успешно: тогда легко и дешево было перекрашивать и переклеивать. Во всем помогала дорогая т. Нелли, жившая с гувернанткой французенкой в маленьком доме в саду. Мы ничего не понимали ни по хозяйству, ни по чему, но рвение было без конца. Окружили себя книгами по всем отраслям хозяйства и давай применять.

Когда осмотрелась, очень большим мне помощником и опорой был наш приходской батюшка о. Алексей Вознесенский. Приход село Посолодино было в 7-ми в. и мы туда ездили в коляске и таратайке всей семьей и я пела на клиросе с несколькими прихожанами и псаломщиком-регентом. Наш хор был очень громкий и усердный. Богослужение было очень благолепно, благодаря о. Алексею. Он был совсем молодой батюшка, но во всех окрестностях о нем говорили крестьяне с благоговением, хотя он бывал с

ними строг. В одной деревне его прихода крестьяне очень пьянствовали и в церковь редко ходили. Он за это на Пасху совсем не пришел к ним Христа славить – и это их образумило. Он входил во все вопросы сельскохозяйственные и огородничные и делился с крестьянами своими сведениями. Мы всегда заходили к нему после Литургии, где хлебосольная матушка нас угощала чаем с пирогом, и тогда это было совсем заурядное дело! Их семья разрослась и, когда мы оставили Капканы, были 2 сына: Серафим и Костя (мой крестник) и девочка Нона, помнится. С нежной любовью вспоминаю особенно о. Алексея. Помещиков я не знала – их не было поблизости, но узнала по репутации граф. М.С. Татищеву и поехала к ней на поклон, хотя она жила далеко, по ту сторону станции Плюссы в своем имении. Она там жила почти безвыездно много лет и посвятила себя этой жизни среди крестьян и заведываньем имением. Сосед ее был очень богатый помещик, который только на лето приезжал и его имение было очень большое, что не помешало ему захватить часть ее владений. Она не захотела начать против него дело, за то крестьяне сами решили этот вопрос переставив обратно границы ее владений, и он успокоился. Для меня ее советы были неоценимы. К сожалению, я редко могла так далеко ездить на весь день, так как очень была занята и детьми и по хозяйству. К тому же я была беременна и роды ожидалось в июле, так что первое лето я и в церковь не ездила.

Роды у меня до сих пор бывали вполне благополучны, слава Богу, а тут в 8-ой раз оказалось не все нормально, так что пришлось выписать доктора из Петербурга, который настаивал, что к родам необходимо быть в городе и в начале июля Папуся меня сам повез да с такими предосторожностями правил.

точно я стеклянная. Как мы удивились, когда на вокзале нас встретил офицер с Полярной Звезды с докладом, что Папа ищут с утра по приказанию Государя, чтобы он немедленно явился на посланном за ним кан. лодке Войсковом. Папа тотчас же отправился, а я с нетерпением его ждала дома на Васильевском Острове. Наконец он вернулся с известием, что завтра чем свет выходит с Государем на Полярной Звезде в море навстречу Вильгельму, что это свидание тайное. Государь прибавил со своей обычной добротой: «Извинитесь за меня перед графиней и скажите, что я Вас не задержу!» Рано утром Папа ушел. 8-го, в Казанскую, день его рожденья, я была у обедни и, вернувшись, услышала звонок и поспешила ему навстречу. Он поднимался по лестнице такой разбитый. (Это бывало каждое плаванье с Царями, от сознания всей ответственности заверенных ему жизнью). Он и не помнил, что его рожденье. Рассказал, что встерча была назначена около одного острова. Они пришли туда к вечеру и ждали, что яхта Гогенцоллерн подойдет к обеду, но она медлила, а Государь, сознавал нетерпенье молодежи приступить к еде, особенно зная, что они ожидают чудные стерляди. Вот он и приказал садиться за стол (командир продолжал высматривать Гогенцоллерн). Только что доели стерлядей, как появилась яхта, был приостановлен обед и Государь вышел приветствовать Вильгельма. Как только они поздоровались, обед начали сначала, но уже без стерлядей. На другой день все были приглашены обедать на Гогенцоллерн. (На Полярной Звезде тоже обедали все офицеры с немецкой яхты). Свидание, с глазу на глаз, двух императоров было и вечером и на другой день с утра до обеда в час. После этого, распрощавшись, яхты возвращались к себе. Папа привез мне меню обеда

Гогенцоллерн, точно насмешка на все Царские тонкости гастрономического угощения: Hafersuppe (из овсянки суп) и язык с пюре гороховым и пр. Число блюд было достаточно, но все в таком вкусе.

Папа говорил, что только в присутствии двух людей он замечал, что Государь невольно не умел скрыть свою антипатию или недружелюбие – к Вильгельму и Витте, т.е. в их присутствии. Вечером того же дня на возвратном пути Папуся, видя Государя в одиночестве гуляющего по палубе, подошел к нему и они делились впечатлениями. Папа, между прочим, спросил, заметил ли Царь, как на Гогенцоллерн за обедом все офицеры были рассажены рядом с теми, которые на Полярной Звезде занимали соответственные должности, и каждому видно дан был приказ все расспросить по его специальности. Государь этого не заметил.

Наша Катя родилась благополучно 15-го июля. Была некоторая неправильность, но обошлось без доктора, все с нашей дорогой Мар. Ив. одной. Папа был приглашен во дворец к завтраку почти тотчас, и Государь спросил о моем здоровьи. Узнав, что ребенок родился, спросил – «Когда?» – «15 июля, Ваше Величество». – «И вы, конечно, его назвали Владимиром?» – «Конечно, нет, Ваше Величество!» – «Почему?» – удивился Царь. «Потому что это девочка». Папа был у Императрицы Марии Феодоровны, чтобы ей доложить, что ее крестница Катя родилась. Она нас поздравила как всегда очень сердечно и прислала мне прекрасную брошку «для Кати», как она сказала – большой граненый сапфир. Не пришлось моей Кате носить его. Крестные были дорогая тетя Нелли, заменяющая Императрицу и дядя Жорж Мин. Как только я была в силах, Папа меня так же бережно отвез в «Капкановку», где мы про-

жили до начала октября, когда он возвратился с Полярной Звезды из Копенгагена, а Императрица там еще оставалась пожить с английской королевой, ее сестрой, с которой была чрезвычайно дружна. После смерти датского короля, их отца, обе сестры получили от него в наследство по сумме денег, соответствующей на наши деньги по 200 тысяч. Они решили, что так как деньги были датские, то использовать их в Дании и вместе купить себе там дом. Так и сделали и недалеко от Копенгагена купили себе дачу Hvidor недалеко от моря, от которого их отделяла проезжая дорога и полоса земли по ту сторону дороги. Мечта Императрицы была жить на берегу моря и со временем она прикупила себе эту полосу, обратив ее в продолжение сада вокруг Hvidor, и соединила перекинув мост через дорогу. Однажды, скоро после покупки дачи, когда у нее гостил вел. кн. Михаил Александрович, она пригласила Папа с ней осмотреть дачу и все ему объясняла – какая комната на что предназначалась. «А это будет комната Миши!» показала она. Папа взглянул на Великого Князя, который при этом известии сделал недовольную гримасу. И он, и вел. кн. Ольга Александровна очень не любили поездки в Данию, которые так любили их родители. Показав все, Императрица спросила, нравится ли Папа и думает ли он, что она хорошо там устроится? «Нет, Ваше Высочество, я думаю у Вас будет много неприятности от прислуги, так как им очень будет тесно и советую Вам их поселить поблизости в отдельном доме». Так и было сделано. Как этот дом пригодился дорогой Царице, когда ей пришлось спасаться из России и там она скончалась все же у себя. Сестры поделили дом, взяв по этажу и решив, что каждая будет меблировать свой этаж из своего государства. Думаю, что у на-

шей Царицы все было лучше, нежели английская меблировка, так как преемник Папа на Полярной Звезде кн. Вяземский мне рассказывал, что однажды утром Императрица Мария Феодоровна за ним послала. Он застал ее на полу на четвереньках и она сказала: «Не удивляйтесь моему занятию; я на ковре и всюду пишу мое имя, так как моя сестра отбирает к себе все, что находит, что у меня лучше!»

Английская Королева приходила в Копенгаген на своей яхте Виктория и Альберт. Папа говорил, что она была куда скромнее Полярной Звезды. Обе сестры около месяца проживали сперва каждая на своей яхте, причем по очереди обедали и проводили время у друг друга, а затем переселялись прежде во дворец, а после в Hvidor и отпускали домой свои яхты. Обедали они только вдвоем, а на Полярной Звезде третьим был Папуся. Он рассказывал, что Королева была очень глуха и часто с опозданием подходила к обеду на Полярную Звезду, где Папа у трапа ее принимал, делая замечание о погоде, причем она всегда отвечала: «Oui, oui, je sais que je suis toujours en retard!» За обедом он, бывало, делал попытки с ней говорить, но Императрица махнет рукой говоря: «Все равно ничего не слышит!» А Императрицу она понимала. Они были вполне счастливы пожить вдвоем и, когда король Эдуард VII задумал своим посещением в Hvidor нарушить их tete a tete, они решили возможно скорее его сплавить и дали ему спать на диване, который по его полноте был настолько ему неудобен, что он через два дня съехал от них.

Когда Наследнику было около года Государь со всей семьей пошел в Шхеры на Полярной Звезде. Он, Императрица Александра Феодоровна и вся свита с утра отправлялись на охоту на берег, а все дети

оставались под присмотром очень преданной няни Марии Ивановны. Тогда Государь просил Папа к каждому из детей приставить по матросу, так как они могли бы при своей резвости как-нибудь расшибиться. Папа это исполнил, а к Наследнику приставил матроса Деревеньку, который приходил каждое утро учить гимнастике моих детей. Когда Царская Семья вошла на Полярную Звезду, Наследник был на руках Царя. Папа подошел, чтобы его взять на руки, а Государь говорит: «Он ни к кому от меня не идет!» и вдруг он потянулся к Папа и с той поры постоянно у него бывал на руках, так что Императрица Александра Феодровна сняла их так и мне прислала эту фотографию в рамке. Когда Царь с Царицей уезжали на охоту, Папа забирал на шлюпке всех Царских детей с няней, с Наследником и их матросами, и они съезжали на берег собирать бруснику, разводить костер и печь картошку. Все очень любили эти поездки. Папа любил детей и так умел с ними возиться. С вами всеми он проводил все свободное время. Царских детей он очень любил, особенно Наследника, а из Великих Княжен особенно вел. княжну Марию Николаевну, находя, что она напоминает Царицу Марию Феодоровну, которую он горячо любил. Слава Богу, что он не дожил до ужаса Екатеринбурга. Он рассказал, как однажды, сидя в своей каюте, он услышал, как вел. княжна Ольга Николаевна требовала от приставленного к ней матроса, чтобы он ходил на руках, как это делали очень ловко маленькие кантонисты. Матрос отказывался, а она ему угрожала, если он ее послушается. Тогда Папа вышел и говорит Вел. Княжне: «Разве так разговаривают с матросом?! Извинитесь перед ним и больше никогда этого не делайте!» Ольга Николаевна очень смутилась и больше это не повторялось. Когда кон-

чилося плаваньє, місяця два спустя, Государь вызвал однажды Папусю и говорит ему, что после плаваньє Наследник, уже начавший ходити, всё точно кого-то ищет и они стали думать не по Деревеньке ли он скучает? Поэтому нельзя ли им прислать Деревеньку, чтобы он состоял при Наследнике. Конечно желание Царя было исполнено и он стал дядькой Наследника, который очень его любил. Увы, в революцию он показал, что недостойн был этой любви, но до того и Царь и Царица очень ценили его.

Кажется в первый год назначения Папа командиром Полярной Звезды приезжал Вильгельм и Государь ходил с ним на Полярной Звезде в Кронштадт показывать стрельбу артиллерийских классов под командой адм. Рождественского, который славился как специалист этого дела и тоже славился своими требованиями к артиллеристам. Папа говорил, что маневры сошли великолепно, снаряды попадали в цель на полном ходу судов и заметно было, что Вильгельму неприятно было видеть такие блестящие маневры. Государь был очень доволен смотром, что и выразил Рождественскому и, желая отметить это, так как Полярная Звезда должна была идти в Данию с Императрицей Марией Феодоровной, он назначил адм. Рождественского ее сопровождать. Надо заметить, что наша Царица чрезвычайно не любила малейшей перемены в составе экипажа своей яхты, а тут Государь просто не успел ее предупредить и, конечно, думал и ей и адмиралу доставить удовольствие. Перед самым отходом яхты подходит катер и на нем Рождественский. Папа, конечно, был занят отходом яхты, как вдруг к нему подходит расстроенный адмирал и просит дать ему возможность вернуться на берег! Папа выражает полное недоумение, в чем дело? Тогда Рождественский рассказал ему: «Я являюся

Ее Величеству, говоря, что по приказанию Государя Императора назначен ей сопутствовать, а Императрица мне отвечает: 'Очень жаль!!' После этого я должен вернуться на берег!» Папа начал его уговаривать успокоиться, говоря, что тут какое-то недоразумение, которое выяснится без сомнения. И действительно, после обеда адмирал к нему подошел веселый и довольный, благодаря его, что он его удержал. Папа спросил, как разъяснился вопрос. Оказывается, во время обеда Царица его спросила: «Что вы мне сказали, когда явились на яхту?» – «Я сказал, что по приказанию Его Величества Вам сопутствую». – «А я что ответила?» – «Очень жаль!» – «Ах, я поняла совсем другое и очень жалею, что так вышло». – Все остальное плавание прошло при самых лучших отношениях.

1906 г. Меня удивляло, как в те годы вел. кн. Ольга Александровна и вел. кн. Михаил Александрович не любили поездки в Данию, где они всей семьей в детстве проводили как будто счастливое время, гостя у Дедушки и Бабушки со всеми двоюродными братьями и сестрами, с которыми были дружны, они оба не умели скрыть как ими тяготились. Однажды, Императрица поручила Папа доставить вел. кн. Ольгу Александровну из Копенгагена в Свинемюнд. Только что они туда пришли, во время завтрака Великой Княгине подают телеграмму, которую прочтя, она смеясь передала Папа: «Поздравляю с тем, что наконец выбралась – Миша». И она прибавила: «Хорошо, что я не получила при Мама!» Полярная Звезда была послана также с вел. кн. Михаилом Александровичем на коронацию Короля Гакона и тут они проходили фиордами, и Папа, избалованный 2-мя кругосветными плаваниями, был поражен их красотой. Во время Японской кампании Императрица не ходила в Копен-

гаген, а год спустя, когда шли переговоры о мире, который вел С.Ю. Витте, Штандарт со всей Царской Семей поехал на подводный камень и пришлось спешно пересаживаться на конвоир, яхту, а Императрица Мария Феодоровна, узнав о том, послала Полярную Звезду, чтобы на ней Царская Семья продолжала плавание в шхерах. Наследнику в это время минуло три года и офицеры Полярной Звезды к рождению его поднесли ему офицерский мундир Гвардейского Экипажа. Он был в восторге, когда на него надели этот мундир, только треуголка ему не нравилась и он ее сбрасывал на пол несколько раз. Государь сказал, что понимает его, так как сам очень не любит этот головной убор, и Наследнику подарили фуражку офицерскую. Папа говорил, что возвращение Витте после мирных переговоров ожидалось Государем с равнодушием. Когда же он по пути домой был принят с демонстративной любезностью Вильгельмом, (который, принимая его, снял с себя какой-то орден и им разукрасил Витте), все изменилось и его стали ожидать, как отличившегося в этом деле. Нам это не могло не удивить, зная нескрываемое чувство к Вильгельму Царя. Приехал Витте и до завтрака был принят Государем, а за завтраком сидел между Царем и Царицей. Он рассказывал о своей поездке, что начал с того, что телеграммой спросил ген. Линевица, ручается ли он за победу? Линевиц ответил, что ручаться не может. Он все же еще раз запросил его и, получив такой же ответ, решил пойти на переговоры. После завтрака все пошли кофе пить на палубу. Папа почему-то замешкался в столовой, как вдруг вбежал Оболенский, говоря: «Идите скорей! Витте делают графом!» Папа пустился бегом, говоря: «Хоть раз в жизни посмотреть, как это делается!» Но он застал только глубокий поклон Витте Царю.

Он был поражен глубиной этого поклона, так как раньше не видал штатских поклонов. Кажется в следующую зиму я обедала у моих Васильчиковых с ген. Линевичем, и я ему рассказывала о приезде Витте на Полярную Звезду. Когда я сказала о двух телеграммах, полученных им от Линевича, последний так взволновался, говоря: «Не может быть, чтобы он сказал Царю, что я ему такими телеграммами ответил!! Нет, я должен видеть графа, чтобы он сам мне это подтвердил!» Он был так расстроен, что я начала сама сомневаться, верно ли я запомнила этот рассказ и, вренувшись домой (какая всегда бывала радость возвращаться домой к Папа и вам), я повторила все Папа, и он сказал, что все верно и он бы тоже желал этой встречи. К сожалению, она не состоялась, так как недолго после этого ген. Линевич заболел и умер. Васильчиковы, будучи тогда на Востоке, говорили, что такая телеграмма была им послана. Ручаться в победе было тогда очень трудно.

Когда Папа вернулся из дальнего плавания, он был выбран ктитором нашего Николо-Богоявленского Собора. Настоятелем уже не был милый о. Григорий, а о. Николай Кондратов. Собор поразительной красоты, особенно верхний. Нижний весь в сводах, мрачный, оказывается по плану собора в Бари, где мощи Святителя Николая. Это я узнала от Государя. Оно не сразу было ясно из-за освещения. В Бари оно все светло, а у Николы Морского полумрак. Кроме чудотворной иконы Святителя в алтаре хранилась икона Святителя с приделанной к ней на груди колодки с орденами. Эту икону возили на парад в манеж, где парад начинался с молебна. Я была всего два раза на этом молебне – в первый год нашей свадьбы и когда Папа был назначен командиром Гвардейского Экипажа. Оно было чрезвычайно тор-

жественно. Проходили кроме Гвардейского Экипажа и другие части. Государь принимал парад, окруженный всей своей свитой, всеми Великими Князьями, поражавшими своим ростом и красотой. И сколько их было! А в двух ложах Императрица с Великими Княжнами и Великими Княгинями, а во второй мы все, жены офицеров. Как жена командира я должна была встречать Императрицу и Великих Княгинь с букетами, и Папа, зная мою способность путать, прикомандировал ко мне одного из наших офицеров, который мне говорил, какая подъехала Великая Княгиня. После парада все офицеры приглашались на завтрак во Дворец. Папа был тоже выбран секретарем Морского Благотворительного Общества, председательницей которого была старенькая адмиральша Шкотт. Это доедало Папа, но он добросовестно ездил на заседания, хотя уверял, что уйдет в дальнее плаванье, чтобы отделаться. Он устраивал балы и выставку подарков французов русским морякам для Морского Благотворительного Общества и был очень деятелен, хотя он и тяготился этим.

Мы с Папа готовили нашего Мишеньку в I-ый Кадетский Корпус, так как к нашему обоюдному горю наш друг Ник. Онис.. окончив университет, получил место в Новгороде, где жила его семья. Премники его (Ольга Клем. и Вит. Вит.) были неудачны. Эли училась в гимназии Ведомства Императрицы Марии. Программа на поступление в Корпус была несложная. В. Кн. К.К. сам указал Папа на этот корпус, как на лучший, и он был на нашей 1-ой линии Васильевского Острова. Он был принят на казенный счет и в августе я его туда отвезла. Для меня это было переживание, не смела назвать горе – первое расставание со своим ребенком. Но никто о том не знал, только когда зашла к о. Николаю, он так

сочувственно ко мне отнесся, что я не удержалась от слез. Я осталась, чтобы навестить Мишу первое воскресенье, чтобы узнать, как он освоился. Им еще мундир не дали. Пришли все мальчуганы в приемную к матерям и большинство сели на колени матерей и все поближе к ним. Мой Мишенька уткнулся головой в стену и так и простоял весь приемный час, отрывисто отвечая на мои вопросы. Милый его воспитатель кн. Химшиев предупредил, чтобы гостинец им привозимый съедался тут же, иначе другой класс, постарше, все отбирал. Когда прием кончился, большинство матерей за руку отвели плачущих при расставании вояк к воспитателю. Миша сдержанно простился, и я смотрела ему вслед и видела, как двое кадет следующего класса остановили его, надеясь отнять лакомства и терроризированное выражение моего Миши, какого раньше не видала. Я узнала после, что он младших никогда не обижал. Осенью он приехал к нам в «Капканы» в мундире уже, но не освоившись еще с непривычным стоячим воротником держал голову необычайно высоко. Мы все гордились нашим кадетом и Сережа особенно, и как чинно он теперь сидел за столом, не то что другие. Я так любила их веселье, что когда не было посторонних давала им шуметь. Сережа с Иванушкой почти ежедневно приносили большую корзину белых грибов. Мои владенья славились грибами и клюквой.

Первое время я их не могла обойти из-за множества торфяных болот, но наняла канавокопателей и через 4 года все могла обойти. Изучила вопрос торфа, выписала из Курской губ. мужичков специалистов, и они мне объяснили, что слой торфа небольшой 1 1/2 арш. и качеством он неважный, так как в нем много золы. Я все же на том не успокоилась и мы с т. Нелли копали и резали торф для просушки

и, когда наступила осень, я позволяла топить лишь торфом. Было холодно, хотя он горел, и я убедилась в верном диагнозе Курских мужичков. Живи мы там дольше, было бы легко все осушить канавами. Мы построили ледник и курятник. Папуся на свои выигрыши в карты купил мне прелестный шарабанчик. Д. Боря подарил пару свиней, и пару овец. Как мы всем хозяйством интересовались! Папуся в свои приезды принимал большое участие особенно в плодовом саду, где посеял пшеницу по Демчинскому. Его постоянный помощник был Сережа. Мы с Батюшкой успешно лечили крестьян главным образом гомеопатией. Отношения с ними были совсем хорошие и я с нежностью вспоминаю годы там проведенные. Кажется мы три или четыре лета там провели. Вероятно в 1907 г. осенью, кажется на Воздвижение, было освящение возобновленного старинного храма в Посолодино, и приезжал архиерей освящать. Мне нездоровилось и дети поехали без меня. Погода очень испортилась, пошел снег и метель и я с тревогой ждала детей. Когда они подъехали, глядя на Сережу, какой он шел изнуренный, я с ужасом подумала – нет ли у него сахарной болезни? И стала его расспрашивать и следить за ним, и поняла, что он ею болен, а вернувшись в Петербург, анализ это подтвердил, и мы уехали в Вену втроем с т. Нелли к проф. Нордену.

Мы поехали, кажется, в конце октября и сперва остановились, по рекомендации, в какой-то очень странной гостинице, где собиралась веселая публика и музыка гремела. Мне все вспоминались слова псалма: «Господь хранит пришельцы». Мы никого не знали в Вене, и к тому же я заболела и лежала с жаром. Просила т. Нелли пойти в нашу церковь и познакомиться со священником. Она вернулась под

лучшим впечатлением от него. Это был о. Александр Николаевский, который до Вены много лет был священником в Ревеле. Думаю, что из знавших его, никто бы не мог когда-либо позабыть его. Мы все трое уже не чувствовали себя одинокими. На другой день он нас посетил и нашел, что мы в очень нежелательном месте. Кажется Норден указал нам другой пансион. Лечение Сережи шло под наблюдением ассистента Нордена, д-ра Саломона. Оно состояло только из диеты. По утрам овсянка, с вечера размоченная в воде, с маслом, потом яйцо, обед, до ужина еще еда. Хотя лечение не помогало Сереже, но я рада была узнать, как много больным разрешалось, а при обострении им давалось все, что они захотят. В то время я была беременна и просила его и меня осмотреть, не имеет ли болезнь источник во мне, но он этого не нашел и сказал, что я могу и кормить ребенка. Он спрашивал через Саломона у т. Нелли не состоим ли мы с Папа в близком родстве или не был ли кто из двух большим кутилой? Так его удивляла болезнь второго ребенка. Мы постоянно по воскресеньям бывали у дорогого Батюшки, и даже Сережа вместо кинематографа предпочитал к нему идти, хотя были одни Батюшка с Матушкой. Они всех своих детей похоронили в Вене, где климат очень резкий. Наш храм был чрезвычайно красив, и богослужение необычайно благолепно. Батюшка, с его редко прекрасной наружностью и прекрасным голосом, так подходил к этому храму, а его слова поучения прямо проникали в душу. С горячей любовью мы его вспоминали, когда он в Великую войну скончался. Я была поражена насколько Вена отстала от Петербурга и Москвы. Сереже прописаны были томаты и икра. Первых помину не было, а у нас круглый год. Икру с каким трудом нашла. Норден меня пригласил не-

дель через шесть и сказал, что испробовал на Сереже свое лечение и теперь советует вернуться и дома продолжать его. Он дал мне книжку с подробным указанием диеты. Я узнала, что у него тоже на Ривьере лечебница и думала было туда везти Сережу, но он мне сказал: поверьте, что нигде он не будет питаться лучше, чем дома! Как я ему была благодарна, что последние месяцы он провел дома. Он был такой кроткий тихий ребенок. Никогда не приходилось его наказывать или бранить.

Папа брал с собой на Полярную Звезду по очереди всех трех старших. Они жили с ним в каюте и, когда он бывал занят, обучались столярной и с юнгами и были под присмотром дорогого фельдшера Антонова. На Коти все смотрели как на взрослого, а Сережа поражал своим примерным поведением. Как они любили это время, а Антонов остался лучшим другом Миши и Сережи. Когда мы узнали, что Сережа болен диабетом, мы с Папа решили его отвезти к Троице-Сергию, к мощам его Ангела. Нас приняла в дом Призрения мой друг Ек. Ив. Гончарова, заведующая, и мы с Сережей там поговели. Она настаивала, чтобы я с ней съездила в Зосимовскую пустынь просить схимонаха о. Алексея помолиться о Сереже, и мы с ней туда поехали. Он проводил всю неделю в затворе, выходя к посетителям в субботу и уходя в понедельник обратно. Это было в субботу. Я была приятно поражена маленькой пустыней, всей обсаженной клумбами цветов, несмотря на осень. Лицо о. Алексея мне показалось знакомым и вероятно оно так и было. Он мне рассказал, что женившись поступил диаконом в Успенский Собор, а причт оттуда служил в нашем домашнем храме. Вскоре после рождения сына он овдовел, и только когда сын стал студентом исполнил свое желание – принять

монашество. Он сердечно отнесся к болезни Сережи и к моей просьбе о нем молиться, но сказал мне: «Лучше отдайте его Богу с его кристально чистой душой. В этом горе всякий Вас пожалеет и отзовется на него. Есть другое горе, тяжелей, когда приходится от всех скрывать его». Он непременно хотел Сереже что-нибудь послать и набрал несколько маленьких книжек изд. Троицких Листков для него. Я знала, как Сережа мало интересуется чтением и очень была удивлена, когда, просыпаясь утром, видела Сережу с удовольствием их читающего. О. Алексей был тот схимник, который при выборе Патриарха вынимал жребий.

Кажется в этот же год Папа был назначен командиром Гвардейского Экипажа и мы переехали жить в казармы. Тут было большое помещение: у Папа рядом с канцелярией кабинет и уборная, гостиная, зала, столовая, буфет, для детей 4 комнаты и 2 ванны. Три мальчика помещались вместе: Миша, Сережа, Иванушка. Часто думаю, как тяжело было Мише, когда он остался один. На Рождество мы состряпали Сереже пряников с особенной мукой и кристаллом слаще сахара. Ему подарили поезд с рельсами и станцией, и он был очень счастлив. В Крещение, когда все ушли на елку юнгов, он с Андрюшей Толстым, его другом, для Паши и Кати пускал домашний фейерверк. Оказался дым и смрад от этой рекламы, но они весело провели время. Болезнь ухудшалась. 13 января около 10 часов наш ненаглядный мальчик тихо скончался. Иванушка, его особенный друг, был тут и, когда все кончилось, я его застала одного в гостиной. Слезы тихо у него лились. Он ни слова не сказал. Чувствовал ли, что не надолго он переживет своего воспитателя.

20-го декабря скончался дорогой батюшка

о. Иоанн Кронштадтский.

Мы провели семь лет в Гвардейском Экипаже. Эли и Миа проходили курс гимназии Ведомства Императрицы Марии Феодоровны на Васильевском Острове (Миа кончила с серебряной медалью). Миша в I-ом Кадетском корпусе. Остальные дома учились. По французскому языку мы имели Mlle Stampel. Она стала одной из самых мне близких людей, и педагог выдающийся, хотя по ее необычайной скромности в России мало кто ее знал. 16-ти лет она поступила к граф. Толстой в Симбирской г., чтобы поддержать во Франции мать, а когда та умерла, то чтобы дать воспитание многочисленным племянникам и племянницам. Помогла всем стать на ноги, а одну выписала в Россию, где она поступила гувернанткой под ее руководством. Mlle Jeanne Stampel стала как родная ее дочь, сознавая, чем была ее Тетя. В моей долгой жизни они выделяются как праведницы и сколько они мне помогли. И Mlle Stampel и милый учитель русского Ал. Ив. сидели при умирающем Сереже, который их любил. Двое суток он угасал в полусознании, и тихо, тихо отошел 13 января. Папа с Минькой поехали его хоронить в Москву. Дорогая Императрица Мария Феодоровна прислала крест из чудных белых роз на его могилу. После его кончины Папа и я не захотели вернуться в Капкановку, где все напоминало, что нет его больше с нами, и мы решили ее продать и нанять дачу в Мерекюле недалеко от Нарвы на берегу моря. Капканы мы продали без убытка одному Семеновского полка офицеру, который нам написал, что это точно «игрушечка», так он был доволен!

Мы тоже были довольны красотой и морем Мерекюля. Дача была поместительная, но первобытная в смысле мебелировки. Местность и окрестности пре-

лестны. Я находила впоследствии большое сходство с Сочи! Прогулок было много и всюду благоустроенные кафе, куда часто по утрам Папа водил Пашу и Катю пить кофе, а я по привычке спала беззаботно до 9 ч. Теперь с тоской сознаю, как много я в жизни проспала и сплю. Эли приехала к нам окончив гимназию, но как-то не думалось, тогда, что надо ей служить, и выезжать зимой. Местечко Мерекюль состояло из дачек, разбросанных по роще на берегу моря с чудным песчаным *plage*'ем. Купанье было чудесное, но тепло продолжалось недолго. Дачи были на удобном расстоянии друг от друга. В роще была Православная церковь и Протестантская. Молодежь очень приятно проводила время и на теннисе и на прогулках. Мы провели там два лета, а затем стали ездить в Гапсаль, который считался очень целебный по своим грязям и климату. Эли часто жаловалась на боль в ноге, у меня повторялось *lumbago*. Я не писала, что после кончины Сережи родился наш Павлуша. Мы его назвали во имя великого Апостола, как Сережу во имя преп. Сергия. Я тосковала по моему Сереже, с которым была очень близка. Он был такой любящий, кроткий, тихий ребенок. И раз вижу во сне, что стою я на берегу моря в Мерекюле и спускается ко мне сверху по высоким песчаным холмам мой Сережа и мы бросились в объятия друг друга. Он был здоров и весел. Не помню нашего разговора, но он спешил подняться, как пришел. Я к нему бросилась, говоря: «Сережа, благослови меня!» Он остановился, поднял руку, как бы для благословения, но опустил и нагнувшись ко мне, улыбаясь полу-лукаво, как когда бывал очень весел, ответил: «У тебя и так много благословений!» и исчез. Так и осталось мне не понятно, но тяжелая тоска прошла.

1909 г. О Жизни в казармах Гвардейского Экипа-

жа у нас осталось очень много очень хороших воспоминаний. На Рождество в каждой роте бывала своя елка, матросы давали представление и мы с детьми были неизменными посетителями. Чувствовалось, точно мы все одна большая семья. Часто устраивалось по вечерам чтение для матросов, куда мы оба со старшими детьми ходили. Большею частью читали рассказы Л.Н. Толстого, и хорошо читали. Еженедельно мы приглашали к обеду по два офицера с женами и дежурного офицера, и тогда Папа брал на себя заказывать обед и закуски, говоря, что я в этом деле ничего не понимаю. Однажды после кончины Коти зашел к Папа вечером. Николай и затем ко мне пришел, дети сидели со мной. Он сделал замечание о бледности Иванушки (он правда с рождения был бледен, хотя не болел) и когда дети ушли спать, он мне рассказал, что видел во сне старца, который ему сказал, что мы похороним наших троих сыновей. Я подскочила от негодования, услышав это (теперь неясно понимаю, отчего я так рассердилась на него), говоря: «Одного сына я отдала Богу, другой болеет, неужели уже предрешена участь третьего, и Господь неумолим!? От Него я все приму, но верю, что Он может услышать и принять мою молитву». О. Николай жалел, что вызвал мой гнев. Он был очень снисходителен ко мне и терпелив со мной, а я бывала очень резка.

Кажется в 1910 г. я поехала первый раз в Саров с С. Дм. Рейер, нашей экипажной дамой. По железной дороге было около 15 часов езды с пересадкой в Нижнем Новгороде, а там от малой станции на лошадях 60 верст до Сарова. На пути было имение Карамзиных Макателемы, принадлежащее тете Кате Клейнмихель, которая нам предложила там отдохнуть. Не пройдешь молча это имение – память пра-

ведников. У историографа Н.М. Карамзина было три сына (все были бездетны и потомство было только у моей бабушки, старшей его дочери, кн. Мещерской, которой старший сын Ник. Пет. Мещерский был мой отец). Хозяин Макателемы, Алекс. Ник., был блестящий гвардейский офицер, веселый, красивый, «душа общества» и легко писавший стихи. Он написал, (она была напечатана и раскупалась) поэму – подражание Чайльд Гарольда Байрона (такова была мода). Он с женой редко выезжал из Макателемы, но в Москве помню их прекрасно. Высокий, статный, настоящий богатырь, седой, с короткой бородкой. Такой обаятельный, приветливый. Он был славянофил и ходил всегда в синей шелковой русской рубашке, в поддевке, в высоких сапогах.

Однажды Государь Николай I в гостях у Авр. Карл. Карамзиной (невестки Ал. Ник.), увидав у нее эту поэму сказал: «Передайте Ал. Карамзину, что стыдно сыну Ник. Мих. писать такую дребедень!» Алекс. Ник. скоро после этого вышел в отставку и поселился в Макателемы, где раньше никто из семьи не жил. Он поселился в избе, из которой впоследствии, по мере надобности, пристраивал помещения, и, когда женился, то к избе даже пристроил маленький зимний сад. Он стал во все вникать и в быт, помощь крестьян и во все общественные вопросы. Он женился на кнж. Нат. Вас. Оболенской. Они горячо любили друг друга и она ему помогала сколько могла, но постоянно болела, и он с такой любовью ее выхаживал и, пережив его на много лет, как она поддерживала ими основанную благотворительность. Они построили на кладбище церковь, школу, приют, две богадельни, больницу, приемный покой. Я там была 18 лет после кончины тети Нат. Вас. Все дышало их памятью, точно вчера их не стало и с какой

благоговейной любовью их вспоминали все. Тетя Клейнмихель редко там бывала. Нас принимали старослуж. и как все было прекрасно в смысле чистоты, порядка и как вкусно, как будто нигде!

На другой день мы продолжали путь, оставалось 30 верст. Проезжая Понетавский женский монастырь, мы пошли в Собор, где главная святыня была недавно написанная одной из монахинь прекрасная икона Знамения. Весь монастырь был недавний и говорили, что хозяйство там процветало. Он был много меньше Дивеевского. Подъезжая к лесу громадных сосен, где Саровский монастырь, всякий раз я чувствовала великое смущение, что казалось так трудно собраться в такую даль, а на деле как оно легко. А по пути и вдоль железной дороги непрерывно шли пешком богомольцы – женщины почти все в сарафанах. Как это было красиво. Мы приехали прямо ко всеобщей накануне Успенья, Престольный Праздник. Нечего говорить, какое было торжественное Богослужение. В монастырской гостинице нам отвели чистую комнату, все просто и аккуратно. На другой день после Литургии, осмотрев в монастыре все, что оставалось как память о Преподобном (всего больше сохранилось в его двух пустыньках в лесу и в Дивеевском монастыре) и пообедав, мы поехали через Дивеево назад в Макателемы. В Дивееве нас так ласково приняли монахини и показали свои святыни: большой собор и в нем чудная икона Умиление из келии Преподобного, перед которой он всегда молился; келия, в которой он скончался, которая в здании церкви и где день и ночь читают псалтирь и лежит раскрытая с обгорелыми листьями книга, перед которой он скончался; тут же, у входа, на двери его портрет по пояс масляными красками, писанный с природы и совсем мало напоминающий иконы его, а между тем в Ди-

вееве школа иконописи. С. Дм. непременно хотела навестить блаженную Пелагею, которая, говорили, предсказывала. Я не хотела идти, да и Дедушка Толстой просил меня никогда не ходить к предсказателям, даже с такой репутацией.

Старшая монахиня слышала наш спор и, когда мы с ней остались вдвоем, она мне сказала: «Идти или не идти к Пелагии Ивановне ваше дело, но не подумайте, что она какая-нибудь такая. Она более 10-ти лет провела в лесу одна. Говорят наш Батюшка (преподобный Серафим) ее постриг в тайный постриг. Теперь она уже не выходит из келии, а все знает, что у нас делается; если даже сестра плюнет туда, куда не следует, и то обличит!» Такое впечатление оставила на меня эта матушка: она, кажется, была и неграмотна, а столько величия было в ее простоте, во всем ее облике. Она в молодые годы ходила со сбором через всю Сибирь! (тогда железных дорог помину не было). Я спаршивала ее, каких о том больше было воспоминаний – хороших или дурных? «Хороших», – отвечала она. Родственница ли я писателю Толстому, спросила она. Я уверена, что он ее интересовал только, как христианская душа. «Нет!» – резко ответила я. Прости меня, Господи, за такое подлое отречение, о котором до конца жизни больно вспомнить. Она отвечала: «А ведь Вы знаете, что всякого грешника Господь может спасти!» Я была опять в Сарове и Дивееве с Иванушкой после смерти Льва Николаевича, и опять Матушка меня спросила, не родня ли ему я? «Да, через мужа». – «Здесь проезжала монахиня из Шамордина, где живет сестра Льва Николаевича, и она рассказывала, как Толстой перед смертью приехал в Оптинскую Пустынь к старцу, кажется Варсонофию, и все гулял под его окном, не решаясь войти к нему. Будь это

наш Батюшка о. Серафим – говорила Матушка, – он бы сам к нему вышел, поклонился ему в ноги и никакая гордость в нем не устояла бы. Но нечистый попутал старца, и он его ждал к себе, и только как ушел Толстой, он бросился за ним, да было поздно – его увезли!».

(Продолжение следует)

«ВЕЧЕ»

Независимый русский альманах

В Европе

цена отдельного номера

12 нм

подписка на 4 номера

40 нм

В Америке и др. заокеанских странах

цена отдельного номера

7 ам. долл.

подписка на 4 номера

25 ам. долл.

Чек или почтовый перевод
просим направлять:

**RUSSISCHER NATIONALER
VEREIN (RNV) e. V.**

8000 München 2, Theresienstr. 118-120
(West Germany)

ВЕСТИ ИЗ ИЕРУСАЛИМА

Наша православная общественность несомненно заинтересована знать, как в настоящее время протекает жизнь наших монастырей в Святой Земле. Желая ответить на запросы верующих, поддержкой которых еще и держатся наши святыни в винограднике Христовом, постараемся время от времени оповещать их о наших радостях, скорбях и насущных нуждах.

На попечении Русской Духовной Миссии в Иерусалиме состоят следующие святые места: Елеонский Спасо-Вознесенский женский монастырь, Гефсиманская женская община с храмом св. равноапостольной Марии Магдалины, Вифанская община Воскресения Христова, место у Мамврийского Дуба в Хевроне и Миссийский сад в Иерихоне. Миссии также принадлежат отдельные участки.

В Елеонском монастыре в Иерусалиме числится 43 насельницы во главе с игуменией Параскевой, из коих 24 монахини, 8 инокинь, 10 послушниц и 1 трудница. Трудоспособных из этого числа только две третьих. В воскресенье 9 марта скончалась послушница Мария. В больничке 4 болящих; старшей монахине Вере – 106 лет.

В Гефсимании 23 сестры; 4 из них инвалиды по болезни. Общину возглавляет игумения Феодосия.

В Вифанской общине уже много лет существует школа, в которой учатся 250 детей. Администратор

– монахиня София.

Ощущается острейший недостаток священнослужителей. Духовные нужды сестер окормляют и ежедневное богослужение совершают в трех храмах три священнослужителя: архимандрит Нектарий, игумен Мефодий и игумен Андроник. По штату здесь необходимо иметь шесть служащих. Начальник Миссии служит поочередно в разных местах.

Критическое положение создалось у Дуба Мамврийского. Здесь скончался 12/25 января игумен Игнатий. Остался один единственный ревностный монах Георгий, на котором лежат все заботы по сохранению и поддержанию этого святого места. В среду 5 марта на могилке о. Игнатия было соборно отслужена панихида, после которой была предложена молящимся поминальная трапеза.

Не менее тяжелое положение создалось и в Иерихоне. Здесь имеется хороший двухэтажный дом с часовней и сад с фруктовыми деревьями. К сожалению, все это в полном запустении. Нет человека, который бы молился здесь и привел участок в порядок. Предстоит большой расход по ремонту каменной ограды вокруг сада. В настоящее время мы подыскиваем сторожа, и скоро возьмемся за приведение часовни в порядок.

Во вторник 4 марта в Святую Землю прилетел архиепископ Лос-Анжелосский и Южно-Калифорнийский Антоний в сопровождении вновь назначенного и.о. Начальника Миссии, которые были радушно встречены в обителях Миссии. Приехавшие нанесли визиты официального характера, а также посетили Миссийские учреждения. 13-го марта, после напутственного молебна, Владыка Антоний отбыл в свою епархию в Калифорнии. До него отбыли из Миссии

временно уполномоченные представители Архиерейского Синода, до прибытия начальника Миссии, протоиерей Владимир Скалон (Аргентина) и священник Михаил Арцимович (Франция).

Теперь поведаем о насущных и неотложных нуждах нашей Миссии в Святой Земле.

В первую очередь нужны священники и желательно было бы иметь диакона. Службы здесь благолепные, уставные и несомненно доставят много духовного утешения тем служащим, которые нашли бы возможным помочь святому делу. А служить непосредственно на святых местах, где жил и учил Христос, доставляет такую духовную радость, с которой несравнимо ни одно переживание служения у престола Божия.

Главная и постоянная забота Миссии состоит в поддержании храмов и многочисленных зданий монастырей. Особенное внимание придется обратить на ремонт келлий, в которых живут сестры. Кое-что начали ремонтировать: укреплены железные двери в храме Елеонского монастыря, заказаны перила для солеи, оборудован гараж для миссийского автомобиля. начался вывоз мусора, собиравшегося годами. На Елеонской колокольне дал трещину колокол. Его нужно заменить новым. Необходимо установить защитительные решетки вдоль винтовой лестницы, заменить карнизы и т.д.

Миссия должна обосноваться на Елеоне. Нужно оборудовать хотя бы скромную канцелярию. Помещение подходящее имеется, но требуется ремонт, инвентарь и рабочая сила. Нужен небольшой автомобиль. Необходимы средства для модернизации больнички. Очень трудно работать в сыром здании, в стесненных условиях. Для передвижения престаре-

лых нужно приобрести несколько так называемых «walkers».

Нужен человек, который смог бы составить планы трех кладбищ и привести в порядок таблички на могильных крестах.

В настоящее время длится процесс о взаимоотношениях Русской Духовной Миссии и Православного Палестинского Общества и о компенсации от Израильского правительства за отчужденные земли. Пока суд да дело, а сестрам надо жить, их нужно питать, одевать, обувать, лечить. В прошлом году каждая сестра получала пособие от Миссии в размере 67 американских центов в месяц! Нашей первой заботой было обратить внимание на это абсурдное положение. За февраль Миссия выдала каждой сестре по 20, а священнослужителям по 50 американских долларов. Поддержание хотя бы этого небольшого пособия будет зависеть от притока средств.

Миссия существует на добровольные пожертвования наших верующих в зарубежье и особенно прежних паломников. Посему мы берем на себя смелость обратиться к сердцам наших добрых православных людей. Лучшая помощь выразится в ежемесячном пособии для Миссии. Если прихожане в наших приходах могли бы ассигновать по 5 долларов в месяц с человека на содержание Миссии, это позволило бы нам сохранять святыни, молиться ежедневно о здравии нуждающихся в молитвах и об упокоении отшедших близких наших, и даже содержать достояние Церкви Русской – наши участки и собственность в Святой Земле. Главное, чтобы помощь поступала регулярно. Жертвователи могут быть уверены, что все пожертвования пойдут на сестер и на содержание нашего имущества, и на них только. Заранее прино-

сим всем жертвователям сердечную благодарность и призываем на них благословение Божие.

Пожертвование следует направлять чеками или наличными в адрес Миссии:

Russian Ecclesiastical Mission in Jerusalem
P.O. Box 20164
Jerusalem 91200
Israel

Св. град Иерусалим
13/26 марта 1986 г.

*Наша
Вести*

Издание Союза Членов Русского Корпуса
Редактор Н.Н. Протопопов

Адрес: Nashi Vesti
P.O. Box 5741
Presidio of Monterey, CA 93940

Подписка: \$12.00 в год.

В.Д. Соколов-Самарин

ОБРАЩЕНИЕ К РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ

Дорогие друзья! Соотечественники!

В последнем номере (за декабрь 1985 г.) «Новостей» Конгресса Русских Американцев (КРА) дано краткое сообщение о моем «деле».

В сообщении этом говорится следующее:

«Львиная доля расходов по этому 'делу' была оплачена из средств Фонда защиты прав человека КРА. Предвидя дальнейшие расходы при возможной апелляции одной из сторон, просим всех членов и друзей (КРА) продолжать жертвовать в этот Фонд».

Не так давно казначей КРА сообщил мне, что, в связи с оплатой последнего чека адвоката (около 25.000 долл.), средства Фонда исчерпаны.

Принося глубочайшую благодарность Главному Правлению Конгресса Русских Американцев, создавшему Фонд, принося глубочайшую благодарность всей русской эмиграции, оказавшей уже мне и моей жене всемерную моральную и материальную поддержку (без этой поддержки на нас давно бы обрушилась финансовая катастрофа), принося глубочайшую благодарность каждому – другу, знакомому и не знакомому русскому эмигранту, – обращаюсь снова ко всем с просьбой о финансовой поддержке.

И я, и жена моя горячо верим, что эта поддер-

жка будет оказана – и этой верой будем жить.

Всем, кто откликнется на наш призыв, – земной поклон!

Февраль, 1986 г.

С сердечным приветом,
В.Д. Соколов-Самарин

Чеки или почтовые переводы («Мони-Ордера») просьба выписывать на:

C.R.A. – Civil Rights Defence Fund

И посылать по адресу:

Congress of Russian Americans, Inc.
P.O. Box 818
Nyack, N.Y. 10960

ЧАСОВОЙ

Орган связи
Российского Национального Движения
под редакцией В.В. Орехова.
ПЯТИДЕСЯТЫЙ ГОД ИЗДАНИЯ

Головая подписка: страны Бенелюкса 500 б. фр., США и Канада 20 долларов. Воздушная почта в Америке дополнительно 3 доллара в год.

В. Orekhoff, 26 avenue Everard,
B 1190 Bruxelles (Belgique)

КОЛЮЧКИ

Можно было бы назвать этот рассказ «Из прошлого» или «Контрасты», или более претенциозно «Небо и земля» или «Из размышлений летчика» и так далее. Но я назвал его иначе по причинам, которые станут понятными из дальнейшего.

Мы с женой Сю живем в штате Алабама. Дичь здесь порядочная. По некоторым дорогам можно ехать километр за километром и не видеть ни одного встречного. Алабама – юг, но не все люди назовут его благословенным. Многие находят, что летом здесь слишком жарко и непереносимо влажно и мгла висит клочьями над землей, да и торнадо нападают вдруг, а зимой слишком много дождя. Снег здесь редкость, что в чисто русских натурах вызывает бурю протестов. Все это так, все это бесспорно, и вероятно выглядит ужасно.

Но мы здесь прижились. Как-то душа более не стремится к холоду. И нам здесь нравится – так, как оно есть. А недостатки – ну где их нет! Здесь тепло, и слава Богу.

Мы оба работаем. То есть главным образом Сю, а я ей помощник по силам. Мне бы по возрасту давно пора на покой, но как-то не выходит, да я и не жалуясь. Мы работаем для слепых и со слепыми. И я часто удивляюсь сколько в этой маленькой Сю мужества и отваги, чтобы, будучи сама слепой, нести надежду и помощь другим. «Господь умудряет слепцы...» И от этого тоже тепло...

Многие посмеются вероятно – я не обижусь – но я в весьма почтенном возрасте научился пилотировать и стал летчиком. Летчик я, правда, самый желторотый – ни Линдберг и ни Чкалов – а так еле-еле... но тем не менее «сбылись мечты сумасшедшие», мечты юности далекой, романтика молодости... Даже приобрел самолет какой-то допотопный и назвал его Ильюшкой. Это дает нам возможность отдохнуть, забыть на время окружающее, обычное и не всегда радостное, уйти далеко, далеко в голубые дали и сравнивать.

Хочу немного пояснить, что я понимаю под этим последним: – сравнивать. Земля сверху в хорошую погоду такая чистая, беспредельная, свежая; все выглядит иначе. Лесные массивы кудрявее, горы ребристрее, вода озер искристее, вся зелень зеленеет сильнее... Тень от Ильюшки бежит вольно не задерживаясь и по зелени, и по воде, извивается через горы, то уменьшаясь, то увеличиваясь в размере и четкости, как бы радуясь всей этой красоте, созданной для людей. Пьешь эту красоту и не можешь напиться ей. Люди сверху невидны. Но кажется, что и они должны раствориться в этой красоте, найти радость в ней, нести эту радость другим и утешение в печали, быть хорошими, чистыми, милыми, добрыми, всецеляющими и вселюбящими... Как в сказке!... И душа радуется. И с такой восторженной душой идешь на посадку...

Шины взвизгнули по асфальту и... хлоп!... и наивная сказка кончилась. Люди совсем не то, чем они представлялись с высоты в своей невидимости. И начинаешь сравнивать.

И думать. И спрашивать. Почему?... Почему должен быть такой контраст между тем, как хотелось бы чтобы было, как могло бы быть, и тем, как

оно есть на самом деле? Почему? Почему это так?

Почему надо жить так, как мы живем? Почему столько преступлений кругом? Почему зависть, обман, жадность, грубость? Почему пошлость, рыгательное пьянство, бесстыдство и разврат, разврат до отвращения? Почему себялюбие и отталкивание локтями в первую очередь, а любить своего ближнего это только для наивных и недалеких, и хорошо только в проповедях церковных, да и то не всегда? Почему, чтобы жить, надо ненавидеть, а не любить? Почему?

Разве голубое небо над Россией не создано для любви? Разве оно не создано, чтобы под ним «радоваться с радующимися и плакать с плачущими»? Разве под этим небом угасла, иссякла любовь? Любовь про которую сказано:

Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине... (1Кор. 13, 4-8).

Не радуется неправде. Лежит наша Россия среди гробов, израненная, истерзанная, и с когда-то голубого неба падают и падают на нее крупные, тяжелые капли крови, смешанные со слезами замученных во имя неправды...

Кто на ее замученном теле сегодня сорадуется истине? Надо лгать, лгать, лгать правителям, «великим вождям и учителям», соседям, родственникам, мужу, жене, детям и самому себе...

И пляшут, пляшут на ее груди свой кромешный кровавый трепак творцы неправды под сенью красного флага удушения истины...

Перед этой трагедией разве не должны поблек-

нуть окружающие и волнующие нас на Западе непонимание, черствость, эгоизм, тупой материализм, смешение понятий антикоммунизма с антируссизмом и про-китайщиной?

Перед этой трагедией разве не должны поблекнуть в нашей эмигрантской среде все бесконечные споры и ссоры о том, кто и чем виноват, где причины революции, в чем провал белого движения, монархия, республика? . . .

Не легко нам. А в будущем будет еще тяжелее. Безысходно кажется иногда . . .

А уж, когда Алабама расплчется, и по стеклам диагоналями потекут струи дождя и окрестность исчезнет в серой пелене, а деревья поплывут за окном как призраки, то не только наш мудрый черный ворон, который живет с нами уже семнадцать лет, нахохлится, но и мы с Сю пригорюнимся. И тогда я рассказываю ей про колючки. И мне захотелось и вам про них рассказать.

* * *

Я собирался бежать. И сказать «прощай» всей этой ленте лагерей для военнопленных по восточному берегу Италии.

Сидел перед рядами свернутой рулонами колючей проволоки и в какой-то степени в роли Гамлета думал: «Быть или не быть?» Впрочем, это не совсем так. Бедному Гамлету было время чтобы думать и философствовать, а мое время было считанным. А кроме того . . . Кроме того мне было попросту говоря очень страшно и я сильно трусил. И было мне совсем не до Гамлета . . . Минуты истекали . . .

Надо сказать, что в плену, за проволокой должно было бы быть лишь одно желание: бежать! . . .

Ведь человек в нормальном состоянии духа плохо переносит посягательства на его свободу.

Но в плену обстоятельства, как раз и прежде всего, ненормальные. Поэтому люди в плену часто и не стремятся бежать. Одни по причинам чисто физическим – плен изнуряет и слабые слабеют еще больше. Другие не бегут в силу некоторой душевной слабости: «А куда бежать? Ну, убежишь, а дальше-то что? . . . Куда деться? . . .» – эти нередкие разговоры действуют. Появляется апатия, какого-то рода душевный тиф, отупение, болезненное ощущение, что безнадежно, что все равно «весь мир за проволокой» . . . Еще другие, и быть может самые благоразумные, считают, что не век же будет длиться плен, что когда-то выпустят, а потому «посидим, куда торопиться-то? . . .» Но, пожалуй, основная причина та, что там с той стороны проволоки страшно! . . . Здесь, в плену, не страшно. Здесь, быть может, плохо, противно, беспросветно . . . Здесь ничего не нужно, кроме питания, даже и скудного, даже и впроголодь . . . Здесь человек растворен в массе, здесь стерта личность, здесь он номер, только номер, здесь он пленный . . . Но страшно? Нет, здесь не страшно.

Там, на свободе, другое дело. Там все пугает, все страшит. Там, лишь за несколькими рядами проволоки, все люди враги, даже женщины, дети, собаки . . . о, конечно, собаки! . . . Там человек одинок, он даже стремится к одиночеству, ибо всякая встреча это прежде всего опасность, страх. Там, завидя человека, тревожно свербит вопрос – кто это? . . . Конечно, враг, но какой? . . . Враг от врага разнится, каков-то этот? . . . Спросить не у кого, посоветоваться не с кем . . . Один, безнадежно один . . . И все же! . . . И все же кое-кто бежит . . . Люди бегут из протеста, из еще неугасшего чувства долга, из за почти ирра-

ционального стремления к свободе... Из желания кому-то что-то доказать... Бегут потому что бегут... И, быть может, в главном – из желания стать снова человеком!...

* * *

Поздняя зима, или ранняя весна 1941 года. Война надвигалась. Это было ясно, несомненно, неизбежно.

Хотя это и было ясно и несомненно, тем не менее, еще были реальны привычки и навыки мирной жизни, и поэтому неизбежность войны была еще не совсем понятна. Непонятно было, что в один уже, быть может, недалекий час, какой-то рубеж будет перейден, и война вступит из будущего в настоящее, а мирная жизнь уйдет куда-то в далекое и невозвратное прошлое.

«Зиг хайль!... Зиг хайль!...» Стальные шлемы вермахта, безупречная пригнанность обмундирования, блеск, стройность, выправка, слаженность во всем... В этом блеске кровь на сапогах незаметна... Новая Европа!.. «Зиг хайль!.. Зиг хайль!..»

Война надвигалась. Польша, Франция, Голландия, Норвегия, Дания уже лежали ниц перед гусеницами Гитлеровских танков и пылью сапог немецких солдат. Почему же Югославия должна быть исключением? Англия, правда, еще держалась. Но то – Англия, на своих островах. Да, кроме того – надолго ли?

На нашей работе – мы строили мосты и дороги – были две милые девушки-машинистки. Мы все были очень дружны, почти все жили в Любляне, а работали в маленьком городке, километров 25 на запад. И ездили туда или поездом, или автобусом, или как кому нравилось. Как-то раз, возвращаясь автобусом

в Любляну после работы, одна из наших девушек вдруг заскучала, загрустила, как Котляровский писал: «...вся опустилась, мов окисла...», и крупные слезы потекли по ее щекам... Что такое?... В чем дело?... Случилось ли что?... Умер ли у нее кто-нибудь близкий?... Стали участливо расспрашивать. Оказалось... Оказалось, что она плачет потому, видите ли, что, вот, будет война и все мосты повзрывают... Ну, конечно, мы все посмеялись, утешая как могли – какая, де, ерунда мосты – построим новые.

Но дома в тот вечер я тоже заскучал. А что если в самом деле война? Неужели действительно неизбежно?

Недалеко от тех мест, где мы возводили наши мосты и копали выемки для дорог, копошились солдаты югославской армии. Они тоже копали... Строили линию обороны. Эта линия была такая жалкая, жидкая и нелепая на взгляд, что не оставалось никаких сомнений: немецкие танки пройдут через нее, даже и не заметив. Это было вполне ясно...

В один из тех дней нашего начальника – блестящего инженера с немецкой фамилией – вдруг убрали, по обвинению, что он член «пятой немецкой колонны». Это было очень реально – война на носу. Чуть жутко и весьма ясно... Так же ясно, как ясно в хороший день синее небо над Альпами на север от Любляны с их острыми вершинками, из которых особенно ласкали взор красавица Скута и треугольная Ойстрица...

Раз было ясно, что война будет, я решил, что надо принимать какие-то меры «приличествующие обстановке».

Пошел в военное управление, а какое именно за давностью лет уж и не помню. Словом, там что-то регистрировали, кого-то призывали на военную

службу, а кого-то не призывали. Знаю только, что на мое заявление о желании записаться добровольцем в армию, мне было отвечено в том духе, что-де «сидите дома, а если вы будете нужны, то мы вас позовем».

Через некоторое время я еще раз пошел «записаться», и еще раз получил тот же ответ, только на этот раз с некоторым холодком «не суйтесь-де не в свое дело».

Конечно, от того факта, что меня взяли бы или не взяли бы добровольцем, ничего бы не изменилось, ни в худшую ни в лучшую сторону. Однако, после такого приема, мне показалось, что война будет проиграна еще до того, как она начнется. . . .

Не хотят, так не хотят. Надо подготовиться иначе, так сказать в индивидуальном порядке. И прежде всего надо соответственно экипироваться. Мирная, ведь, жизнь провалится, уйдет в небывое, достать ничего нельзя будет, надо действовать пока есть возможность.

Мирная «штатская» одежда совсем не годилась. Заказал себе хорошие высокие сапоги «с пузырьем», чтобы не промокали, и сшил к ним что-то вроде грубых рейтуз. Достал меховую шапку-ушанку. На зимнюю куртку не хватило порошу. Но старая еще в хорошем виде и еще послужит. Когда я первый раз «обмундировался» в этот наряд, то получилось довольно «тонно», а мои друзья смеялись добродушно: «Мальбрук в поход собрался. . .» Купил себе клинковую «опасную» бритву, и один коллега по работе дал мне уроки, как ей пользоваться. «Безопасные жилетки» ведь тоже исчезнут.

В одном из ювелирных магазинов в Любляне уже несколько месяцев в витрине были выставлены ручные часы. Особенность их заключалась в том, что

они не были просто «по честному» выставлены, как десятки других часов, а были за проволоку подвешены в аквариуме, где плавали золотые рыбки. Один раз я даже наблюдал, как приказчик вытащил их из воды, завел, как десятки других часов, и опустил обратно в воду. Сейчас, быть может, этим никого не удивишь, а в то время это казалось невероятным.

У меня кроме будильника часов не было, и я твердо решил, что приобрести такие часы совершенно необходимо любой ценой. Ведь война – может быть придется и в воде отсиживаться!... А может быть, и вернее всего, искал оправдания в войне, ибо очень уж, как говорят у нас на Волыни, эти часы меня «примушивали».

В магазине мне предложили такие же часы, вынув из красивого футляра. Но я, заикаясь и извиняясь, спросил – не могу ли я получить те самые часы, что в витрине... с золотыми рыбками... Они чуть посмеялись, но вынули их из воды, вытерли тряпочкой и с любезной улыбкой надели их мне на руку. Я и футляра не взял от счастья и даже рыбок им оставил...

Разве иногда не кажется, что часы до какой-то степени одушевленные?... Они отсчитывают секунды жизни, они как круглый в бесконечном своем вращении дневник... Их стрелки бежали вместе со мной через долгие годы войны... Бежали, пока... ну об этом позже.

На улице все еще было попрежнему. Над башней замка, что на горке над Люблянкой, сияло весеннее солнце. Вдали горела Ойстрица, а из открытых дверей трактирчика неслись звуки гармошки и чей-то голос пел:

«Яз грэм на Штайерско...»

Я был готов к войне.

* * *

6-ое апреля 1941 года. Мои драгоценные часы показывали что-то около шести утра, когда меня разбудил сильный гул самолетов, к которому примешивались очереди пулеметов тяжелых калибров. Я бросился к окну и отдернул занавеску...

Прямо через замок, справа налево, то есть с юга на север, летели немецкие «Штуки», выплевывая перед собой огненные шарики трасирующих пуль. Это было очень красиво – как фейерверк... «Штуки» быстро скрылись из виду, и вскоре издали донеслись два-три глухих удара. Как мы узнали позже, они разбомбили люблянскую радио-станцию, километров двенадцать на север от города.

Стрелки на часах подводного плавания отсчитывали первые минуты «перехода на военное положение».

* * *

Несколько дней после этого мы ничего толком не знали. Город был наполнен слухами, дышал слухами, жил слухами... Говорили, что Белград разбомблен и что от него осталось мокрое место. Люблянцу, кроме радио-станции, больше не трогали. По слухам немцы то тут, то там. С юга, якобы, движутся итальянцы. Говорили, что такие-то мосты взорваны, а такие-то нет, что некоторые дороги минированы, а другие почему-то нет. С известным коэффициентом вероятности было известно, что сопротивления никакого нет, что югославская армия как будто и не существовала, что солдаты бросают оружие и расходятся кто куда. Те, что мне сказали, что позовут если надо будет, не звали – очевидно не надо было.

да и сами куда-то смылись... Кажется, городская управа, или то, что от нее осталось, посылает какие-то делегации, кого-то умоляя пощадить город...

Но, вот, дня через четыре слухам пришел конец и наступила реальность. Под вечер над башней замка взвился белый флаг. Ослепительное полотнище развевалось на легком ветру. Ясно и определенно... Ощущение звонкой оплеухи... Звонкой? Ну, конечно же, – это звенит и лязгает металлом итальянская моторизованная часть, входящая в город...

* * *

С тех пор прошло четыре с лишним года. Самый конец сентября 1945 года. Война кончилась не только для Любляны, но и по всему миру, и атомный век вступил в свои звериные права.

Что было за это время, чем мы дышали, чем жили, как любили и радовались, чем печалились, чего боялись – это все неважно сейчас. Стрелки на моих часах обернулись н-ное количество раз и с ними обернулась и моя жизнь, как в калейдоскопе... Сейчас было важно лишь одно – быть или не быть, бежать или не бежать.

И решить это надо было сию минуту... Вот путь, вот возможность... На часах-амфибиях, каким-то образом уцелевших за эти военные годы, не остается ничего – время истекло...

Не вернуться-ли назад в безопасность и относительный комфорт лагерной палатки, которая в эти минуты так и манит своим кажущимся скудным уютом?... Вернуться к существованию, пусть впроголодь, но все же к существованию. Вернуться и... почувствовать еще одну оплеуху?...

Но та оплеуха давно забыта, а эта останется со

мною навсегда. Ибо я сам дам ее себе. Ее не изжить, и время ее не залечит... Ну, и что с того, пусть останется, пусть не залечится... Лишь бы вернуться... Вернуться пока еще не поздно...

* * *

Как мы с моим другом и товарищем Романом попали сюда, в эти лагеря для военнопленных всех видов и национальностей, на берегу Адриатического моря, где-то между Римини и Равенной – это тоже сейчас неважно.

Но хочу, однако, отметить, что с Ромкой, с того момента, как мы попали за проволоку, мы жили и дышали только одной мыслью... – бежать! Худо это или хорошо – судить не берусь, но это факт. Бежать мы, естественно, собирались вместе. Но вмешался случай, совершенно непредвиденный и маловероятный, как случаи обыкновенно, а во всяком случае часто, и бывают. Случай буквально ВЫКИНУЛ Ромку из лагеря недели на две раньше. Я знаю, что это ему далось нелегко, я знаю, как он, себя не щадя, бродил героически вокруг лагеря поджидая меня... Но случай безжалостный и чуждый к нашим переживаниями разлучил нас...

Сегодня был мой день. Мой случай.

* * *

Тут надо пояснить кое-что. Бежать прямо из лагеря было уж очень трудно, почти невозможно. Три ряда колючей проволоки в виде рулонов лежали прямо на земле. На этих трех рядах лежат еще два, а сверху них еще один. Вроде пирамиды такой, или длинной-предлинной трехгранной призмы. Для того,

чтобы выглядеть еще поужаснее проволоки обвешены пустыми банками из-под консервов, которые брэнчали, когда кто-нибудь тронет проволоку, и тем обращали на себя внимание часовых. Перескочить это сооружение, конечно, невозможно, а надо ползти через три нижних ряда, надеясь, что часовые не заметят, а банки не выдадут.

Кроме того – еще одно. Подойти в лагере к проволоке очень трудно. Большое открытое пространство, несмотря на кое-какие холмики, бугорочки и кучки земли от стоявших там «во время оно» палаток, просматривается очень легко. Правда, пользуясь этими кучками и бугорочками как прикрытием, и если, конечно, пробовать ночью, то можно ползком относительно близко подкрасться к проволоке. Но за проволокой ходит Томик – а всех часовых мы с Романом называли «Томиками» – вроде как у Пушкина – идет направо песнь заводит, налево сказку говорит... Не знаю говорит или нет, быть может просто мечтает о своей далекой Мэри, но как бы там ни было, когда я пробовал ползти, и был уже на пол-расстояния, то Томик вдруг перестал ходить и уселся на камень прямо против того места, куда я держал курс. Он заметил меня... Пришлось ретироваться задним ходом, что не очень удобно, а морально действует убийственно...

(Продолжение следует)

М.А. Георгиевский

ДЕЛО СВ. ВЛАДИМИРА

Сегодня, в день памяти св. Владимира, естественно обратиться нам мыслью к самому значительному факту нашей истории – к крещению Руси. Самому значительному, потому что сознательную политическую жизнь нашего народа надо начинать им, а не призыванием варягов, тех варягов, что долго еще, в угоду родовому принципу, расчленили в междуусобиях единое тело народа, что иногда, как Святослав, смотрели на Русь, как на этап в стремлениях к далеким заманчивым целям.

Это такое далекое время! И так мало дошло до нас от него достоверных фактов. К тому времени, когда закреплены они были в письменности, оплела их легенда, прекрасная, но и наивно упрощенная. Легенда мешает нам выяснить истинный ход событий и установить индивидуальные черты исторической фигуры. Но одно уже нам ясно, что не складываются легенды вокруг небольших людей и малых случайностей. Только крупные люди оставляют в истории глубокий след. Холодный историзм, рассматривая все события, как производные незыблемых причин, стремится умалить роль личности в ходе исторического процесса. Ну, не Владимир, так кто-нибудь другой совершил бы историей предуказанный шаг. Связь с Византией обрекла-де Русь на принятие христиан-

ства византийско-восточного типа. Может быть и так. Только кажется мне, что во всех этих рассуждениях оставлен без внимания один фактор – чудо человеческой личности, нарушающей равномерность движения исторических событий. Ведь для преодоления косности и инерции последнего момента требуется всегда необычная энергия и восторженная вера в истинность начинаемого. Хозария, например, не имела своего реформатора, и до конца осталась в неустойчивом равновесии двух вер – иудейства и язычества. Мудрая и властная Ольга не дерзнула на то, на что решился Владимир. Пусть рассказ о выборе вер хранит на себе следы литературных заимствований, но он вполне соответствует положению вещей в момент принятия Владимиром решения. Разделения церквей на католическую и православную еще не было, но разница обряда уже намечалась, и шла борьба за расширение церковных областей. Выбор между Римом и Византией уже надо было делать. Обе Церкви развивали энергичную миссионерскую деятельность и выставляли решительные притязания.

Нам известно, что княгиня Ольга вела сношения с императором Оттоном, и что он сделал попытку отправить на русскую епархию епископа Адальберта. В сношениях с папой находился и Владимир Святой. Католическая проповедь интенсивно развивалась в сторону Востока. Не успев через Владимира, она пробовала добиться благоприятных результатов чрез сына его Святополка, женатого на дочери польского короля Болеслава. А принятие христианства в формах римской ориентации должно было повлечь за собою всю сумму последствий.

По иным путям пошли бы народная жизнь, отношения Церкви и власти, культ, быт. Самая душа

народная восприняла бы иные устремления, взгляд на мир, на свои в нем обязанности. Если в другой обстановке легенда о выборе вер была скорее литературным упражнением, то у нас она соответствовала существу дела. Все четыре религии сталкивались в Киеве: византийское и римское христианство, арабское мусульманство и хазарское иудейство. Ни неистовое и мрачное, сродни русскому язычеству, магометанство, ни неудачливое политически иудейство не привлекли князя. Международные отношения и нелады не раз заставляли его подумать о выгодной возможности избрать церковную зависимость от более удаленного императора Запада. И однако он обратился к Византии. Но это не было только спокойное принятие форм высшей культуры. Энтузиазм искреннего убеждения сказался прежде всего в той энергии, с которой Владимир отдался распространению новой веры, искореняя противодействующее язычество всеми средствами.

Об искренности его мы можем судить по тому месту, какое отвел он религии в своей личной жизни, по тому положению, которое он дал Церкви в жизни государственной. Источники засвидетельствовали нам, сколь глубок был душевный перелом, происшедший в князе после принятия христианства. Он изменился во всем, даже в образе жизни своей, отказался от многоженства, развил широкою благотворительностью; даже пиры и обеды его стали средством проявления его любви к близким и окружающим. Вчерашний язычник, он верно понял самую сущность христианства, религии любви и человеческой солидарности. Вот почему народная память сохранила о нем воспоминания, как о «ласковом князе», о «красном солнышке». Эти христианские принципы стре-

мился внести он в самое управление государством. Мы знаем, что он затрудняется наказывать и казнить преступников, боясь попасть в противоречие с началами новой веры, и лишь вмешательство епископов разрешает его сомнения. С Владимира традиционным становится участие Церкви в делах управления государством, а распространение христианства становится делом государственной важности. Понимая, что средства внешнего принуждения одни не дадут желанных результатов, он первый положил начало и нашему просвещению и школе.

Всей своей деятельностью Владимир Святой подготовил дальнейший ход нашей истории. И церковная жизнь и характер отношений Церкви и власти продолжали развиваться в направлении, указанном его начинаниями. Церковь, прежде всего, усвоила взгляд на себя, как на одну из сил, строящих и охраняющих государство. В печальное время княжеских междоусобий она всячески стремится ослабить их, парализовать их дурные последствия и напоминает князьям об их долге и обязанностях. «Княже – говорит великому князю в 1194 г. митрополит Никифор – мы приставлены от Бога к Русской земле востягивать вас от кровопролития». В то время, как распадется Русь, в Церкви сохраняется идея ее национального единства. Церковь бережно пронесит через столетия, не давая ему забыться, священное для нас имя «России», вознося его над распрями феодалов в титуле своих митрополитов «всей Руси», напоминая о нем пастве в поучениях, завещая его потомству на страницах своей безхитростной повести о том «откуда есть пошла Русьская земля». Вожди Церкви не только хранят идею единства Руси, но и работают для ее осуществления. Всем хорошо знакомо значение ми-

трополитов Петра и Алексея в деле собирания Русской земли. Стоя во мнении народном выше слабой еще светской власти московских князей, они прикрыли своим авторитетом начатое Москвою великое дело национального объединения. Сколь важно было участие архипастырей в деле собирания Руси, свидетельствует глубокое почтение, с которым относились князья к митрополитам, считаясь с их советами, заведая детям своим на смертном одре «слушаться владыку».

В тяжелую пору татарского ига князья искали у Церкви совета, а народ утешения и помощи. Церковь утешала в минуты бедствий, укрывала за стенами своих монастырей во время вражеских нашествий, увещевала терпеливо переносить бедствия в чаянии будущего освобождения, благословляла на борьбу, помогала оставшимся сиротам, собирала деньги для выкупа пленных. В этой тяжелой работе на благо родины сложился своеобразный характер нашей Церкви. Она – Церковь национальная, не государственная, какую была Церковь византийская, не государство в государстве, какую стала Церковь католическая. Самобытность ее сказывается во всем ее укладе.

Возьмите для примера монашество.

Мы привыкли, руководясь установленным немецким трафаретом, отличать монашество восточное, созерцательное, от монашества западного, деятельного. Эта схема не применима в полной мере к монашеству русскому. Правда, в рядах своих оно может перечислить столпников, молчальников, постников, умерщвлявших плоть свою, но не в этом видим мы подлинное лицо его. С самого начала наше монашество было школой благочестия и хозяйственного

труда. Прочитайте Печерский Патерик и присмотритесь к жизни первого монастыря русского, духовного детища преподобного Антония, принесшего свои суровые аскетические идеалы с Афонской горы.

Среди подвигов, которым предаются монахи этого монастыря, наряду с бдениями, постом и умерщвлением плоти, вы увидите переписывание книг, ткацкую работу, колку дров, работу на поварне, уход заходящими больными. Когда же народ, утомленный непосильной борьбой с непрерывно растущим потоком кочевничьих орд, отхлынул на север и потянулся в дремучие леса, унося туда и свою государственность, хозяйственное значение и деятельность монастырей еще больше усилились.

Впереди княжеских слуг, впереди трудолюбивого крестьянина в чащу дикого леса врубался монах, ставил себе келью, расчищал пашню, и начинал неслышно великое дело освоения территории для будущих поколений, а заодно и приобщения к вере Христовой и русской культуре инородца.

Монастыри русские – один из главных факторов в процессе колонизации и христианизации нашего севера. За святителем и молитвенником земли Русской преподобным Сергием мы могли бы дать долгий перечень имен подвижников, указывавших путь этому мощному колонизационному движению: Леонтия Ростовского, Стефана Пермского, просветителя зырян, Зосимы и Савватия, поставивших крайний оплот русской народности на Белом море, Кукшу, просветителя вотяков и многих других.

В процессе мирного слияния в одну национальность русских пришельцев с окружающим инородческим миром доля культурной работы Церкви огромна. В этом направлении деятельность ее не прекра-

щалась до самого последнего времени. Еще середина XIX-го столетия дала нам самоотверженного работника на этом поприще, митрополита Иннокентия, просветителя алеутов, обошедшего с проповедью далекую восточную Сибирь, вплоть до утрюмого острова Уналашки. Вот каковы были эти «созерцатели». Они породнили нас в вере с народами отдаленнейших окраин земли нашей, перевели евангелие на все монгольские и финские языки. Не будем отрицать, что в сравнении с монашеством западной Церкви, наши иноки покажутся простецами. Клир и монастыри запада в мрачное время средневековья были средоточием науки и культуры, сохранили драгоценные остатки и сейчас захватывающего нас паганизма. Наследница эллинизма, западная Церковь стояла на высоте своих задач – интернациональной христианизации и сохранения культуры. И западный монастырь был центром этой работы. Монастырь православный был тихой пристанью для усталых душ, школой труда и неизсякаемым источником жертвенной любви к родине. Все силы нашего народа напряжены были в борьбе за сохранение своего национального существования. И пастыри его были люди простые; и слова их были простые, но они доходили до сердца народного, одушевляли на подвиг, утешали в тяготах и печалях жизни. Сравнивая Церковь нашу с передовым католическим духовенством, овладевшим верхами образованности, часто упрекали ее в неумении отозваться на современные вопросы, в отсутствии культурной утонченности. Забывают, что православная Церковь, при наличии тяжелых задач служения народу, оставила миру мирское знание, меняющееся в отдельные эпохи. Теоретически это понятно для людей, обретших невременную истину. Практически

оно имело свои хорошие последствия.

Интенсивно участвуя в научной и философской жизни современности, католичество никогда не довольствовалось значением одной из сотрудничающих сторон в общей культурной работе; оно стремилось господствовать и указывать. Это неизбежно вело к столкновениям и отпадениям. В православии нет канонизованной философской доктрины, какую в католичестве является философия Фомы Аквината, нет поощряемых и индексированных научных дисциплин.

Считаю долгом оговориться, что речь идет здесь о принципах, а не о единичных проявлениях нетерпимости. В рамках этой теоретической неопределенности зато легче разрешить один из самых наиболее болезненных вопросов нашей современности – вопрос об отношении Церкви и интеллигенции. Если Церковь не провозглашает официально терпимости к научным и философским учениям, то практически и житейски эта терпимость осуществляется, кроме редких случаев слишком далеко зашедших столкновений. В двери нашего храма за верующим может войти и сомневающийся и колеблющийся.

Я говорю все это не для самовосхваления, не в желании повторить с фарисеем: «Боже, благодарю Тебя, что я не таков, как прочие». Нет, в этот знаменательный день я вспоминаю долгий почти тысячелетний период, прожитый народом нашим под крылом матери Церкви... Простой, благостной и кроткой (ибо таков характер Православия), с загрубелыми от работы руками, терпеливой, но не рабым терпением, а полным упорной энергии преодоления житейских несчастий.

Возмужав, пробуя многое решить собственными силами, не забудем, что силы эти закалены были ее

заботами, что первые шаги на тяжелом житейском поприще она сопровождала и поддерживала. Что даже самый характер наш народный сложился в лоне Православия. Ведь, забывая об этом, мы продолжаем гордиться Россией именно как евангельской страной, бедной страной смирения и тайны, непонятной для холодного рассудка. Иначе бы зачем повторяли мы, говоря о ней, строки Тютчева:

Удрученный ношей крестной,
Всю тебя, страна родная,
В рабском виде Царь Небесный
Исходил благословляя.

«РУССКАЯ ЖИЗНЬ»

Основана в 1921 г. в г. Сан-Франциско

Русская национальная газета

Отделы : религия, наука, история, политика, литература, женский, спортивный, хроника, медицинский, юмор, крестословицы.

Выходит 5 раз в неделю (вторник - суббота)

Подписная плата : 1 год — 50.00 ам. долл.,
6 мес. — 30.00 ам. долл.,

Адрес :

2458 Sutter Street, San Francisco, Calif. 94115.

РУССКАЯ ОБЩЕСТВЕННОСТЬ ГОТОВИТСЯ К ТЫСЯЧЕЛЕТИЮ КРЕЩЕНИЯ РУСИ

В субботу 8 марта в церковном доме при соборе Св. Александра Невского в Париже состоялось первое Общее собрание Западно-Европейского Комитета празднования 1000-летия Крещения Руси, которое будет отмечаться в 1988 году.

Созданный и подготовленный Учредительной Группой (начиная с 5 марта 1985 г.). Комитет состоит из представителей Западно-Европейской Православной Архиепископии, Западно-Европейской Епархии Русской Зарубежной Церкви и 32-х культурных и бытовых организаций, перечень, которых будет приведен в следующем сообщении.

Первое заседание Комитета началось с молебна, отслуженного о. Анатолием Раковичем с диаконом о. Симеоном Донсковым и с малым Архиерейским хором под управлением Е.И. Евеца.

Собрание открыл председательствующий Учредительной Группы В.С. Авьерино, приветствовавший собравшихся и доложивший о работе, проведенной Учредительной Группой. Затем он предложил избрать председателя и секретаря Собрания, каковыми были избраны А.Д. Шмеман и Ю.П. Залесский.

Председатель Собрания очертил намеченную Учредительной Группой программу деятельности Комитета, в частности, создания Комиссий для работы по различным вопросам.

Созданы следующие комиссии:

– По подготовке **торжественного собрания** празднования 1000-летия, назначенного на день

Всех Святых в Земле Российской Просиявших – **13 июня 1988 года**. Председателем комиссии избран **кн. С.С. Оболенский**.

– По устройству передвижной **выставки**, с экспонатами по истории Руси и Православной Церкви. Председатель – **М.А. Соллогуб**.

– По подготовке **съезда молодежи**, посвященного этому событию. Председатель – **Н.В. Жестков**.

– По делам **печати и издательства**, под председательством **В.С. Авьерино**.

– **Финансовая** комиссия, под председательством **А.Д. Шмемана**.

Затем состоялись выборы **правления Комитета**. Единогласно были избраны:

Председателем – **кн. С.С. Оболенский**, Вице-председателем – **А.Д. Шмеман**, Генеральным секретарем – **Ю.П. Залесский**.

В правление Комитета также вошли: председатель всех комиссий, о. Анатолий Ракович (Западно-Европейская Русская Православная Архиепископия), о. Михаил Арцимович (Западно-Европейская Епархия Русской Зарубежной Церкви), П.С. Никитин (Русский Обще-Воинский Союз), Г.А. Дейша (Союз Русских Дипломированных Инженеров), Н.Г. Росс (Народно-Трудовой Союз), З.Е. Залеская (Общество «Икона»), а также О.А. Красовский (от Российского Национального Объединения в Германии, редактор журнала «Вече»).

Правлению предоставлена возможность кооптировать любого из членов Комитета, могущих взять на себя какую-либо конкретную работу, а Комитет может, естественно привлекать в свою среду представителей как других русских организаций (еще в него не вступивших), так и отдельных лиц, известных своей общественной деятельностью.

Первое Общее собрание закончилось пением тропаря Пресвятой Богородице, а затем все участники были сняты общей группой на ступенях Св. Александро-Невского собора.

«Русская мысль» – 21 марта 1986 г.

НАША СТРАНА

Еженедельная газета

Основана в 1948 г. И. Солоневичем

Орган русской монархической мысли

Цена номера газеты воздушной почтой:

Австралия — 0.80 австр. долл.,

Германия — 1.80 нем. марок,

Италия — 1.100 лир,

США — 0.80 ам. долл.,

Франция — 5 фр. франков.

Парагвай — 0,30 амер. долл.,

Чили — 0,30 амер. долл.,

Остальные страны — 0.80 амер. долл.

Чеки посылать по адресу:

Sr Miguel Kireeff

Monroe 3578, 11.

1430 Buenos Aires, Argentina

Сведения из Советской России

АЛЕКСАНДР ОГОРОДНИКОВ – ВЕЧНЫЙ ЗАКЛЮЧЕННЫЙ?

Сведения о том, что организатор семинаров по изучению вопросов религиозной философии и богословия, Александр Огородников, не был направлен в ссылку после окончания второго заключения в лагере со строгим режимом, а был вновь судим, подтвердилось, причем стал известен его новый тюремный срок. По сообщению попавшему на Запад, Огородников был обвинен в конце прошлого года в «злостном неповиновении требованиям администрации исправительно-трудового учреждения (ст. 188-3 УК РСФСР) и приговорен к двум годам лагерей со строгим режимом.

Александр Огородников, которому теперь 36 лет, был арестован в первый раз в ноябре 1978 года и обвинен в «ведении в течении длительного времени... паразитического образа жизни» (ст. 209 ч. 1 УК РСФСР). Этот арест явился кульминационной точкой многолетних преследований. Несмотря на хорошую успеваемость, молодой верующий был исключен из трех вузов, впоследствии он был трижды уволен с работы и зарабатывал на жизнь перед арестом обработкой маленького приусадебного участка родителей. Так как прокуратура не признала это занятие «общественно полезным трудом», Огородников был приговорен 10 января 1979 года к одному году лагерей с

общим режимом. Один из его друзей описал этот судебный процесс в документе «Суд-спектакль над Александром Огородниковым». Однако по истечении срока он выпущен не был. Этот приговор был только началом его страданий в тюрьмах и лагерях. Уже месяц спустя после этого первого приговора его друзья сообщили, что им стало известно о том, что над Огородниковым «реально нависла угроза увеличения срока». Эти их опасения подтвердились. В сентябре 1980 года, еще до окончания срока, Огородников был обвинен в распространении «анти советской агитации и пропаганды (ст. 70 УК РСФСР) в лагере, где он отбывал заключение и приговорен к шести годам лагерей со строгим режимом и пяти годам последующей ссылки. Этот судебный процесс обратил на себя внимание международной прессы, которая особенно подчеркнула жесткий приговор, вынесенный молодому христианину. В некоторых статьях подчеркивалось, что этот процесс рассматривается на Западе как «последний шаг» по уничтожению оставшейся маленькой группы инакомыслящих. По западным источникам Огородников отказался от назначенного ему судом защитника и после этого судья приказал удалить из зала суда его мать, единственную присутствующую на процессе родственницу. Огородников проводил тогда голодовку в знак протеста против повторного ареста и сурового приговора.

И вот Александр Огородников осужден в третий раз – не покидая тюрьмы, он подвергнут новому наказанию.

Ответ на вопрос, почему именно этот молодой верующий преследуется властями так немилосердно, можно найти в некоторых из обращений его друзей по семинару и в заявлениях самого Огородникова. Еще в 1978 году Огородников подчеркнул, что дея-

тельность христианского семинара, участники которого, в частности, готовили выпуск журнала «Община» «... призван отразить процесс религиозного возрождения современной России и описать опыт блужданий современного поколения от марксистских догм к религии и Церкви». Если принять во внимание обеспокоенность партийных идеологов поисками некоторой части молодежи жизненных идеалов вне учения марксизма-ленинизма, то можно предположить, что именно поэтому Огородников проведет еще годы и годы в неволе. В «Заявлении», сделанном его друзьями в феврале 79 года, после первого суда над ним, уполномоченному Совету по делам религии города Москвы, они прямо указали, что «... причиной такого ожесточенного преследования Александра Огородникова является его деятельность по созданию Христианского семинара, ибо именно так понимает он свой долг христианина и русского человека».

По последним сведениям, здоровье Огородникова очень пошатнулось за время заключения: он потерял все зубы и почти полностью ослеп.

3 марта, 1986

Николай Бренников

БРЕННИКОВ (СЕРЕБРЕННИКОВ) Николай Валентинович,

историк русской религиозной философии XIX века, родился 27.01.54 г.

В 1973-74 гг. отбывал принудление за дезертирство и попытку перехода границы;

выпустил несколько археографических и правозащитных публикаций, сборники стихов «Ангел мой» (Томск-Л, 1982 г.) и «Складень» (Томск, 1984 г.).

ОБРАЩЕНИЕ К ВЕРУЮЩИМ В ХРИСТА

Во имя Отца и Сына и Святого Духа

Близится светлый праздник 1000-летия Крещения Руси.

На Благовещенье обратился я к Патриарху Пимену с просьбой объявить молитвенный Тысячеднев по заключенным за веру и к коммунистическому руководителю М.С. Горбачеву с предложением амнистировать преследуемых верующих: ответов не было. Письмо, отправленное в ЮНЕСКО, с тем чтобы назвать год 1988 годом Русской Церкви, вряд ли попало по назначению.

Ныне обращаюсь к вам, главы православных Церквей и общин, ибо вам теперь многое дано и как никому понятны наши чувства и чаяния, да укрепит вас Господь в канун Вселенского собора.

Обращаюсь особо к Вам, Ваше Святейшество Иоанн-Павел II, ибо Вы не только Папа, но и славянин, протянувший нам руку. Именем покровителя

Руси Святого Николая Мирликийского, чьи мощи покоятся в Италии, а день их перенесения отмечаем Русской Церковью, прошу помощи, ибо от всех нас зависит, с чем придут наши дети к 2054 г., 1000-летию раскола.*

Обращаюсь к вам, главы протестантских церквей и общин, ибо Церковь – одна и наш праздник – ваш, да будет среди вас Дух Святой.

Обращаюсь к вам, главы церквей и общин, исповедующих Никейский Символ Веры, да сохранит вас Господь.

Обращаюсь к вам, главы религиозных обществ, «да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела . . .» (Матф. 5:16).

Обращаюсь ко всем, почитающим Христа, помочь молитвой терпящим за веру и делом возвысить душу, да удержим чашу сию.

Обращаюсь ко всем людям живой совести.

40-летний путь Своего народа в пустыне Христос, Господь наш, по Крещении Своем ознаменовал 40-дневным постом и тем нам заповедал. 5 ноября 1985 г. преклоним колени перед подвигом гонимых и вознесем Христу молитвы о них – начнем Тысячеднев, да напутствует нас икона Казанская Божьей Матери.

Вспомним, откуда вышли и куда идем, что для нас Церковь Иоаннова,** любимого ученика Христова, и что нам величайшее событие России, создавшее русскую – то есть украинскую и белорусскую – общ-

---

* Имеется в виду раскол Христианской Церкви на Восточную и Западную.

** Так иногда называется Церковь Православная.

ность таковой, какой она была столь недавно. Истинно, отечество нам – Царство Божие и «нет различия между Иудеем и Эллином» (Рим. 10:12), и то истинно, что материнское молоко, нас вскормившее, – русская культура, сотворенная православием. Не потеряем же памяти и самосознания. Если не ступим ни шага, если не молвим ни аза во спасение отторгнутых и защиту своей веры против рассеиваемого по свету зла, с чем явимся в радостные дни 1000-летия Крещения Руси?

Должно требовать

– от правительства СССР амнистии осужденным верующим (исключая изуверов);

– от иерархов Церкви объявления молитвенного Тысячеднева во имя единения с заключенной паствой и друг с другом.

Мир вам, с вами Господь наш Иисус Христос.

Аминь.

2 авг. 1985 г.

Томск

Николай БРЕННИКОВ (СЕРЕБРЕННИКОВ)

ПРИЛОЖЕНИЕ № 1

Пимену, Патриарху всея Руси

Отче,

лишь патриаршей волей возможно то разрешить, с чем предстаю перед Вами.

Как мирянин, плоть от плоти Церкви, и гражданин, плоть от плоти государства, я увидел, что могу возвыситься до правды.

Грядут великие дни 1000-летия Крещения Руси. Даже с Ивана III и юбилея русской государственно-

сти не бывало такого праздника, но Промышлением Господним он выпадает на тяжелое время, тем более тягостное, что Крещение застанет многих за решеткой да колючей проволокой – не за преступленья заключенных, не за ложь, а только за живую совесть, во исповедание веры в Бога. Истинно «вера без дел мертва» (Иак. 2:20), стыдно молчать и отворачиваться.

Христос, Господь наш, в ознаменование 40-летнего пути Своего народа держал по Крещении Своем 40-дневный пост и нам заповедал тем примером. Должно объявить Тысячеднев по церквам – по монастырям хотя б! – да возмолятся о даровании свободы для отторгнутой паствы, и да не иссякнет дух соборности в православии!

Отче, нам обоим жаль что-то терять в этой жизни, будем же уповать на Бога. Не Сергия-местоблюстителя, а Тихона свят путь. Если не умилюсердим, то совокупным усилием попытаемся убедить правителей, что велено им быть грозными «не для добрых дел, но для злых» (Рим. 13:3), а коль не попытаемся, несмываемый грех понесем до гроба и за гробом. Мы – сила не в самоуспокоенности и равнодушном ожидании Возвращения Христова, а в единстве друг с другом и Господом. Поддержите же обретенную честь борца за мир, дайте понять – самим пастырям в первую голову! – что Церковь не поприще для карьеры, а Храм Духа живого.

Обратимся, пока не сказано Ангелу Русской Церкви: «...имею против тебя то, что ты оставил первую любовь твою. ...ты носишь имя, будто жив, но ты мертв. ...Вспомни, что ты принял и слышал, и храни и покайся. ...Се, стою у двери и стучу...» (Откр. 2:4; 3:1; 3, 20).

Благовещение, 1985

Николай

ПРИЛОЖЕНИЕ № 2

г. Москва, Кремль
Горбачеву Михаилу Сергеевичу

Михаил Сергеевич,

на 1988 год приходится 1000-летие Крещения Руси, величайшего события нашей культуры – праздник всенародный, ему подобного не найти в истории ни при Иване III, ни при торжествах 1000-летия российской государственности.

Увы, коммунистическая общность не выдерживает лакмусовой пробы христианства. Можно ли всерьез говорить о свободе совести? Видимо, живущие по совести уже не нужны и забвение культурно-нравственных истоков – общее место.

Начните свое правление актом мудрости и милосердия – амнистией заключенных в тюрьмы, психбольницы и лагеря за живое исповедание веры в Бога, пусть они встретят светлые дни Крещения у себя дома. Отпустить безвинного – никогда не рано, это доказательство не слабости, но силы, не страха, но уверенности и трезвости. Довольно делать мучеников.

Доподлинно знаю и помню зримо, чем может обернуться мое письмо, но готов повторить все сказанное здесь.

7 апр. 1985 г.

СЕРЕБРЕННИКОВ

О себе: родился в 1954 г., в 1973-1974 гг. отбывал принудление за дезертирство и попытку перехода границы, историк русской религиозной философии XIX в.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 3

ЮНЕСКО
Франция, Париж, 75700,
пл. Фонтенуа, 7

Господа,
близится великий праздник не только для страны, расprostертой на шестой части света, но и для Болгарии, Югославии, Греции, Кипра, Ливана, Румынии, для 150 миллионов православных христиан всего мира – 1000-летие Крещения Руси, приходящееся на 1988 год.

Некогда, в преддверии раскола, жестоко затем дробившего Западную Церковь, Дух Божий снизошел на Русь, и русский поместный праздник – праздник всех Церквей, ибо Церковь едина.

Хорошо, если ЮНЕСКО покажет непредвзятость в проведении даты столь счастливой в истории русской культуры и объявит 1988 год как год русской Церкви.

7 апр. 1985 г.

Николай БРЕННИКОВ (Серебренников)
историк

Ольга Арсеньева

КТО ПРИВЕЛ МЕНЯ КРЕСТИТЬСЯ?

Жила я с матерью. Отец ушел, когда мне было два года. Бабушка по матери всю свою жизнь не оставляла церкви, несмотря ни на какие перемены вокруг дома. Она всегда читала одну и ту же молитву перед едой, освящая и пищу крестным знаменем, утром и вечером. Стоя перед иконой Иоанна Предтечи с всегда горящей лампадой и накрытой вышитым чистым полотенцем, маленькая, худенькая, тихая. Все это я хорошо помню от тех дней, когда мать моя приводила меня к ней на день или несколько. У бабушки было тогда пять внуков. За всеми ходила, восполняя с любовью все то, что не успевали делать их матери. Окрестила всех, а меня не удалось, время от времени кратко причитая: «Креститься надо бы, Оленька!» Тогда я ее спрашивала, желая в глубине души что-то от нее услышать: «Бабушка! А что, Бог есть?» – «Есть, Оленька!» – «А нам в школе говорят, что нет!» – «А вот как же?» – теперь уже спрашивала меня бабушка: «Задумаешь что-нибудь завтра сделать, а оно не получается?» Это меня действительно озадачивало. Этот диалог у нас повторялся не однажды. В возрасте 9-ти лет я сильно болела фурункулезом. Страшные нарывы были по всему телу, не сходя в течение трех лет. Были перепробованы все возможные средства, от которых совсем устала, не имея пользы, и наконец сказала то, чего никак не

могла бы сказать сознательно: «Ничего больше принимать не буду, ищите бабушку, которая исцеляет». Бабушка сказала, что никого не знает. Но пошла в церковь, помолилась, и вскоре такая бабушка нашлась, и недалеко от моей бабушки она жила. Бабушка приводила меня к ней три утра подряд. Меня ставили лицом к иконе, и касаясь вокруг самого свежего нарыва, целительница читала молитву три раза. Все это мне было необыкновенно интересно, целительное тепло разливалось вокруг больного места, и я ясно слышала каждый раз слова: «Хлеб наш насущный дасть нам днесь» и запомнила их. В конце последнего визита моя бабушка оставила целительнице что-то из съестного, видимо форма платы, подумалось мне. Действительно, обстановка была наискромнейшая. Вскоре все нарывы прошли и не повторялись более.

В период окончания школы мне попала в руки антирелигиозная брошюра на тему Евангелия. В ней я увидела страницу, на которой отдельно от всего текста была молитва на современном русском языке и старо-славянском, как бы для какого-то сравнительного анализа. Прочитав эту молитву, я сразу же ее узнала по словам: «Хлеб наш насущный . . .» и тут же выучила наизусть. Еще через некоторое время одна знакомая принесла маме вырезку из годового календаря о Плащанице, где сначала подробно излагались данные о ее существовании, а затем шла пропаганда вымысла этих данных. Меня настолько потрясла первая половина этой информации, что я только выдохнула: «Он, что, правда, был?» Эта женщина сказала: «Конечно, а ты, что, не знала?» И так как она как бы смеялась, я спросила второй раз: «Нет, правда был?!» Надо сказать, что до этого момента во мне жил компромисс между пропагандой и

моим сердечным желанием: я считала, что образ Иисуса Христа – это созданный людьми идеал Красоты, Доброты, Ума и Силы. Но, как только меня прожгла мысль, что этот Идеал жил среди людей, был живым, я уже не захотела с ней расставаться. С этого момента я получила полную убежденность, что Иисус Христос жил на земле среди людей, и люди собственными глазами могли видеть эту Красоту, Доброту, Ум и Силу.

Первый опыт моей веры пришел вскоре. Окончив школу, я пыталась сдать экзамены в Архитектурный институт, но как и ожидала – провалила их. Не было у меня ни платных преподавателей для подготовки, ни нормального чертежного инструмента, ни нужного учебника, ни справочника – одно желание. Даже самая близкая подруга, посещая своего платного преподавателя, как-то всегда забывала мою просьбу показать мне хотя бы один типичный пример для вступительных задач по физике и математике. Но, удивительно, после этого неуспеха в душе – уверенная спокойная радость. Рассуждения же мои были: «Посмотрю на все это в жизни на практике, поработаю среди взрослых – это полезно для лучшего понимания, а затем попробую еще раз». Мама была против второй попытки, т.к. денег на жизнь было недостаточно. К следующему лету атмосфера в семье так накалилась, что я решила уйти и делать все самостоятельно. Я поселилась у подруги, которая поступала в то же лето также, как и я. Второй раз знания мои были слабые, и я решила читать каждый день молитву, единственную, которую знала – «Отче Наш». Три раза я читала, просыпаясь утром и засыпая на ночь. Сдала я экзамены блестяще, получила стипендию и по своим данным была сразу назначена старостой группы. Мама была совершенно довольна.

Знала я, что это все только по молитве, так как проходила экзамены в большом страхе. Многим рассказывала про это сразу же, и кто-то сказал мне поставить свечу в церкви в благодарность, но я этого не сделала.

Начался учебный год, я в изумлении обнаружила, что у меня абсолютно пропал интерес к учебе и мне приходится себя к этому насилловать. Бабушка моя последние два года уже не вставала и все только молилась о всех нас. Через год она отошла, и еще через полгода на меня повалились одна за другой все беды. Сначала я с ними ожесточенно боролась, но вскоре глубоко осознав свою беспомощность и незащищенность, потеряла всякое желание, кроме одного: какой-нибудь смертельной болезни или случая. И говорила про себя: «Господи! Не могу сама с собой ничего сделать, но забери меня Сам отсюда, нет у меня ни сил, ни желания жить». А в глазах как бы все вижу белую больничную постель, и белые стены, и белые двери, и белые халаты, и белые шапочки – все белое-белое. А в груди так, как если бы навалили свинцовую плиту, и вздохнуть глубоко невозможно – все сдавлено. Но Господь услышал меня и послал мне самое нижайшее испытание, так что уже мать моя сказала: «Ходит полумертвая, нет-нет скончается!» Но уже и она молилась (как позже она мне говорила). А я все только «Отче Наш...» А потом уже прибавляла: «Избави, Боже, выведи из хаоса, покажи путь мой». И Господь вывел. В эти три года – три адских ночи моей жизни ко мне приходили стихи, приходили сами, не было желания в них что-то исправлять, словно дух произносил их строчками в душе моей.

И вот знала я, что хочу креститься. Но не знала, что для этого делать. Кругом говорят, что священ-

ники в церквах не священники. И молилась: «Господи! Окрести меня. Сделай так, как должно и дай знак, когда придет время!» И вот была у меня искренняя подруга и у нее сын, которого я любила и переживала о нем, что он без отца, ему был год. Я говорила ей, что надо его крестить обязательно и ей самой креститься. И вот однажды девушка с ее работы зовет ее с собой в церковь, девушка оказалась верующая. Ходили вдвоем несколько раз, я спрашиваю: «Почему не берешь сына?» – «С ним там неудобно, – говорит, – капризничает, народу много, стоять долго». Стала я ее просить: «Поди с ним, с ребенком-то все Бог сразу устроит, ради него все и устроит». И вот пошла она с ним. После службы во дворе церковном на скамейке застегивает ему пальтишко. Идет мимо чтец. Решил подойти. «Не знаю, как что-то толкнуло. Первый раз вне службы подошел к молодой женщине. Никогда этого не делал – правило у меня такое» – говорил он нам позже, став нашим крестным отцом. Они разговорились и подруга рассказала обо мне, что хочу креститься. Привела к нам. Я жила с мужем. В настороженности и внимании я стала его спрашивать. Он с открытостью и горячностью объяснял смысл крещения. Я спросила о священниках, которые посвящены не по убеждению. На это он мне ответил: «Крещение совершает Сам Господь Иисус Христос, через священника. Неважно какой священник крестит, таинство совершается объективно, если порядок сохранен правильный. За двуличие же Сам Господь судить будет». Теперь я была готова полностью и он это видел. Крещение состоялось на третий день от этой встречи на праздник св. апостола и евангелиста Марка (8 мая). Не буду утомлять читателя описанием удивительных снов, которые я видела ровно за год до этого собы-

тия великого для моей жизни. О них я и рассказала ему, ставшему нашим крестным отцом, так как мы с моей подругой и с ее маленьким сыном крестились вместе и мальчик этот стал моим крестником.

Благодарю Господа Иисуса Христа, отделившего мутную воду моей жизни и освятившего меня, грешную, во имя Его, и давшего мне Причастие. Не могу не упомянуть, что после этого крещения наших друзей и маленьких детей и младенцев окрестилось около 12 душ, две пары венчались сразу же после крещения. Мы с мужем стали посещать церковь «Рождества Иоанна Предтечи», где мы были и обвенчаны на праздник св. Богоотец Иоакима и Анны, и после этого на престольный праздник храма у нас родился первенец, которого мы и назвали Иоанном. После первых же посещений церкви «Рождества Иоанна Предтечи» куда постоянно приходил для крещения народ самого разного возраста и звания, я вспомнила бабушкину икону. «Бабушка, что за икона эта?» – «Иоанн Предтеча». Так воочию видели мы, как великий Святой Иоанн Креститель, Господень Предтеча сотворял над Москвой новое крещение.

В. Кобылин**САНТА БАРБАРА ***

В Южной Калифорнии на побережье Тихого океана расположен небольшой живописный город Санта Барбара. Население города состоит из 85 тысяч жителей. Весь город делится на несколько районов, каждый из них отличается каким-либо образом

---

* Получив настоящую статью мы усумнились, есть ли у нас основание ее печатать. Ведь более-менее сказанное в ней можно отнести и не к одному десятку столь же милых небольших городков Америки. Мы вступили в переписку с автором статьи и узнали некоторые подробности о русских насельниках города Св. Варвары (Санта Барбара). Многие из них (в большинстве это люди пенсионного возраста) – участники всех пореволюционных наших невзгод, сумевшие закончить свое высшее образование в Европе или тут в Америке. Некоторые стали профессорами университетов, сотрудниками русской прессы в Америке или авторами книг, как, например, автор печатаемой статьи, издавший свой исторический труд – «Император Николай II и генерал-адъютант М.В. Алексеев». Другими словами, мы узнали, что благами райского уголка на океанском побережье пользуются наши соотечественники, заслужившие глубокую благодарность всех русских людей. Узнать об условиях их жизни в настоящее время будет интересно многим.

Редакция

один от другого. Так, например, Монтесито представляет собой то, что американцы называют «резиденшиал», то есть часть города с особняками, садами, дорожками для верховой езды и лучшими ресторанами города. Центр города, или «даунтаун» представляет собой классический характер города с многочисленными магазинами, кафе, различными коммерческими предприятиями и всевозможными деловыми представительствами.

Совсем вплотную к Санта Барбаре примыкает соседний городок Голета, а дальше расположен местный аэропорт, за которым находится университетский городок (кампус) отделения Калифорнийского Университета, отдельные кампусы которого находятся в восьми городах, включая Санта Барбара.

Во всех частях города находятся парки, зелень которых украшает чрезвычайно живописный и красиво-расположенный город. В Санта Барбаре и ее окрестностях находятся пляжи, которые в солнечные дни полны людей, которые купаются в океане, загорают и играют во всевозможные игры.

Климат в Санта Барбаре суб-тропический, то есть снега, конечно, никогда не бывает, дожди перепадают только в известное время и температура держится очень умеренная, то есть зимой никогда нет сильных холодов, а летом, за исключением нескольких дней, не бывает слишком жарко.

Растительность включает пальмы всех сортов, араукарии, бананы и чрезвычайное разнообразие всевозможных цветов. Санта Барбара является административным центром «Каунти» и в городе находится большое здание Суда, в котором находятся различные судебные установления, включая высший апелляционный Суд. Недалеко от Суда находится здание местной городской «лайбрери», то есть библиотеки и

читальни, в которой можно найти книги на все, интересные читателей темы. Есть книги и на иностранных языках, включая русский язык. Немного дальше расположен местный музей, с богатым выбором картин всевозможных периодов времени, от ренессанса, импрессионизма до современных абстрактных жанров.

В центре города есть театр «Lobego», куда приезжают гастролеры, а также подвизаются и местные силы.

Во всех частях города есть с десятков кинематографов, а в самом большом из них «Арлингтон» время от времени устраиваются концерты приезжих оркестров.

Для русских людей в Санта Барбара находятся две православные церкви – Церковь Воскресения Христова Зарубежной юрисдикции и Св. Владимира – американской Автокефалии. Есть также и греческая церковь Св. Варвары.

В церкви Воскресения Христова есть деятельный церковный Совет с энергичным старостой. По воскресеньям после литургии в нижнем зале церкви устраивается трапеза. Приход в настоящее время возглавляется настоятелем отцом Борисом, который прилагает усилия оживить приходскую жизнь. В городе проживает небольшая русская колония, состоящая главным образом из пенсионеров. Санта Барбара находится между двумя большими городами – Лос Анжелес и Сан Франциско.

Самую большую притягательную силу составляет чрезвычайно удачное сопоставление, так сказать, океана с горным кряжем, который находится почти совсем рядом с океаном. Это придает Санта Барбаре особую прелесть и недаром она называется «жемужиной Америки».

Приезжие русские люди наслаждаются прекрасным климатом, живописным и очень привлекательным городом, а также возможностью бывать в благолепном храме и общаться со своими компатриотами.

Можно с уверенностью рекомендовать нашим землякам переезд в наш прекрасный, скажем, Богом хранимый город Санта Барбару. Для услуг больных есть четыре прекрасно оборудованных госпиталя, три клиники и большое количество врачей-специалистов по всем болезням. Вобщем это одно из немногих мест здесь в Соединенных Штатах, где есть и прекрасный климат и красивый город, пляжи и парки, а также хорошо поставленный медицинский уход за больными. А для верующих есть прекрасный храм и хорошо поставленный приход в Воскресенской Церкви.

ЕЩЕ РАЗ ОБ ИЗОБРАЖЕНИИ БОГА-ОТЦА

На мою заметку «Можно ли изображать Бога -Отца?» («Р.В.» 27-28) последовал ответ Н. Ильинской «По поводу статьи А.В. Русака» в № 32 «Русского Возрождения». Истины ради я вынужден ей возразить и привести дополнительно аргументы в защиту своего мнения.

Н. Ильинская пишет: «... но изображение Бога -Отца, вопреки утверждению А. Русака в древнерусской иконографии все же встречается». Во-первых, я этого не утверждал. Я писал: «В России Новозаветная Троица и Бог Саваоф появились только в XVI веке под влиянием Запада». Добавлю, что сначала появились они во Пскове, затем в Новгороде, потом были занесены мастерами из этих городов в Москву, а со временем распространились по всей стране. Обратимся к авторитетному историку: «Доступным средством ознакомления наших пограничных с Западом псковских мастеров явилась тогдашняя уже печатная немецкая гравюра. Псковичи набросились на новинки и не без творческой оригинальности внесли много новизны в графику, в краски и особенно в самые иконные сюжеты в стиле богословских аллегорий... Псковичи, как показали новейшие розыски историков русского искусства, действительно полукопировали новооткрытые плоды печатного станка в виде западных гравюр и иконных иллюстраций, и полутворили, под впечатлением их, свои собственные иконографические комбинации, сбиваясь на произвольный аллегоризм». (Проф. А.В. Карташев, «Очерки по исто-

рии русской церкви», т. 1, стр. 514-515). Именно эти новшества и вызвали протест Висковатого.

Во-вторых, Н. Ильинская ошибается, называя «Ветхого Деньми» изображением Бога-Отца. «Ветхий Деньми» есть изображение Спасителя. Известный историк иконописи В.Н. Лазарев в своем исследовании «Об одной новгородской иконе и ереси антитринитариев» (сборник *Культура древней Руси*, «Наука», М. 1966), после ссылок на евангельские тексты от ап. Иоанна (я их приводил в своей заметке), пишет: «Они же (тексты – А.Р.) позволяли наделить Христа чертами старца, иначе говоря, слить в одном образе Бога-Отца и Бога-Слово (т.е. второе лицо св. Троицы). Так возник интереснейший иконографический тип, получивший название «Ветхий Деньми». **Христос** (подчеркнуто мною – А.Р.) здесь изображен в образе старца . . .» (стр. 101-103).

Что касается упомянутой Н. Ильинской иконы «Отечество», то тот же В.Н. Лазарев говорит о ней так: «Автор новгородской иконы следует византийско-славянской редакции, но допускает вольности в надписях, превращая Ветхого Деньми в Бога-Отца» (В.Н. Лазарев, *Русская иконопись новгородская школа и 'Северные письма'*, «Искусство», М. 1983, стр. 240).

В заключение вкратце напомним, что вопрос изображения Бога-Отца и Святой Троицы стоял с самого начала зарождения иконографии. Здесь нет возможности подробно рассмотреть его в историческом разрезе, поэтому ограничусь только двумя ссылками на решения Соборов.

На 4-м заседании VII Вселенского Собора в 787 году ответ на этот вопрос был сформулирован так: «Почему мы не описываем Отца Господа Иисуса Христа? Потому что мы Его не видели . . . И, если

бы мы Его видели и знали, как Его Сына, тогда бы мы попытались тоже и Его (Отца) описать и изобразить в живописи» (перевод с немецкого).

В предыдущей заметке я привел выдержки из решений Большого Московского Собора 1667 года, которые ясно говорят о запрещении изображать «образ Господа Саваофа в нелепых и неприличных видениях».

А. Русак

На этом мы кончаем полемику по этому вопросу.

Редакция

Еженедельная газета

« ЕДИНЕНИЕ »

орган русской эмиграции в Австралии.

Выходит с декабря 1950 г.

Цена одного № (12 страниц) .50 центов (австр.).

Пересылка за границу дополнит. по почт. тарифу.

Типография принимает заказы на печ. работы

Адрес: UNIFICATION NEWSPAPER

28 Regent St.

Chippendale, NSW 2008, Australia

РУССКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ

Независимый русский православный
национальный журнал

Подписка:

	США и Канада	Франция	Германия
На 1 год	24 ам. долл.	150 фр.	50 н.м.
Воздушной почтой	39 ам. долл.		
Отдельный номер	7 ам. долл.	45 фр.	15 н.м.

Желающих содействовать бесплатной передаче журнала в Советский Союз просим увеличить подписную плату, насколько кто может.

Просьба чеки выписывать на:

Russkoe Vozrozhdenie — St. Sęraphim Foundation, Inc.

Подписную плату следует посылать:

Russkoe Vozrozhdenie — St. Seraphim Foundation, Inc.

322 West 108 St.

New York, N.Y. 10025

В Европе, Канаде и Австралии — нашим представителям.

.....

Желаю подписаться на "Русское Возрождение"
на 198... г.

Фамилия: .....

Имя и отчество: .....

Адрес: .....

.....

С пересылкой обыкновенной почтой .....

воздушной почтой .....

добавляю поддержку .....

Подпись: .....

Дата: .....

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО «ПУТЬ ЖИЗНИ»

1. ПРЕПОДОБНЫЙ СЕРАФИМ САРОВСКИЙ
В.Н. ИЛЬИН. 206 стр. .... долл. 6.00
2. ИЗБРАННОЕ
Борис ЗАЙЦЕВ. 252 стр. 6.00
3. РУССКИЕ ХУДОЖНИКИ (Сборник статей)
Е.Е. КЛИМОВ. 263 стр. Илл. 8.00
4. ЛЕТО ГОСПОДНЕ
Ив. ШМЕЛЕВ. 529 стр. 12.00
5. ОБЛИК ГЕНЕРАЛА А.А. ВЛАСОВА
(Записки военного священника)
Прот. Александр КИСЕЛЕВ. 200 стр. Фото.
Второе дополненное издание 9.00
6. ВОСПОМИНАНИЯ
М.В. ДОБУЖИНСКИЙ. 400 стр. Илл. 10.00
7. ЧУДОТВОРНЫЕ ИКОНЫ БОЖИЕЙ МАТЕРИ
В РУССКОЙ ИСТОРИИ
Прот. Александр КИСЕЛЕВ (Издание Комитета
русской молодежи) 144 стр. Многочисленные
изображения икон Богородицы в красках .. 12.00
8. АКАФИСТ ПРЕПОДОБНОМУ СЕРАФИМУ
САРОВСКОМУ 3.00
9. О ПОДВИГЕ ОБЩЕНИЯ
Архиепископ Сергей ПРАЖСКИЙ 3.00
10. ...ПАМЯТЬ ИХ В РОД И РОД
(То, что надо знать, сохранить, донести)
Прот. Александр КИСЕЛЕВ. 112 стр.
Твердый переплет, редкие фото. 8.00

St. Seraphim Foundation, Inc.
322 W. 108 St., New York, N. Y. 10025 USA

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	5
Гр. К.Н. де-Рошфор – К отмене крепостного права	7
Архиепископ Андрей – Православие, большевизм и наша эмиграция	34
Кн. Г.Н. Трубецкой – Выборы Патриарха	53
В.Н. Тростников – Письма о болезни и исцелении	59
Дм. Дроздов (Свящ. Дм. Дудко) – Невозможное нам – возможно Богу	76
Свящ. Георгий Калчю – Страдание и Божий промысл	81
П.Н. Будзилович – О возможности восстановления монархии в России	90
Прот. В. Потапов – Деятели русского духовного возрождения прошлого	106
Краткое житие Евфросина -повара ...	118
Гр. М.Н. Толстая – Воспоминания	123
Прот. Валерий Лукьянов – Вести из Иерусалима	158
Владимир Самарин – Обращение	163
Д.В. Шульгин – Колючки	165

К 1000-ЛЕТИЮ КРЕЩЕНИЯ РУСИ

М.А. Георгиевский – Дело св. Владимира	178
Русская общественность готовится к тысячелетию Крещения Руси	187

СУДЬБЫ РОССИИ

Александр Огородников – вечный заключенный?	190
Николай Бренников – Обращение к верующим в Христа	193

ГОВОРЯТ СВИДЕТЕЛИ

- Ольга Арсеньева* – Кто привел меня
креститься? 199

ХРОНИКА

- В. Кобылин* – Санта Барбара 205

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

- А. Русак* – Еще раз об изображении
Бога-Отца 209

РУССКАЯ ТИПОГРАФИЯ

Делаем наборы текстов на английском, русском (по новой и старой орфографии), церковно-славянском языках на электронной машине Мергенталер.

MULTILINGUAL TYPESETTING

56 Rockland Lake Park
Valley Cottage, N.Y. 10989
Tel. (914) 268-3782

Tatiana A. Rodzianko, Ph.D., Owner

RUSSIAN RENASCENCE

Printed in U.S.A. New York, N.Y.

ПРЕДСТАВИТЕЛИ «РУССКОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ»

АВСТРАЛИЯ:

Сидней – Mr. N.M. Serebriakov, P.O. Box A 310, Sydney South, 2000
N.S.W. Australia.

Мельбурн – Mr. A. Souprounovich, 7 Rendell Crt., Oakleigh 3166,
Victoria, Australia.

Аделаида – Miss G.N. Lobatchevsky, 58 Elizabeth St., Croydon,
South Australia 5008.

ГЕРМАНИЯ и АВСТРИЯ:

Herr V.A. Kutsche, Diesel Str. 19, Munchen 50, Germany.

КАНАДА:

Торонто – Mrs. N. Ivanchenko, 4 Indian Valley Crescet, Toronto,
Ont., Canada M6R 1Y6.

Монреаль – Miss Sofia Apraxine, 5316 Duquette, Montreal, Quebec
H4A 1J4 Canada.

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ АМЕРИКИ:

Нью-Йорк – 1000th Anniversary Committee, 322 W. 108th Street,
New York, N.Y. 10025.

Mr. A.O. Rodzianko, 272 Germonds Road, West Nyack, N.Y. 10994.

Вашингтон – Mrs. G. Tunik-Rosniansky, 4920 Weaver Terrace N.W.,
Washington, D.C. 20016.

Массачусетс – Mrs. E. Vorobey, 16 Custer Street, Jamaica Plain,
MA. 02130.

Сан-Франциско – Holy Virgin Community, 6254 Geary Blvd.,
San Francisco, CA 94121.

Mr. & Mrs. Sergei Kotar, 1300 26 Ave., Apt. 504, San Francisco,
CA 94122

Mrs. Ludmila I. Kram, 1125 Chautauquo Blvd., Pacific Palisades,
CA 90272.

ФРАНЦИЯ:

Париж – Mme Marina Déruguine.

17, rue de Boulainvilliers, 75016 Paris, France

Printed in U.S.A. by Multilingual Typesetting

56 Rockland Lake Park

Valley Cottage, N.Y. 10989

Русские люди!

За грехи наши и за грехи отцов наших Бог посылает нам испытания.

Будем просить Его о прощении. А чтобы молитва наша была сильна и чтобы Бог услышал нас, будем молиться Ему все в одно время: по московскому времени в 6 часов утра.

Встал ли ты только с постели, или идешь на работу, или уже на работе, читай про себя в уме молитву о спасении России. А чтобы молитвы всех молящихся слились воедино, читай не торопясь несколько минут:

Отец наш небесный!

Именем Господа нашего Иисуса Христа и Матери Его, Пресвятой Девы Марии и всех святых Твоих, молим Тя, услыши нас грешных молящихся Тебе. Прости грехи наши и грехи отцов наших.

Спаси землю русскую — удел Богоматери и русский народ от всех врагов его, и укрепи державу Твою и веру православную.

*Святой Боже! Святой крепкий!
Святой бессмертный помилуй нас!
(три раза)*

И. Ланской
Jordanville, N. Y. 13361

Присоединяясь к идее И. С. Ланского, призываем всех участвовать в молитве за спасение России. Другим издательствам предлагаем перепечатать воззвание.

Редакция